

ВЕСТНИК
В НОВОРОССИИ
книга третья

BY REVAN

Annotation

Разыгрывается первый кон Большой игры. К столу присоединяются новые игроки, желающие заработать на мировых изменениях, запущенных Вестником

На третьем этаже доходного дома недалеко от центра Петербурга горел свет. Вадим Борисович Беркутов раскладывал новые учебники для технического училища, которое собирался открыть сперва в Заводском, а потом распространить по всей стране.

За окном, выходящим на проспект, промелькнула тень, но Вадим не подал виду, лишь отошел на шаг в сторону висящей на спинке стула кобуре с бесшумным револьвером.

Все звуки притихли, только маятник настенных часов мерно раскачивался и тихий скрип дверей на балкон.

Вадим выхватил револьвер из кобуры и наставил его на женщину в дверях.

— Спокойно большой парень, — она подняла руки. Перед Вадимом стояла Мария Захарченко. Вернее, та кто ей раньше была, ведь и у Вадима, и у Марии горели глаза.

— У тебя появился акцент? — Вадим не опустил револьвер.

— Я еще не разобралась с русским, — она пожала плечами.

Опять, существо похожее на вестника, но не вестник. Вадим шагнул в сторону дверей из кабинета, в спальне у него лежало слобойное ружье, для борьбы с подобными существами.

— Я пришла издалека и хочу договориться, — объясняло существо, — я не буду мешать твоим местным делам, если ты мне поможешь. Обещаю, основной нашей миссии это не помешает.

— Я как-то с трудом доверяю тем, кто забирает тело жены моего друга, — Вадим шагнул еще раз.

— Всего лишь человек. Помогите мне отомстить англичанам и вместе убьем чужака.

— Ну, чужак же будет сидеть тихо, пока мы будем всего лишь воевать с самой большой империей, — Вадим решил подыграть, чтобы побольше выяснить.

— Не обязательно воевать, ты умный парень, что-нибудь придумаешь, — волосы Марии развеялись на ветру с улицы, — а потом вместе, найдем его и убьем. Сама судьба рано или поздно укажет нам на захватчика, как было с двумя предыдущими.

Вадим вернул курок в небоевое положение и убрал револьвер.

— Мы можем столкнуться с собратьями.

— Пф, пусть, выживает сильнейший. Я видела, как ты разделал Анвара в горах. Вместе мы справимся. Да и в России же есть еще братья.

— Ты облако, — окончательно разобрался Вадим.

— Я же говорю — понятливый. Это значит, да?

— Предварительно. Я пока не понимаю, что от тебя ожидать.

— Ничего, еще увидимся. Пока же, это просто визит дружбы, — она засмеялась и потеряла очертания, превращаясь в туман, который исчез так же быстро как и появился в дверях балкона.

Вадим ещё мгновение смотрел ей вслед, после чего скрежетнул зубами. Остальные мертвы. Он последний и его ищут.

Глава 1

17 ноября 1841 года

— Как принятая конвенция о проливах между Великобританией, Францией, Россией и Османской империей повлияет на торговлю в Черном море? — Вадим читал вслух статью из черного варианта нового журнала "Вестник". Ханна Волович молча сидела напротив, за кухонным столом и любовалась осенними пейзажами Петербурга.

Она пришла пораньше, поймав Вадима за завтраком, чтобы вручить черновики новых журналов. Вестник рассказывал Петербуржцам об экономических делах страны и мира, Модник рассматривал новинки Французской, Английской и да, Российской моды. Оба журнала велись на русском, но Ханна предложила выпускать переводы для желающих.

— Интересно, — Вадим отложил черновик и постучал костяшкой пальца по скорлупе яйца, — А что за типография?

— Император захотел журнал о лошадях и охоте, они пока производство разворачивают, я договорилась выпустить несколько мелких партий.

— Отлично! Нужно арендовать, а лучше купить или построить свою. Я разберусь. В любом случае хорошая работа, — Вадим улыбнулся, — и мы сделаем ее отличной. В Модника добавим несколько страниц в конце, выбираем обложку. Все иллюстрации сделаем цветными. Для Вестника же я сам буду писать главные статьи, с проливами хорошо, но добавим перчинку. Я напишу вариант для печати, еще тебе же нужно будет распечатать для меня несколько тиражей книг.

— У нас не будет проблем с цензурой? — Ханна прикрыла глаза, чтобы вдохнуть богатый аромат зеленого чая, присланного Вадиму прямо из Китая.

— Нет, это учебники, а не восхваление французской революции. Все будет официально. Вадим зацепил пачку свежих писем и стал одеваться.

— Вас подвезти?

— Нет спасибо, Вадим Борисович, меня уже ждет экипаж, — попрощалась Ханна и ушла. Вадим взглядом проводил ее, прежде чем сам поехал в Заводское. В редкие моменты он позволял себе думать на отвлеченные темы. Пока он спускался по лестнице и садился в карету, в голове у него проносился распорядок дня, шаги к промежуточным целям, график на ближайшие несколько лет и вычисления. Вероятности реализации тех или иных планов, критерии оценки его знакомых, друзей, известных политиков. Разница между той Землей, куда его послали и где он оказался в итоге. Вероятности противодействия, угрозы, самые опасные из известных группировок, влияние личного отношения, репутационные угрозы. И меры противодействия, сценарии действий или бездействия для предотвращения угроз. Вадим грустно улыбнулся, зевающему Егерю, который сидел на месте извозчика и читал газету.

— Что сегодня пишут?

— Здравствуйте, Вадим Борисович, сегодня обсуждают реформы графа Канкрин.

— Аааа, серебряные билеты, — протянул Вадим, открывая дверь, — меня больше беспокоит безработица в армии.

Ступенька кареты слегка прогнулась под Вадимом, прежде чем он сел и достал письма. Сначала письма от родственников, потом деловая переписка и на закуску светские приглашения. Не смотря на чудовищную занятость, даже Вадиму приходилось навещать

знакомых в случае болезней, свадеб, похорон и крупных праздников. Обычно такие визиты не оставались без ответов, и коварные знакомые мстили ответными визитами, безвозвратно и с чистой любовью отнимая у Вадима время. Поэтому он внимательно следил за различного рода приглашениями и встречами.

Первое письмо пришло от Бориса Владимировича из Оренбурга. Последние полгода, прибыль с продажи старых армейских ружей в Китай шла напрямую к отцу, для покупки земли под лен, пшеницу и коноплю. В Заводском Вадим уже заказал новые ткацкие станки, чтобы не дать англичанам заполнить рынок хлопком. Отец писал о печальных делах Империи Цин, которую Англия вынуждала подписать позорный мир, и делах Ли Си Цина, которые шли в гору. Китайский партнер смог прославиться как единственный успешный военачальник Китая, подорвав в порту два английских корабля с припасами. Вроде мизер, но в это время по Тихому океану ходило не больше пары десятков больших кораблей. Европейские страны держали флоты у Африканских, Индийских или Американских колоний, слабо беспокоя Японское море. Сил тратили мизер, так на данный момент Англия потеряла не больше пятисот человек из четырех тысяч задействованных. И этого хватало против девяносто тысяч китайцев.

В общем, китайцы оказались на редкость паршивыми воинами, которые успели потерять больше десяти тысяч.

— Значит, в следующем году подпишут капитуляцию, — Вадим постучал пальцами по раскладному столику в салоне кареты, — если не вмешаться.

Следующие письмо пришло с Дальнего Востока. Восточный друг радовался первому каравану и рассказывал о строительстве с его стороны шоссе до Иркутска. Вадим понимал, что одного шоссе будет мало, тем более что со стороны Урала еще не шло никаких шоссе в сторону Сибири. Нужны были железные дороги, а еще лучше корабли.

Карета развернулась и остановилась рядом с железнодорожной веткой, на которой стоял состав. Рабочие инструментальной фабрики грузили партию станков под производство нарезных стволов для Тульского оружейного завода. В Сестрорецк отправили раньше.

— О, Вадим Борисович! — на станции Вадима встретил Алексей, — а я здесь записывал габариты составов.

Вадим молча наклонил голову вбок, выражая интерес.

— Сейчас на заводе готовим наши экскаваторы, вернее Дмитрий готовит. Он, как выздоровел, сразу к нам прибежал, вернее пришел, — принялся объяснять Алексей.

Они пошли в сторону каретного завода Нева. За Вадимом молча шел Егерь, приглядывая за рабочими и окружением.

— И что, много придумал? — поинтересовался Вадим.

— Честно говоря, почти ничего, вернее, за нас все уже придумали англичане, первые пять экскаваторов, которые сейчас строят дорогу от них же. Ну Дмитрий и подсмотрел конструкцию.

— Англичане взвоют с лицензией.

— Не взвоют, — заверил Алексей и открыл двери гаража.

В кирпичном боксе богатые французские корпуса ставили на новые торсионные подвески взамен рессорных. Начиная с лета этого года торсионны стали делать полностью стальными. Цена выростала, но меркла в сравнении с уменьшением массы подвески, ее долговечности и повышенном комфорте на дорогах.

Через приоткрытую дверь мастерской Алексей показал Вадиму новый прототип

экскаватора. Неказистый, страшенький монстр рождался в муках. В муках Дмитрия, который матерясь приспособлялся цепные лебедки для рабочих механизмов.

— Мощь! — Алексей гордо поднял палец, — мы сейчас думаем, на что его поставить, чтобы по железным дорогам можно было перевозить.

— Так, на железную дорогу и ставьте, — Вадим пожал плечами.

— Вадим Борисович, вы давайте дальше без меня, а мне срочно придется вас покинуть, — извинился Алексей и пошел в мастерскую к Дмитрию.

Закончив осмотр фабрик, Вадим наведлся в местное управление, где застал спор. Максим и мастер Уманский общались с иностранными гостями.

— Нет, мы не можем устроить вам экскурсию. Нет, это правила и они касаются всех, — из-за закрытой двери донесся уставший голос Максима.

Ему отвечали с сильным акцентом:

— Но подождите, мы прошли огромный путь, чтобы узнать о новой краске.

Вадим постучался в дверь и зашел в кабинет. Максим сидел напротив двух гостей за столиком, пока мастер Уманский молча стоял, изображая вешалку.

— Я не помешаю? — улыбнулся Вадим.

— А вы? — поинтересовался гость с голубыми глазами и зачесанными набок белокурыми волосами. Он покачал ухоженными усами, которые сочетались с белой рубашкой под белым же костюмом.

— Беркутов Вадим Борисович, владелец.

— Очень приятно, — гость робко улыбнулся и поднялся, чтобы пожать руку.

— Не ожидали? — спросил Вадим.

— Честно, мы не надеялись, что застанем вас на месте, — гость сжал губы от крепкой хватки.

— Вы издалека?

— Я из Голландии, мой друг из Дании.

— Я могу устроить вам экскурсию, но только по открытым производствам. У нас производят оружие, а туда доступ закрыт.

— Хорошо, /(-) /согласился гость из Дании, схватив товарища под локоть.

— Секунду господи, — Вадим повернулся к Максиму, — Максим, выпиши, пожалуйста, пропуски.

— Хорошо, — Максим пошел к рабочему столу.

— Мастер Уманский, станок готов? — спросил Вадим и достал из нагрудного кармана маленький конверт.

— Вы достали? — удивился мастер, заглянув внутрь.

— Сделал, — не стал скромничать Вадим, когда Уманский высыпал на ладонь квадратные заготовки с продольными отверстиями. Насадки на новые станки для грубого волочения, то есть для протягивания металлического прутка в проволоку.

— А какой диаметр? — спросил мастер.

— Миллиметр, — уточнил Вадим, и Уманский скривился. На всех производствах Заводского постепенно вводили метрическую систему, переучивая на нее всех работников. Пока шло медленно, после рабочей смены мастера с ленцой подходили к новым вечерним занятиям, чего нельзя было сказать о молодежи, которая хваталась за шанс получить образование.

Вадим как мог, торопил одного митрополита с открытием детских школ в поселке, но в

церкви возникло несколько скандалов после тестирования. Вадим даже вспоминать не хотел, какую грязь откопал.

— Пропускные, — подошел Максим с листами для гостей.

За год предприятия из отдельных избушек перебрались в кирпичные цеха на пятьдесят человек. Оружейный завод выпускал по пять сотен револьверов всех вариантов в месяц. Отдельно учитывались револьверные карабины и нарезные стволы для новых однозарядных винтовок российской армии под папковый патрон центрального боя.

Недавно Максим начел расширение фабрик, заложив фундамент под здания совсем иного масштаба. Там мастера не будут биться локтями, работая за станками.

— Это все, конечно, замечательно, но почему вы не продаете рецепт? Ваш завод не может обеспечить все заказы, — поинтересовался гость из Нидерландов.

— Все так, — согласился Вадим, — поэтому, мы думаем о продаже красок в виде порошка. Конечно, ближайшие страны мы оставим для себя, но вот в Азии, Африке и Аравии мы будем рады партнерам.

— Хке, — закашлялся голландец и заговорил на немецком, обращаясь к товарищу из Дании, — да эти русские, совсем обезумели.

— С нами все в порядке, — ответил Вадим на немецком, из-за чего голландец выругался уже на родном, — какая мне выгода, продавать вам рецепт?

— Вы понимаете, что рано или поздно, его раскроют? — спросил датчанин.

— Конечно, но к тому времени у меня будет не этот заводик, — Вадим показал на пару дымящихся труб, — а огромный комплекс, который будет и краску делать, и ткани красить и одежду шить. Да и потом, вы думаете, что мы один раз придумали и больше не сможем?

— Только жизнь покажет, — по-философски заметил датчанин.

Вадим открыл двери столовой и пригласил гостей внутрь. Они стряхнули ноги от снега и зашли в просторный зал с длинными столами и лавками. В теплом помещении столовой пахло домашней кухней. Повара у раздачи приветливо улыбались, накладывая порции. Вадим взял поднос и встал в очередь. Гости переглянулись и встали рядом.

— Лариса Петровна, чем сегодня порадуете? — спросил Вадим, потирая руки.

— Вадим Борисович, сегодня уха на первое и картошка с котлетками на второе.

— Да вы змей искуситель, Зинаида Петровна, — пошутил Вадим.

В ухе плавали аппетитные кусочки карася, морковки и лавровый лист. Простой суп, но с черным хлебом и перчиком отлично поднимал настроение у рабочих сразу перед вторым. /Картошкой пюре/ с маленькими кусочками лука и жареными котлетками, хрустящими снаружи и мягкими внутри. По возможности в буфете покупали сладости, обычный обед шел всем рабочим по умолчанию. Сладости же кто относил домой, кто ел с чаем.

— А у вас здесь интересно, — заметил гость из Дании, рассматривая рабочих в разноцветных комбинезонах. Форму все носили однотипную, но, например, маленькие значки на груди говорили о разряде мастера. Система еще проходила проверку и пока скорее служила визуальным показателем. Как хорошо рабочий знает свое дело, какое обучение прошел, куда ему можно заходить на территории завода, а где его быть не должно.

— Мы пробуем, ввели смены по восемь часов. Рабочие по вечерам или домой или учатся, — Вадим раздумывал, пока объяснял гостям. Для них он просто диковинка, выскочка. — Ладно, спасибо, что пришли. Если решитесь на посредничество, то буду рад. Сейчас я вынужден вас покинуть.

Так, он не очень тонко намекнул гостям, что пора и честь знать. Они поняли и

засобирались.

На выходе с завода Вадима ждала карета до дома, где слуга приготовил чистый костюм для вечернего бала.

— Наконец-то! — в проходе топтался Алексей и встречал студентов из университета, которые пришли на практику, — господа, внимание! Я передаю вас в умелые руки мастера Уманского. Знатного оружейного конструктора!

Вадим улыбнулся и пошел к экипажу, где тихо сидел Егерь с газетой. Вадим уезжал, провожая завод и стоянку карет. Извозчики стали частью поселка, постоянно курсируя между столицей и будущим пригородом.

Алексей взглядом проводил тяжелую карету Вадима и свистнул, чтобы привлечь извозчика. На его зов откликнулся черный экипаж с закрытым салоном и зашторенными окнами. На улице стоял холодный ветер, и Алексей поежился, поправляя воротник.

— Куда, вашблгородь? — спросил извозчик.

— Давай в Вестник, закажу подшипников, — прокряхтел Алексей, залезая внутрь, — а, вы?

Спросил он у пары недружественного вида человек, которые встретили его в салоне. Ответа услышать не получилось. Сильный удар по голове и наступившая тьма сильно испортили первое впечатление. Алексей несколько раз просыпался с сильной головной болью и чем-то пахнущим медью на лице. Хоть шторы и закрывали окна, но Алексей видел сквозь маленькую щелку мелькающие пейзажи. Его везли в порт на юге столицы. Местами очень нелюдимое место, где прятали контрабанду. Как противодействие протекционистской политики Николая ушлые торговцы из Англии тайком завозили сигары, кружева, бархат, тюль.

Все это Алексей вспоминал, пока его под руки тащили по холодному полу какого-то склада, где у стен горами лежали подушки. При этом суровые на вид люди раскладывали ружья, тесаки и даже чугунные гранаты. Громоздкие, не очень надежные, но опасные в штурме.

— Что? Зачем вы его сюда притащили? — на Алексея показали толстым пальцем. Голос звучал глухо и казался знакомым.

— Седой, ты что ли? — просипел Алексей и с трудом поднял заплывшее лицо.

— А ты? Впрочем, не важно, несите его в подсобку, — скомандовал Седой.

Последнее, что увидел Алексей, прежде чем его заперли, это как головорезы катили маленькую пушечку. Наверное, сняли с корабля.

Глава 2

Лучи заходящее солнца проникали в квартиру верхнем этаже через тонкие просветы в щорах. Слуги спешили, чтобы зажечь побольше свеч, пока Вадим стоял перед зеркалом и примерял новый галстук к костюму.

— Ну как?

— На вас, Вадим Борисович, все как на покойнике, — раздался язвительный голос со спины. В дверях в комнату стояла Белла в новом бальном платье. Она высокомерно вертела носиком, разглядывая костюм Вадима, — не считите за грубость, но говорю как есть. Эта ваша бледность и странный блеск кожи, как от масла.

— Изобелла, говорите, но не заговаривайтесь, — Вадим с довольным видом улыбнулся, — деловые отношения держатся на взаимном уважении и возможности сторон исполнить договорённости.

Изабелла нервно кашлянула и подошла к Вадиму, чтобы поправить бутоньерку. В квартире стояла духота, но по бледному лбу Вадима не прокатилась и капелька пота. Пугающе холодный и собранный он смотрел сквозь Изабеллу, обращенный в мысли.

Они ехали вместе. У роскошного поместья на три этажа за городом собралось под сотню дорогих экипажей. Граф Городиков проводил бал в честь именин любимой дочери Люды, пригласив высоких гостей со всей столицы. Никакие деньги не могли купить приглашение.

— Вадим Борисович, здравствуйте, познакомите со своей спутницей? — сам граф Городиков и подловил Вадима, встретив у дверей.

— Конечно, — раскланялся Вадим, — Елизавета Школьник, дочь моего военного друга, перед своей гибелью на Кавказе он просил меня помочь его дочери, и я не смог отказать.

— Какая печальная история, — вздохнула графиня.

— Дорогая Евдокия Романовна, вы окажите мне честь, если представите дорогую Изабеллу, — попросил Вадим графиню и отпустил с ней спутницу.

— Кем был ваш отец, милая? — Евдокия Романовна взяла девушку под локоть.

— Добрейший человек. Служил подполковником... — Белла рассказывала заученную легенду. Она дёрнулась, чтобы обернуться, но холодный взгляд в спину остановил ее порыв.

— Порядочная девушка? — поинтересовался граф.

— Очень, а главное, что ее отец оставил наследство, — кивнул Вадим, изображая легкомысленность, — и немало.

Уголки губ графа слегка дернулись. Он управлял Дворянским банком и умел считать чужие деньги.

— Вадим, рад, что вы пришли. Люда совсем уже выросла и мы в поисках ей достойного спутника. Ваши военные успехи прекрасны, но я смотрю на деловую сторону вещей. Вы степенный человек, и наверняка не станете ждать до тридцати.

— Понимаю, — кивнул Вадим. В это время мужчины не спешили рано жениться

— Я очень, очень, дорожу Людой, поэтому позволю ей выбрать самой, — Федор Семенович, — первый танец ваш, с остальным сами.

— Конечно, — Вадим скрипнул белыми перчатками.

Огромный бальный зал окружали мраморные колонны. На стенах висели канделябры с длинными свечами, говорящими не только о богатстве, но и продолжительности бала.

Начищенный паркет блестел под туфлями джентльменов в дорогих костюмах. Людмила Гордикова стояла в пышном платье от Гертруды и осторожно отказывалась от приглашений на первый танец. Вадим подошел и поклонился.

— При взгляде на вас, мое сердце поет. Надеюсь, что Вы подарите мне счастье любоваться Вами в мазурке? — Вадим замер с протянутой рукой.

На щеках девушки появился румянец. Она незаметно сглотнула и приняла руку Вадима.

— Хорошо, — коротко ответила Люда. Они уже встречались год назад, на ее именинах. Она до сих пор хранила милый кулон в виде бабочки, который ей подарил этот странный джентльмен, чье имя часто звучало в литературных или модных салонах.

— Господа и дамы, начнем же вечер! — объявил распорядитель бала и дал отмашку оркестру. Гости расступились, освобождая место для пар. Вадиму с Людмилой выпало место лидирующей пары.

Пышные фиолетовые и изумрудные платья дам напоминали огромное поле цветов. И через это поле к Вадиму легкой походкой бежала фея. Люда вскинула веер под первую скрипку в оркестре. Звонкие мелодии инструментов привели поле цветов в движение, заставляя их крутиться вокруг кавалеров, похожих на чёрных птиц в фраках. Пары улыбались, смеялись и шёпотом переговаривались.

Людмила смотрела на Вадима через плечо, дразнила его, то отдаляясь, то приближалась, как язычок огня, прыгающий на ветру. Вадим же выступал непокорной стихией, то направлял ее танец вокруг себя, то мчал вперёд, щелкая каблуками по паркету.

Люда покраснелась и тяжело задышала. Два часа пролетели как мгновение, а она так и не смогла отвести взгляда. Послышались аплодисменты. Вадим предложил руку, чтобы проводить/ люду/ к холодному пуншу. Люда старалась не подавать виду, что заметила, как Вадим чуть заметно наклонился.

— Вам очень идет запах ванили, — заметил он тихо.

— Спасибо, — Люда покраснела и опустила голову.

— Позвольте поухаживать, — Вадим провел рукой над столом, выбирая среди напитков, — вот, не слишком холодный. И отличный на вкус.

Он протянул бокал с пуншем. По хрустальным стенкам скатилась капля конденсата. А у самого края остался след от бархатных перчаток, вроде незаметный, но немного липкий.

— А как вы поняли, что он вкусный, если даже не пробовали?

— Все дело в вере, — пояснил Вадим. Он говорил и кого-то искал, — я просто не верю, что на именины такой прелестной феи, подадут что-то хуже цветочного нектара.

Людмила отвернулась и прикрыла лицо веером. Вадим кого-то заметил и предложил подойти познакомиться. У стола с закусками стояла Вера Гааза и нервно крутила головой.

— Доброго вечера, позвольте представить...

— Доброго вечера, Вадим, Люда, мы знакомы, — Вера поздоровалась с Людой, — мы маленькими бегали по коридорам вашего прекрасного поместья.

— Точно! — Люда засветилась от радости, — вы с отцом к нам приходили.

Варя же улыбнулась и снова окинула зал взором.

— Анатолий? — предположил Вадим.

— Да, я ждала его на первый танец, но он, — Вера недоговорила, а просто развела руками.

— Бывает, он мог просто не поймать карету, — предположила Люда.

— Или, его вызвали по работе, — предположил Вадим и зацепился за кого-то

взглядом, — Люда, душа моя, разрешите покинуть вас? Я пришел с дочкой погибшего друга, держу над бедняжкой патронаж. Сегодня ее первый выход в свет.

— Конечно, — робко кивнула Люда, за что получила умильный взгляд от Вари, которая сама еще недавно краснела от общения с мужчинами.

— Но следующий танец, я надеюсь, вы уделите мне? — уточнил Вадим, на что получил твердый кивок от Люды.

Он осторожно прошел в другую часть зала, где собралось больше великовозрастных гостей. Военные чины, иностранные гости и даже работники посольств пришли, на первый крупный бал сезона. Вадим кивнул в знак приветствия Гертруде и Фанни Кэмбл, которые смеялись в компании пары пехотных полковников.

Среди знакомых лиц дипломатии мелькали знакомые лица: помощник английского посла Лорд Генри Вескер мило беседовал с Пьером Морелем. И судя по кислому лицу Пьера беседа ему не очень нравилась. В основном он молча кивал и взбалтывал в бокале шампанское. Вадим молча прошел мимо группы тихо спорящих офицеров к Изабелле, которая мягко отбивалась от приглашения на танец.

— О, а вот и мой Патрон, о котором я говорила, — улыбнулась Изабелла и отошла от молодого гвардейца в сторону Вадима.

— Гражданский, — скривился гвардеец, при взгляде на фрак Вадима, который ответил оскалом.

— Дорогая, этот человек вам докучает? — Вадим обратился к Белле. На секунду у нее в глазах промелькнула недобрая искорка, но быстро пропала под маской невинной девушки.

— Нет конечно, очень милый человек, просто я уже обещала танец, — конец фразы она выделила голосом, добавив хрипотцы.

— Тогда я могу рассчитывать на следующий? — не унимался гвардеец.

— Через один.

Вадим подмигнул гвардейцу и повел Беллу танцевать. Распорядитель объявил польку. Веселый и лёгкий танец во время которого, дамы нередко теряли части платьев, просто не выдерживающих темпа.

— Белла, ты изображаешь наивную, а не глупую девушку.

— А что, наивной девушке нельзя засматриваться на молодых гусаров?

— Можно, но твоя цель немолодые альфонсы.

— Кто?

— Мужчины, которые живут на деньги женщин.

— А, ну да, я и забыла, что моя цель — старый альфонс, — скривилась Белла.

— Он, именно сейчас, смотрит на тебя, — прошептал Вадим и кивнул подбородком в сторону старого знакомого — графа Мартынова Леонтия Андреевича, который стоял в дорогом костюме от ателье Рейнах и курил сигару, наблюдая за Беллой. За последние пол года граф вылез из долгов и сейчас зарабатывал перепродажей старых английских станков в Россию.

— Не только на меня смотрят, — проворковала Белла и стрельнула глазками в сторону кружащейся с усатым кавалером Людой. Девушка вполуха слушала кавалера, больше присматриваясь к Белле.

— Ты даже не представляешь, — пробурчал Вадим, пропуская перед собой неловкого офицера, который скорее маршировал, чем танцевал с прелестной дамой.

***

За действием в центре зала спокойно следил хозяин. Граф Городиков позволили себе улыбку.

— Вы меня не слушаете, да? — с лёгким акцентом по-русски спросил Лорд Вескер.

— Слушаю, просто вечер на редкость чудный. Вы говорили, что с таким отношением Его Величества, английские банки никогда не дадут кредит России.

— Да, — скривился Лорд Вескер, ведь глупая улыбка так и не пропала с лица графа. — Странную пару вы выбрали для своей дочери...

Граф Городиков повернулся к англичанину всем телом, ожидая продолжения.

— Ну как же, — голос Вескера дрогнул, под холодным взглядом, — даже до нашего дипломатического болота доходят слухи.

— Слухи? — граф втянул живот и расправил плечи, — вы решили покормить меня слухами?

— Конечно, нет, — Вескер примирительно поднял руки, — но это может быть правдой!

— Ваши слухи, так же мерзки, как холодная овсянка по утрам! Честь имею. — поставил точку граф и пошел к столам с закусками.

Вескер же тихо засвистел сквозь усы как перегретый чайник, как если бы попранная честь холодной овсянки представляла квинтэссенцию Англии. Или если бы проклятый русский понял липкую суть помощника британского посла.

***

— А это правда, что в Петербург вы приехали только с рублем в кармане? — поинтересовалась Люда, когда Вадим пригласил ее на второй танец.

— Это такие слухи ходят обо мне в доме банкира? — пошутил он в ответ.

— Нет, не дома, — засмеялась Люда и на мгновение прижалась сильнее, чем требовалось по этикету. Вадим опустил взгляд и провел рукой в бархатной перчатке по мягкой коже между лопаток.

Танец закончился, и зазвучали овации. Слуги поспешили убрать с паркета части женских платьев.

— Жарко, — Люда отвернулась, чтобы не показывать смущения.

— Тогда пройдемся, до холодных напитков? — предложил Вадим и повел ее к столу с закусками. Но дойти ему не дали. Подошел слуга и поклонился.

— Господин Беркутов?

— Верно, — Вадим оценил такт пожилого человека, который не одно десятилетие работал на семью банкира, ведь Люда узнала его.

— Прошу прощения, но вас зовут к входу, сказали, что срочно. Господин представился неким Егерем.

— Понял, спасибо.

Вадим отпустил слугу и повернулся к Люде.

— Дорогая, мне нужно отлучиться, уверен, что ничего, страшного не случилось.

— Хорошо, конечно, — сначала согласилась Люда, но быстро остановила Вадима, — но подождите, вы же обещаете третий танец?

— Конечно, если бы позволяли приличия, то я бы обещал и четвертый, пятый, десятый, все, чтобы чувствовать божественный аромат цветов, — Вадим взял руку Люды и поцеловал.

Егерь ждал снаружи, внутрь его не пускал охранник поместья. Бывший охотник с Кавказа нервно топтался по снегу, оставляя за собой круг.

— Егерь?

— Вадим Борисович, — он говорил спокойно, но телом повернулся в сторону кареты, которая ждала у края поместья, — час назад в офис Вестника пришел Анатолий Демидов и потребовал вас, когда узнал, что вы уже на балу, то примчался сюда.

— Где он? — нахмурился Вадим. Веселый Анатолий с металлом вместо крови и что-то требовал? Нет, так дипломаты себя не ведут.

— В карете и там это, — Егерь проверил, чтобы никого рядом не было, — тело. Анатолий кого-то убил.

***

Люда стояла у стола и не хотела ни с кем танцевать. Волны жара накатывали одна за другой, заставляя ее сердце, биться чаще.

— Людмила, с тобой все хорошо? — спросила Варя. Она подошла в компании Гертруды и Фани.

— Все хорошо, просто ЖАРКО, — Люда прикрылась веером и прикусила палец. Она не зажмурилась и перед глазами сразу предстал Вадим. Как поражённая молнией, она встряхнулась, чтобы развеять наваждение.

— Хорошо, — Варя указала на подруг, — позволь тебе представить свет Петербургской моды — мадам Гертуду и гостью из-за океана Фанни Кембл.

— Рада, — кивнула Люда.

— Вы сегодня главное украшение балла, вашим родителям, должно быть стыдно, что они прятали такую милую фею от общества! — с тоном ментора заявила Гертуда.

— С именинами, — поздравила Люду Фанни на французском. Русский ей еще плохо давался.

— Спасибо, мне приятно, что вы пришли.

Во время праздника к имениннице постоянно подходили гости, чтобы поздравить, так и сейчас к девушкам присоединилось два джентльмена. Господин Вескер и Пьер Морель.

— Уверен, что вам понравится в солнечном Марселе! — Пьер всех приглашал в гости во Францию.

— Спасибо, но вы загляните в Кисловодск! Отец открыл там потрясающие для здоровья источники, — ответила Варя.

— Дорогая Людмила, вас что-то беспокоит? — вроде любезно заметил Вескер. Он больше молчал и слушал.

— Нет, все хорошо.

— Она просто ждет, когда уже придет Вадим, — догадалась Фанни, от чего Люда закрылась веером.

— Вадима? Беркутова? А зачем вам этот бандит? — возмутился Вескер, — вообще не понимаю, как общество терпит человека, о котором столько грязных слухов.

Он говорил и фыркал, не обращая внимание на колючие взгляды.

— Дорогой господин, не знаю в каком обществе Вы обитаете, но в нашем Вадим известен меценатством, и хорошими манерами, — за всех ответил Пьер. Он как мужчина решил первым защитить честь друга.

— Пф, я говорю только то, что слышал. Взять хотя бы его ресторан в центре города. Это же пристанище его банды. Честный человек туда никогда не пойдет.

— И что ВЫ знаете про честных людей? — уточнил Пьер.

— Мда, что ж. Видимо, мне пора, — поклонился Вескер и взглядом показал Фанни отойти с ним.

Девушки еще немного пообщались, обсуждая выходку англичанина, прежде чем Фанни отпросилась и ушла проветриться. Вескер ждал ее в одной из комнат для игры в карты. Комната пустовала, и они смогли поговорить наедине.

— Сегодня, после бала, — выдал команду Вескер, отчего Фанни прислонилась к стене спиной. Ноги у нее как по команде ослабли.

— Почему это говорите мне вы, а не сэр Джордж?

— Так надо.

— А мой муж?

— Люди ждут только сигнала, чтобы его отпустить, — Вескер заметил сомнения на лице Фанни и достал конверт из внутреннего кармана, — вам письмо.

— Хорошо, я сделаю, — Фанни закончила читать и дрожащими руками спрятала конверт.

— Хм, мда, — Вескер достал трубку и закурил. Он не получил сообщение от сэра Джорджа и теперь нервничал. Если бы все шло по плану, то Беркутов вообще не должен был появиться на балу.

***

— Ну рассказывай, — обратился Вадим, к сидящему в карете напротив Анатолию. Анатолий тяжело вздохнул. В руках он держал подаренный ему карманный револьвер. Роскошный фрак, который Демидов надел на бал — потрепало так, что не хватало пуговиц и порвался рукав.

— Я вышел пораньше и хотел поймать карету. Остановилась одна, но вот этот вмешался, — Анатолий кивнул на мужчину, который развалился рядом с Вадимом, — подъехал на этой карете. Прогнал извозчика и предложил свои услуги. Мне такая драка из-за клиента не понравилась, и я захотел к первому, вот тут меня и затащили силой. Их было трое. Я уж подумал — все, вот мой конец. Предложил им деньги, но они только посмеялись. Потом этот, — Анатолий снова кивнул на тело, — сказал не дергаться. Вместе с извозчиком их осталось двое. Карета ехала куда-то в стоону портов.

Тут Вадим подался вперед.

— Да-да. Они ничего не говорили, но я понял, что это все не просто ограбление. Мне стало страшно, — честно признался Анатолий.

— Это нормально, — решил его поддержать Вадим, — все бы испугались.

— Все, но не ты, — Анатолий взглянул на тело с огромной дырой на месте лица, — вот я и вспомнил тебя и твой подарок. Взял с собой, хотел показать друзьям из ведомства.

Вадим кивнул, а потом принялся осматривать тело. По лицу он ничего сказать не мог, а вот руки и пистолет, который он нашел у горе похитителя.

— Этот пистолет я уже видел.

— Пистолет? Где, — заинтересовался Анатолий. Он часто смотрел то в пол, то в потолок салона, уходя куда-то в себя.

— Да так, напал на меня один грабитель, — Вадим не стал рассказывать всю историю покушения на себя год назад. Тогда он списал атаку на действия авторитетов. Но теперь картина сложилась. Убийц к ресторану тогда послали не местные.

— Толь, я сейчас отправлю тебя домой, отдохнёшь, приведёшь себя в порядок.

— Подожди, а как же бал? Как же тело и кучер?

— Я со всем разберусь, хорошо? Тебя там, конечно, ждет Варя, но ты подумай, как она напугается, если увидит тебя в таком состоянии? — Вадим показал на испорченный фрак, —

и еще, как ты уговорил кучера, привезти тебя ко мне в офис?

— Я как этого застрелил, — при этих словах Анатолий шмыгнул носом, — кучер через окошко заглянул узнать, что случилось, ну я револьвером ему в лицо и ткнул, для наглядности. А потом он повез, а я револьвер ему к спине приставил, чтоб он не баловал. Он и не баловал.

— Понятно, идем, — Вадим помог Анатолию выйти и подозвал Егеря.

— Сейчас отвезешь его на моей карете домой. Ясно?

— Да, Вадим Борисович.

— Кучер сказал, куда его хотели отвезти?

— Сказал. В южные порты. У них там гнездышко, — отчитался Егерь и хрустнул окровавленными костяшками руки.

— Хорошо, тогда кучера в расход, и Анатолия домой. До моего приезда побудешь с ним, присмотришь. А я к Михаилу, пора наведаться в порт, — Вадим снял перчатки и развязал галстук.

— А бал, Вадим Борисович?

— Не до него сейчас. Кто-то решил поиграть со мной, — Вадим протянул Егерю всю атрибутику, — только перчатки руками не трогай, в платок заверни. Они средством обработаны.

— Понял, — Егерь не жаловался, что на него наваливают задачи, а неприхотливо все исполнял.

Вадим же пошел ловить экипаж, чтобы добраться до района трущоб, где сейчас находился штаб его основных сил.

По улицам ночного Петербурга неся экипаж, запряжённый шестёркой лошадей. Полковник жандармерии Месечкин даже не пытался скрыть раздражение.

— Ужин, великолепный ужин с моей любимой супругой! Запеченные фазаны с французской горчицей! Я сам их добыл на охоте, они еще, ммм...

Последнее полковник уже не выговаривал, а изобразил, как впивается зубами в запечённого фазана. Вадим повернулся к сидящему сбоку Михаилу и протянул ему револьвер.

— Держи.

— Но у меня есть.

— Держи, — Вадим сунул револьвер в здоровую руку Михаила, — он самовзводный. Только спусковой крючок туже.

Михаил нахмурился и сразу проверил спуск, пробуя свободный курок, и с удивлением заметил, как взвелся курок.

— Дела, — Михаил убрал револьвер в кобуру на ремне.

Полковник кашлянул и сделал лицо, выражающее готовность к подаркам. Вадиму пришлось охладить пыл Месечкина.

— Вас, я вызвал по срочному делу, за которое мы вам платим.

— Доки? — коротко спросил Месечкин.

— Аааа, так вы знаете, — скрипнул зубами Михаил.

— Более того, я знаю, что знаете и вы, — Месечкин развёл руками, выражая безразличие к скрытой попытке обвинить его в бездействии, — я даже поставил нужных людей вокруг, чтобы лишний раз не отвлекали новгородцев и москвичей. Зачем мне нервировать народ, до того как вы разберётесь.

Вадим улыбнулся краешком губ. Полковник не зря ел свой хлеб и точно, не за красивые глаза попал на службу.

— Но! — Месечкин поднял палец, — мне нужна доля, оттого, что вы найдете, — и прежде чем Михаил успел его перебить, полковник продолжил. — Не для себя, а для императора. Должен же я объяснить, что дружинники вместе с полицией за погром устроили. Конечно, никакая полиция, не будет вам мешать, но его Величеству, это знать не нужно. Для отчета же покажу контрабанду, которую вы найдете.

— Найдем? — Вадим обратился к Михаилу, который готовил операцию. Захарченко сидел с открытым ртом, от прозорливости полковника.

— Конечно, найдем, мы две телеги контрабанды подготовили. Одна с золотом, которое хотели вывезти, другая с шпильками, булавками, табакерки черепаховые, — Михаил перечислял по памяти все, что запрещали ввозить в империю, — часы золотые и серебряные...

— И не жалко? — спросил Месечкин.

— Жалко, если у них на складах будет дешевле, — пожал плечами Вадим и отодвинул шторку, — подъезжаем. Полковник, проследите, пожалуйста, чтобы никто не вмешался в операцию.

Карета остановилась рядом с южными портами на окраине города. Место не очень населённое, но из-за моряков чрезвычайно шумное. Пока порты Балтики еще полностью не

затянуло льдом, экипажи готовили корабли к отбытию и последние недели, морякам стало не до пьянок.

— Ах да, — Вадим развернулся Вадим, прежде чем выйти, — проверьте багажное отделение, там безбилетный попутчик британского подданства. Вы разберётесь.

Беркутов ушел хихикая. А Месечкин, не сразу понял о чем речь, а как понял, так вылетел из кареты и полез в багажное отделение, где лежал свёрнутый ковер. Какой-то знакомый ковер, в который завернули тело. Полковник не так беспокоился за британца, да упокоят черти его душу, сколько за ковер. Пушистый такой. Персидский. Прямо как у него дома в кабинете. Полковника затрясло, и он покраснел.

— Ва-а-адиинииим!

Захарченко с Беркутовым не обернулись на крик, только громче захихикали.

— Ты где его нашел? — спросил Вадим сквозь слезы.

— Так, слуга на улицу вынес, чтобы от пыли выбить, — расхохотался Захарченко.

— И что, забыл занести?

— За денежку малую можно и забыть.

***

К новому поместью подъехала карета. Под весёлый женский смех пара молодых гвардейцев вели Гертруду и Фанни домой. Гертруда купила поместье этим летом, чтобы съехать с квартиры в ателье. Фани гостила у нее, пока жила в Петербурге.

— Спасибо, что проводили дам, — хозяйку встречал верный слуга Петр. Гертруда привыкла к нему еще со времён работы в ателье.

— Но, но ведь еще вся ночь впереди! — смело заявил гвардеец с белыми усиками.

— И дамам нужно отдохнуть, — с улыбкой, достойной даже знаменитых английских дворецких, твердо ответил Петр.

— Всего доброго, джентльмены, было приятно чувствовать ваши мужественные плечи, — попрощалась Гертруда и затолкала Фанни в дом. Петр же кирпичной стеной, закрыл хозяйку от разочарованных взглядов гвардейцев.

— Петр, наберешь ванну? — Гертруда взяла со стола веточку клюквы. Горьковатая ягода становилась вкуснее с первыми морозами.

— Конечно, а вам, мадам Фанни?

— Ничего, — американка выучила несколько слов по-русски и более-менее начала говорить с прислугой, — Гертруда, подожди.

Между собой они общались на французском.

— Да?

— Помнишь, я как-то рассказывала об одном средстве?

Гертруда посмотрела вверх и вправо вспоминая.

— В общем, я принесла, — Фанни открыла небольшую сумочку — помпадурку с розовым кружевом. В портсигаре из слоновой кости она хранила сигареты, которые ей передал сэр Джордж для задания. "Ничего особенного" с его слов.

— Они, правда, ТАК хороши? — улыбнулась Гертруда, взяв парочку.

— Даже лучше, — Фанни прикрыла глаза, изображая томление, — в Англии только о них и говорят.

Сигареты пахли смолистым, тягучим, слегка дурманящим горьковатым запахом. Что-то подобное для кальяна подавал управляющий модным домом по прозвищу Музыкант.

Петр быстро набрал ванную и постучался в дверь спальни Гертруды. Комнаты

находились по соседству, чтобы дама могла прихорашиваться сразу поутру.

— Спасибо, — Гертруда поблагодарила слугу, проводила его взглядом и скинула вечерний халат. Маленькая печка подогревала воду, которую ведрами носили с самого утра. Она насыпала английскую соль для ванны и зашла в воду. Рядом, только руку протянуть, стояла тумбочка с изящным мундштуком и сигаретами.

— Ну, попробуем.

***

Несмотря на позднюю ночь, в окнах склада номер шесть горел свет, а амбарные двери на улице караулила пятерка человек с повязками дружинников. Внутри собралось больше пятидесяти человек. Серьезные лица. Спертый запах маринованных огурцов, бочки с которыми вынесли на улицу, чтобы освободить место для собрания.

На импровизированном подиуме из ящичков стоял Захарченко и руководил раздачей оружия. Боевое крыло банды стояло отдельно. Они уже получили револьверы и теперь со стоны наблюдали за дружинниками. Считай бывшими босяками, которым выпал шанс выбраться из трущоб.

— Господа, — на подиум поднялся Вадим, — я договорился с городскими, после этой операции многие из вас получат документы. Власти закروют глаза на ваши шалости.

— А что, даже беглым? — выкрикнул детина из очереди к оружию.

— Да, даже беглым, — Вадим достал документ за подписью прокурора. Пришлось распрощаться с несколькими дорогими платьями для жены и пятерых дочек чиновника, но это того стоило. Вадим видел перед собой решительных людей, готовых с оружием в руках пойти против таких же, если не хуже головорезов.

В строю послышались одобрительные возгласы. Люди годами работали в черную, прячась в трущобах. Многих еще детьми отдавали на учебу в мастерские города, откуда они сбегали и в конечном итоге оказывались на обочине жизни.

— Ладно, по коням, — Вадим хлопнул в ладоши, и операция началась.

Дружинники взяли в кольцо три больших склада, где должны были прятаться собранные москвичами отряды. Михаил же вел боевое крыло прямо через главный вход. Там у дверей стояла пара человек и громко обсуждала вкусовые предпочтения женских ягодиц.

— Я люблю сочные, румянькие, — бугай со шрамом через лоб и без указательного пальца на руке показывал друзьям как и что он делает с этими ягодицами, пока тихо вдоль стены подкрадывались люди.

— Сегодня без ужина, — огорчил его Михаил и наградил бугая ударом под коленку. Следующему Захарченко просто засунул дуло револьвера в ноздрю, — Кондрат, твоя очередь.

Конрад кивнул и с ноги вынес дверь склада.

— И так девочки, повеселимся... — он замолк, за его спиной замерло с десятков человек, которые столкнулись в дверях, а из бывшего склада на них смотрел весь контингент борделя: портовые шлюхи обхаживали московских головорезов на импровизированных лежанках. В зале стояла смесь из запаха немых тел и благовоний.

Первой похоже спохватилась местная Мамаша, она бросилась к дверям и приветливо закричав:

— Мальчики, а может не надо?! Давайте все решим по любви?

— Сначала мордобой, ну а девушки потом, — Кондрат оттолкнул сутенершу и с размаху всадил тесак для мяса между глаз бедолаге, который даже портки не успел натянуть. Под

женские крики и мужскую ругань в бывший склад набивался народ. За спиной Кондрата загромыхали выстрелы, и резкая боль обожгла ухо Кондрату. Пуля пролетела насквозь, вырвав кусок мяса. Кондрат согнулся от боли и так спасся от брошенного в него гарпуна. Оружие как копьё впилося в деревянную опору, только испортив пиджак.

Михаил и Вадим присоединились к вакханалье последними, благоразумно уступив бойцам все веселье. Пока Кондрат с любовью к своей старой профессии разделявал дурака, который метнул в него гарпуном, бойцы пытались разделить оружье бабье и отбившихся бандитов. Последних удалось потеснить к дальней стенке и зажать в импровизированной раздевалке для дам. Они сооружали из ширмочек подобие баррикад, пока сильный голос не пробил шум.

— А-ну-у-у стоять! У нас, ваш офицер! — из боковой двери склада вышел собранный и при оружии главарь. Под расстёгнутой рубашкой у него остались следы помады, а в волосах запуталась роза. Но весь трагичный вид ломал Алексей. Он одним из первых пошел за Вадимом и сейчас возглавлял первую в Питере каретную мастерскую. И теперь Алексей с разбитым лицом, распухшей щекой стоял на коленях и щурился целым глазом.

— Вадим, у них пуфка! — Алексей крикнул, но получилось невнятно из-за выбитых зубов.

— Заткнись, — главарь ударил Алексея кремниевым пистолетом по голове и на пол пролилась кровь, — вы, сейчас даёте нам уйти.

Главарь взвел кремниевый замок.

— Захарченко, мы дадим ему уйти? — Вадим повернулся к Михаилу, который здоровой рукой как бы потянулся поправить пиджак, но резко выдернул револьвер и выстрелил. Звук обошел замолчавших куртизанок и эхом вернулся к дымящемуся стволу. Захарченко крутанул револьвер на пальце и одним движением убрал в кобуру.

— Кто еще хочет вести переговоры? — оскалился Захарченко, пока мозги с осколками черепа головореза сползали по стене.

— Никто, — расталкивая людей вышел Седой. Одинокий подсвечник осветил мешковатый костюм, потёртые сапоги и дырявый цилиндр у бандита.

— Встретились, — Вадим скинул шубу с плеч и шагнул навстречу монстру. У них одновременно засветились глаза, как если бы сама природа существ помогала выявлять им подобных.

— Покажи, что можешь, — прошипел Седой и облизнулся.

Вадим выхватил пару револьверов, которые держал подмышками, и разрядил. После каждого выстрела Седого слегка трясло, а из дыр на груди вырывались облачка пыли. Вот пуля угодила в челюсть и застряла. Лицо Седого потекло, теряя форму, пока пуля погружалась в полупрозрачную массу.

— Слабоват, — усмехнулся Седой и выплюнул пулю. Она брякнулась об пол и покатила по доскам.

— Пф, никогда не понимал философию — если раз не сработало, то зачем останавливаться? Можно же добавить огонька, — ответил Вадим и подал сигнал.

Пусть перед ними и стояло непонятное нечто, но бойцы вскинули револьверы и дали залп, еще, еще и еще, пока склад не наполнился едким дымом от пороха.

— Во-о-о-от черт, — Кондрат одной рукой держался за простреленное ухо, пока другой наводил револьвер на Седого. Одежда на монстре осталась висеть кусками. Он походил на огромного слизняка, в котором застряли сотни пуль, оставив после себя дорожки из

пузырьков воздуха. Седой взмахнул руками-щупальцами, переворачивая мебель и круша склад.

— Все вон! — закричал Вадим и скинул пиджак. Хоть пули и застряли как в желе, но от Седого пошел пар, его одежда обуглилась. Он все меньше и меньше напоминал человека.

Под хлопки выстрелов люди побежали к выходу, толкаясь в дверях и топчась по телам убитых.

— Покажи... — заревел монстр и хлестнул щупальцем.

Вадим пригнулся, уходя в перекат. Он продолжал стрелять, пробуя отстрелить щупальца или ноги. Но с каждым выстрелом существо становилось похоже на бесформенную массу, которая норовила раздавить. Под Седым затрещали обуглившиеся доски, пол разваливался. Он потянулся и поймал Вадим за ногу. Хватка оказалась крепче стальных тесок.

— Че-е-е-рт, — Седой потащил Вадима, раскручивая его в воздухе, и с силой приложил об стену. Хрустнул кирпич, и Вадим залетел в соседнюю комнату, поднимая облако пыли. Он раздавил импровизированную кровать.

— Иди-ка сюда, — забулькал Седой и потащил Вадима к себе. Монстру хватило мгновения, чтобы затолкать в себя целого человека. Только в этот раз вышла промашка. Вадим стоял внутри бесформенной массы и крутил головой. Через полупрозрачное покрытие существа стало заметно, как потемнела кожа у Вадима, как огромное давление смяло карманные часы и потайной револьвер. Но Вадим и мускулом не дрогнул. Началась борьба выносливости. Свечи таяли рядом с Седым, он двигался все медленнее, все больше выделяя пара. Вадим же не двигался, отправляя все выделяемое тепло защитной оболочки в окружающую среду, то есть Седого.

— Эй, урод! — от дверей склада послышался крик. Михаил и Кондрат катили маленькую пушку, — А ну, отвали! А то пальнем.

— Да, да, пальнем!

Вадим понял, что они не шутят и с огромным трудом замахал руками внутри Седого. Может ядро или чем там заряжена пушка и разрушит эту желейную массу, но и Вадиму достанется.

— Хорошо... — Седой звучал как шарик, из которого выпускают воздух. Он медленно выплюнул Вадима, правда, со стороны это больше напоминало рождение ребенка. Большого такого, даже страшенького. Вадим протёр глаза и принялся. Слава создателям этой твари, но запаха Седой не оставлял.

Не обращая внимание ни на кого, Вадим подошел к телу Алексея, бедолага так и остался лежать рядом с трупом своего убийцы. Удара рукояткой пистолета хватило, чтобы проломить череп.

— Это тебе будет дорого стоить, — Вадим развернулся к Седому, который вернул себе человеческую форму.

— Это не будет сто... — договорить он не успел, потому что толстощёкая голова с проступившими под кожей венами разлетелась как гнилой фрукт.

Вадим сплюнул кусок Седого, который попал ему в рот и с укоризной повернулся к дверям, где ошарашенный Михаил и Кондрат прижались к пушке, а над их головами стоял Микола с дымящимся слобойным ружьем.

— Падаль, — пробулькал Седой отращивая голову. Все маленькие кусочки, которые разбрызгало от попадания крупной пули, медленно ползли к основному телу.

Михаил, Кондрат и Микола синхронно перекрестились. Кондрат даже забыл о боли в

уже и поцеловал нательный крест, запачкав его кровью. Хуже всех выглядел именно Микола, он много лет дружил с Алексеем, пока служили в жандармерии.

— Вадим, может, его из пушки еще? — хриплым от волнения голосом спросил Захарченко.

— Седой, хочешь еще из пушки? Или и так понял? — осведомился Вадим.

— Ну что вы? Зачем пушка? Давайте так поговорим? — улыбнулось лицо Седого, которое медленно занимало свое место на голове, — Я очень долго собирал всю эту шушеру, чтобы вы прибили ее одним ударом.

— А Алексея, зачем похитили? А Анатолия? — Вадим отошел с линии огня пушки.

— Не я, вот вам крест, — Седой перекрестился, отчего все поморщились, — не я. Англичанин один, он и денег давал, чтобы мужиков собрать. Сегодня должен был приехать. Я то знаю, что нам делить нечего, одно дело делаем, — Седой подмигнул Вадиму, но тот никак не отреагировал, только спросил:

— А зачем же сюда приперся? Я здесь уже работаю.

— Нуууу, где родился там и пригодился, — Седой невинно развел руками. Он быстро перевел взгляд на пушку и снова на Вадима.

Захарченко и Кондрат молча наблюдали за происходящим и не вмешивались. О какой именно работе говорили Вадим с Седым, никто не понимал.

— Может пора поменять место? — надавил голосом Вадим.

— Так, а зачем менять? Рано или поздно найдем, я не спешу, а так вместе поработаем, — в ответ предложил Седой, — я даже знаю, где контрабанду торгаши спрятали. Она же вам нужна?

— Это ты, жизнь Алексея, за деньги купить хочешь? — в разговор вмешался Микола, который нервно водил стволом слобойного ружья из стороны в сторону.

— Я тут ни при чём, — Седой пухлыми ладонями закрыл голову, — я не утверждаю, что никого из ваших не трогал до этого, но я и не знал, что ваш, хм, Вадим такой.

— Какой? — осторожно спросил Захарченко, за что получил колкий взгляд Вадима.

— Много Седой болтаешь, может, точно из пушечки... — предложил Вадим, не отворачиваясь от Захарченко.

— Не, не, не, не надо. Я понятливый и неконфликтный. И очень полезный.

— Это мы еще проверим, — заявил Вадим и пошел поднимать шубу с пола. Все, что он хотел — на складе узнал. Остальные вопросы можно будет решить в тихом месте.

Рассвет еще не настал, серое небо пробила слабая синева, не предвещающая ничего, кроме плохой погоды. Вадим стоял в дверях роскошной спальни и курил. Доктор Гааза закрыл саквояж с инструментами и вышел в коридор.

За соседней стеной стояла медная ванна с остывшей водой и мёртвой Гертрудой. Господа Реймах пролежала под водой несколько часов, из-за чего ее кожа начала набухать, белеть и морщиться. А потом беспокойный слуга Петр выломал дверь.

Серый свет холодно падал на кровать с шелковыми покрывалами и огромным балдахинном. Вокруг стояли шкафы уже ненужной одежды для вечеров. Вадим посмотрел на сигаретный бычок и метнул его в манекен. Пусть в роскоши, но Гертруда не бросала любимое искусство, изготавливая новые платья даже на дому.

Вадим пошёл к выходу, где его ждал Захарченко.

— Что сказала Гааза? — поинтересовался Михаил.

— А что он мог? Купаться в горячих ваннах вредно для сердца, — Вадим сплюнул. Он не винил доктора, который просто был человеком своего времени. Гааза не понимал всего вреда от того объема опиума, который Вадим нашёл в сигаретах Гертруды. Более ей скорее повезло, просто уснуть и захлебнуться.

— А что теперь будет?

— Ничего, дальше жить, — Вадим поднял воротник шубы повыше, чтобы закрыться от ветра. Захарченко хоть и знал Гертруду, но не общался с ней так часто, как остальные. В обществе его характеризовали, одним словом — солдафон.

После долгой ночи и угрюмого утра Вадим предложил закинуть Захарченко домой, где его должна была ждать жена.

— Дорогая, я дома, — Михаил тихо зашел в спальню, чтобы не будить слуг, но кровать оказалась пуста. Только из открытой двери балкона дул холодный ветер и намело немного снега.

— Не понял, — Захарченко закрыл балкон и подошел к туалетному столику с зеркалом, за которым Мария любила прихорашиваться. Среди белил, духов, помады и кисточек лежал конверт с письмом. Михаил вскрыл его и пробежался по аккуратному почерку.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он и прям в уличной одежде лег на кровать.

***

"В порту столицы задержали крупный груз контрабанды, а экипажи кораблей поймали в местном доме с дамами лёгкого поведения. Таким образом мы спрашиваем, когда государь возьмёт бразды правления публичными домами в свои руки?". Вадим на секунду отложил газету и поржал, представив, как император Всероссийский, будет бегать по врачам, чтобы получить справки для девочек, а иначе никакого им жёлтого билета.

Следующая статья затрагивала Вадима: "Сколько стоит фиолетовый? Именно с таким вопросом в Петербург приехала делегация европейских стран. Лучшие дома моды Франции, Дании и Голландии ищут встречи с Беркутовым Вадимом Борисовичем, чтобы закупить новомодных красок или тканей. Наша редакция советует наведаться им в торговый дом Вестник, на улице...".

— Хм, где-то потерялись французы? — Вадим отметил себе имя автора статьи, чтобы потом переманить его в журнал Модник к Ханне.

Вадим отложил газеты и потянулся, чтобы забрать пару леденцов из вазы на столе, но там оказалась пустота. Даже крошек не осталось от сладкого угощения. Вадим нервно поскреб ногтями по дну вазы, но худшие опасения оправдались: кто-то съел все его конфеты. Не говоря ни слова, Вадим повернулся к сидящему в углу Егерю. Бывший охотник закрылся газетой, чтобы защититься от прожигающего взгляда работодателя, но в повисшей тишине на кухне, хруст карамели на зубах предательски выдал его. Вадим кивнул и забарабанил пальцами по столу, как бы случайно обронив:

— Я же чисто из вредности, половину конфет сделаю из горчицы или перца. А какие именно — никому не скажу. И ты знаешь, что я буду знать, какие сладкие, а какие нет.

И как ни в чем не бывало, вернулся к остывшему чаю. Вадим любил, чтобы сверху образовалась тонкая пленка, она добавляла вкуса.

Егерь с лицом кирпича дожевывал леденец, после чего набрал воздуха и заговорил:

— Вадим Борисович, вы жестокий человек! — здесь Вадим хмыкнул, а Егерь продолжил, — в той деревне, где я рос, за такие конфеты мальчишки бы разбили нос.

— А здесь не разбили бы? Ты бы сказал, я бы просто больше купил. И все.

— А купите?

— Куплю, — усмехнулся Вадим, допивая чай, и пошел собираться в дорогу.

Первым делом они направились подчищать концы операции. Карета заехала в спокойный район, где Вадим снимал приличную квартиру для одной особы. Новый домик из красного кирпича на пару этажей приносил хороший доход, так как его Вадим сдавал в основном чиновникам из средних значений табеля. Семейные люди платили вовремя, жили тихо, ходили в ближайший универсальный магазин, который тоже принадлежал одному одиозному бизнесмену. Детей они водили в ближайшую гимназию, которая пока принадлежала кому-то другому. Но вот ближайший салон в новом здании уже оформляется на нового владельца.

Под белый снег, сыплющийся со смутного неба, вышла госпожа Белка. Она, как и полагается профессиональному прозвищу, завернулась в шарфик из лисьего хвоста поверх серого пальто.

— Доброго дня, — Белла поздоровалась и поднялась в салон кареты. Вадим, не отрываясь и не здороваясь, перебирал письма, которые накопились за день.

— Так и будешь молчать? — Белка расстегнула маленькую сумочку, чтобы достать маленькое зеркальце.

— Мы перешли на ты? — Вадим закончил писать ответ и посмотрел на девушку. Белка не красилась, а держала в руке маленький дамский пистолет.

— Да, и ты выслушаешь меня! — она раздувала ноздри, накручивая себя, чтобы решиться, — ты монстр! И тебе не место среди людей!

— Конечно, не место, но не тебе, грязь, решать, где мне место, — Вадим повысил голос, не давая себя перебить, — я здесь надолго. И теперь, — он кивнул на пистолет, — только от моего решения, будет зависеть, насколько **ЗДЕСЬ ТЫ**.

— У-у меня пистолет! — Белла вытянула трясущуюся руку.

— У меня тоже, — Вадим обнажил нагрудную кобуру с револьвером, Белла проследила за его жестом, перестав целиться. Вадим дёрнулся к ней и схватил руку с пистолетом. Он взглянул ей прямо в глаза, не отрываясь от мягкой лавки салона. Вадим за руку подтянул Беллу, чтобы она чувствовала запах его одеколona.

— Не тому зубки показываешь, — прошипел Вадим, и раздался хруст. Белла сдавленно

вскрикнула и поджала нижнюю губу. У нее пошли слезы, — чуть-чуть подожди, и я покажу тебе монстра, — пообещал Вадим тихим томным голосом.

Карета выехала на пустырь, недалеко от городской свалки. Егерь остановился так, чтобы из окна с занавесками открывался вид на собрание людей.

— Жди здесь и не пропусти шоу, — улыбнулся Вадим и вышел на улицу. Он шел, выпрямившись, и кивнул кому-то, кого Белла не видела из окна. Она на секунду отвлеклась и посмотрела на руку, которая покраснела и начала набухать. В салоне кареты раздался звук, похожий на скулеж.

От боли Беллу отвлек нарастающий гул людей. На пустыре собрались десятки мужчин в шинелях, английских костюмах и мужчины в народных костюмах.

— Старообрядцы? — предположила Белла, пока наблюдала за сборищем. Вадим стоял немного в стороне, державшись подальше от конкретного человека с большим пузом, в котором она узнала Седого, — да, что здесь происходит?

Ответом ей стал строй из семи человек. Их вывели в центр и поставили на колени. Свершалось правосудие преступного мира. От Вадима выступал Кондрат, который громко перечислял все мыслимые и не очень преступления уважаемых людей.

— Рением общины: приговор — смерть! — объявил Кондрат и посмотрел на Вадима. Беркутов ответил кивком.

К провинившимся подошел Седой. Он исполнял роль палача, приводя приговор в действие. Толпа затихла, ожидая, только чтобы отпрянуть как море от извергающегося вулкана. Рука Седого превратилась в щупальце и потянулась к приговорённому и как трубочка стала вытягивать его внутренности. Белла закрыла шторку и подтянула к себе сумочку, чтобы найти нюхательную соль. Она забыла про боль в сломанной руке, про чертового Вадима, все что угодно, лишь бы сбежать отсюда. Из этого проклятого города.

***

Вадим досмотрел все до конца, пока курил трубку. Седой сделал дело, поклонился Вадиму и пошел к повозкам. Монстр, пугало, которым он согласился стать в этом шоу. Представлении для помощников Вадима, его бывших врагов, а теперь уже нынешних партнёров. Все поняли: чтобы победить одного монстра, нужен...

Головорезы расступились, сторонясь Седого как больного чумой. На их лицах застыл ужас, от которого не помогали ни молитвы, ни нательные кресты. Новгородские купцы, разве что к иконам не побежали.

— Слушайте сюда! — начал Кондрат, но закашлялся. Вот уж кто многое повидал, но даже ему поплохело, — вы дело сделали! Мы слово сдержим!

Он достал пачку документов, чтобы раздать дружинникам. Теперь они стали законными подданными Российской империи, а не беглыми крестьянами. Вадим вытряхнул трубку и пошел к дороге, где в стороне за кустами стояла еще одна карета. У приоткрытого окна сидел зелёный полковник Месечкин.

— Как вам?

— Но, — полковник не выговорил с первого раза все слово, — но-нормально.

— Отлично, — кивнул Вадим, больше своим мыслям, — до меня доходили слухи, что вы договаривались с... — здесь Вадим красноречиво посмотрел в ту сторону, куда ушел Седой, — договаривались убить меня.

— Никогда! Да ты что! — резче чем нужно заявил Месечкин.

— Я, вот честно, не представляю, как с таким, можно договориться.

— Я-я тоже!

— Хорошо, значит, мне не нужно напоминать, что шушукаться за моей спиной — нехорошо?

— Не нужно.

— И мне не нужно напоминать, что на каждого хитрого полковника, я найду хитрую шашку?

— Нет, не нужно.

— Свободен, — ответил ему Вадим и улыбнулся.

Уже из удаляющейся кареты, он услышал:

— Лянь, да я если захочу, хрен теперь забуду!

Вадим медленно пошел по дороге, наслаждаясь свинцовым небом, которое грозило раздавить под собой хрупкую скорлупу, на которой жили люди.

Белла сидела тихо, забившись в угол экипажа. Вадиму хватило взгляда, чтобы оценить огромный синяк на ее руке.

— Едем к доктору, — заявил Вадим в маленькое окошко для кучера. Егерь не ответил, молча погоняя лошадей.

***

У дома доктора Гаазы стояла очередь из пациентов. Пока доктор занимался экспериментами с лекарствами, многочисленные ученики принимали пациентов прямо у доктора дома. Вадим выкупил несколько соседних квартир, превратив здание в подобие частной клиники. Не только по доброте душевной, души нет — значит и доброты не было, а для удобства. В одиночку доктор не мог принимать всех пострадавших в драках или боях бойцов, поэтому пришлось расширить штат. Ну и случались экстренные случаи, наподобие этого. Вадим пропустил Беллу вперёд. Она поднималась на второй этаж как на каторгу.

— Кто? Кто пришел? — выглянул Гааза из кабинета, — Вадим! Доброго дня, проходите, я сейчас вас приму.

Вадим поздоровался, крепко пожав руку доктору, и заглянул в кабинет. А там Есислав под хлопки прислуги танцевал гопак! Что вытворял этот старичок Васнецов, Вадим не стал досматривать, проводив Беллу в приёмную.

— Вадим Борисович, я хочу уехать. И не держите меня...

Повесив голову, заявила Белка.

— И не собирался. Как прошло с графом? — он сел, откинувшись на спинку кресла, которое жалобно заскрипело.

— Хорошо, но как я теперь покажусь ему? — она подняла сломанную руку.

— Хм, тоже мне проблема. Когда вы скажете, с какой лёгкостью и какие огромные деньги вы потратили на лучшего доктора в столице, он сам потащит вас под венок, — отмахнулся Вадим, — деньги, конечно, буду тратить я, но графу это знать не нужно. А потом...

Белла повернулась к нему всем телом. В ее глазах так и застыл вопрос: а что потом?

— Вы поедете в англию, станете настоящими англичанами, как и мечтает ваш будущий муж.

— Ну, прям муж... — сказала Белла, а сама обрадовалась возможности уехать из проклятого города.

— Все в ваших руках, — кивнул Вадим, а потом легонько ударил себя по лбу, рассмеявшись, — вернее, руке... А будете еще фокусы вытворять, останетесь с одной ногой.

Вот же будет шоу.

Вадим пододвинул кофейный столик и указательным пальцем изобразил человечка прыгающего на одной ноге по столешнице.

Белла сглотнула подступивший ком, наверное, только открывшаяся дверь приемной.

— Вадим, рад вас видеть! Жаль, честно жаль, что мы видимся с вами по разным печальным поводам, — заметил доктор сломанную руку Беллы.

— Все мы имеем право на ошибку, — развел руками Вадим и встал, — некоторые только на одну. Я верю в ваши силы и в вашу чудодейственную магию.

— Никакой магии, только наука! — шутливо заметил доктор, присаживаясь для осмотра пациентки.

— Я так полагаю, что могу забирать выздоровевшего? — осведомился Вадим, прежде чем уйти.

— Конечно, господин Васнецов чувствует себя отлично! А это после такой труднейшей операции.

— Так. ю сколько времени уже прошло, — заметил Вадим и пошел в соседнюю комнату. Они долго не виделись. Есислав замер у стола, красный после танца, он подскочил к Вадиму и обнял. Такой жизни в старике давно никто не видел.

— Ну красавец, — улыбнулся Вадим, по-дружески осматривая товарища, — как у юнца какого-то отобрали

— Но-но! Родные и здоровые! — похлопал по ногам Есислав, — ну что, какие будут предложения?

Есислав улыбнулся в бороду и потер руки. С него полностью пропал налет уважаемого представителя фракции славянофилов. Но это пока, да и простительно — человек не мог нормально ходить с Отчественной из-за осколка в спине. Поэтому Вадим решил бить наверняка:

— По бабам!

***

За последнее время в Петербурге появилось несколько очень дорогих и презентабельных заведений, куда не пускали обычных гвардейцев, да и вообще военных чином меньше майора. В специальных ресторанах рядом с иностранными посольствами, девочки-эскортницы сами, кого хочешь могли загрызть, а клиентам они дарили такие впечатления, что каждого дипломата уже знали в лицо.

Да, на такие публичные дома уходило много денег на дорогую одежду, духи, косметику, учителей по этикету, пению и языкам для профурсеток, но Вадим не жалел, учитывая, что большую часть информации за государственный счёт покупало третье отделение.

Но друга Есислава он вез в особое место.

— Театр? — Воронцов смотрел на город из кареты, как на что-то новое, место, полное возможностей.

— Изначально театр, а теперь Дом мод! — заявил Вадим и поднял палец.

***

По золотому билету консьерж повел их на второй этаж мимо удобных балконных мест. Из театрального зала слышались аплодисменты и громкая речь организатора. Есислав бросил быстрый взгляд, но не стал задавать вопросов, а тихо пошел дальше. Вадиму тоже стало интересно, как именно все организовал местный управляющий по бандитской кличке — музыкант.

— Господа, раздевалка. Если вам кто-то понравится, подзовите слугу, он поможет выбрать место, — с этими словами провожатый выдал гостям по маске и открыл дверь в небольшой салон. Повеяло деревом, как в бильярдных клубах. В центре салона стояли удобные кресла лицом к подобию занавешенных окон. У дальней стены стоял бар и бармен. Сегодня в особой комнате дома мод было только три гостя, помимо Вадима и Есислава.

— Интересно, интересно, — пробормотал Есислав и пошел изучать место, — О.

Но далеко он не ушел, остановившись рядом с занавешенным окном. Сквозь мелкую сетку открывался чудесный вид на раздевалку для моделей. Зрелище впечатляло не только красотой, но и натуральностью происходящего. Девушки примеряли наряды, красились, даже умывались здесь. Вадим завис от того уровня, на который Музыкант смог поставить бизнес. Так зарабатывать на вуайеризме — мог не каждый. И именно дом мод, своей потайной стороной приносил больше всего живых денег Вадиму. Теперь он понял почему. Бедный Есислав, чуть слюни не пустил, пока крутил головой выбирая.

— Там вон бинокли есть, — Вадим показал ему в сторону столика рядом с креслами, на котором лежал театральные бинокли. Один из слуг, который тихо ждал в углу комнаты, правильно угадал желание, и подл бинокль Есиславу.

— Спасибо, голубчик, — Васнецов прилип к окну.

— Вы кого-то выбрали? — раздался тихий голос у уха Вадима. Это другой слуга заметил его интерес к одной из моделей.

— Думаю, что да.

Вокруг дома мод Музыкант выкупил несколько домов, чтобы дорогие гости могли спокойно отдохнуть с выбранной моделью. Мягкие кровати, незаметная прислуга, ужин при свечах. Сервис по высшему уровню.

Заскрипело окно спальни на втором этаже. Вадим поправил одеяло избранницы, которая лежала у него на груди и тихо сопела.

— Зачем? — в ночной тишине прозвучал женский голос.

Вадим зашипел и рукой прикрыл ухо модели, чтобы не разбудить ее беседой.

У окна в прогулочном платье стояла Мария Захарова и любовалась милой сценой.

— Я, хотя бы пытаюсь изображать человека, — заметил Вадим шёпотом.

— А зачем? Ну, поднимут люди шум? Быстрее найдём засранца и прикончим.

— А потом? Что будет потом?

— Да кто знает? — Мария пожала плечами, — я на перед не загадываю, просто живу моментом. Наслаждаюсь.

— Местью, — договорил за нее Вадим.

— Может, и так, но сегодня! Ха. Сегодня я поделюсь с тобой возможностью. Одна твоя знакомая по имени Фанни Кэмбл, собралась обратно в Штаты. Уже собрала вещички и ждёт в отеле следующий корабль. А собралась она после визита к помощнику действительного Британского посла, сразу после того, как пришла новость о смерти этой, как ее там, — Облачко щёлкнула пальцами, — Гертруды.

Она показала белые как у акулы зубки, изобразив улыбку. Облачко надеялась вызвать хотя бы намек на эмоции, но Вадим лежал неподвижной статуей в обнимку с девушкой, пока по комнате гулял холодный декабрьский ветер.

— В общем, я все сказала, остальное решать тебе, — Облачко поклонилась, и ее как ночной туман выдуло в окно.

Вадим тяжело вздохнул и аккуратно, чтобы не разбудить девушку пошел одеваться. Треснула нитка и по полу покатила оторванная пуговица, Вадим наклонился, чтобы ее поднять и заметил отражение светящихся глаз на пуговице. Он не выдал себя Облачку, не показал, как сильно взбешён.

***

Гостиница "Европейская" представляла из себя двухэтажное каменное здание. На первом этаже находились общие зала, на втором номера постояльцев. На нижнем этажа в зале гости обедали, беседовали или играли. Перед гостиницей заботливый владелец разбил палисад для прогулок.

Слуги натаскали воды и подогрели для Фанни ванну. Она находила это ироничным, но не могла отказать себе перед долгим путешествием. Напевая колыбельную, Фанни терла нежную кожу мочалкой. Ей казалось, что на бархатных ножках и ручках появились темные пятна, что она где-то запачкала себя и ей не могла помочь ни пушистая пена, ни новомодное Петербургское мыло фиолетового цвета. Фанни нахмурилась и продолжила тереть кожу, пока не показались первые капельки крови. Никакая мочалка не могла стереть след с ее совести. Американская актриса всхлипнула. Если бы не письмо на тумбочке рядом с ванной, то Фанни не представляла, чтобы сделала, может, даже сдалась полиции.

Фанни отбросила мочалку и от досады и обиды на себя хлопнула по пене. Ей захотелось

покапризничать и не вылезать из горячей воды, пока прислуга не отнесёт ее на корабль. Фанни тяжело вздохнула и подняла на ладони большой пузырь, представив себя на его месте. Такая же хрупкая, чуть подует ветер и она лопнет. Актриса так задумалась, что не обратила внимание на тяжёлые шаги, под которыми скрипели доски в соседней комнате. Дверь в ванную вылетела с петель от сильного удара и громко рухнула на пол. Без слов к ванне подошел Вадим, нависая над перепуганной Фанни. Он положил ей руку в перчатке на грудь и надавил. Фанни не успела закричать, как оказалась под водой. Ее придавило к медной ванне с такой силой, что захрустели кости. Вадим молча стоял над брыкающейся актрисой, пока она пиналась, царапалась и теряла драгоценные глотки воздуха. Фанни схватилась за рукав пиджака, порвав его, но ничего не могла сделать. Ее как будто придавили паровой машиной. Вода уже не казалась такой горячей. Сквозь мыльную воду она видела беспристрастное лицо убийцы. Не ради себя, последняя мысль Фанни потянулась к мужу в холодной тюрьме.

Вадим чувствовал, как замедляется сердцебиение девушки. В этот момент он не чувствовал ничего человеческого. Ни сладости мести, ни горести утраты. Только бесконечное раздражение от мельчайших разборок с букашками, которые мешали выполнять план. Все это почти не трогало его сознательную сторону. Чувственная сторона же взвыла, когда Вадим успел за мгновение заметить письмо, прочесть и осознать.

Так же внезапно, как Вадим ворвался в ванную комнату, рука, что держала ее — исчезла. Фанни схватилась за края ванны, вырываясь из медной могилы. Она хрипела, выплевывая мыльную воду, пока взглядом провожала спину в черном пиджаке.

— За дверь, — буркнул Вадим, столкнувшись с обеспокоенным портье в коридоре, и спустился к выходу, где его ждала карета.

От отеля он поехал навестить хозяев бала, который так внезапно оставил пару дней назад. Обычно о визитах вежливости предупреждали, но маленькие шалости прощались близким знакомым. Вадим же спешил, потому что в его планы вмешивались жители одного Туманного Альбиона, нанося удар за ударом. А именно с бала у Городиковых все и началось.

***

— Не пушу! Не велено! — заявил дворецкий дома Городиковых. Мужчина одного с Вадимом роста, но лет на двадцать старше выпятил грудь и надул щеки. Он только пар из ноздрей в усы не пускал, изображая негодование. В глазах бедного слуги читалось беспокойство, только Вадим не понимал за кого.

— Совсем не желают видеть? — спросил Вадим уставшим тоном.

— Совсем, — уже спокойнее ответил дворецкий, — на вас серчают, вы пообещали танец и сбежали. Юная господа очень расстроилась.

— Это формальный ответ, а настоящая причина? — спросил Вадим глядя дворецкому в глаза, и глаза в дворецкого забегали, пока он не сдался.

— Один человек доложил господину, что кхм, "у него слишком грязное белье".

— А этот человек, случаем не англичанин?

— Возможно, — не стал отрицать дворецкий.

— А мне, почему говоришь?

Дворецкий ответил не сразу.

— Юная господа, вы ей очень понравились, бедная девочка есть не может... Ну я и подумал, что если вы увидите, то ей полегчает.

У Вадима поднялась бровь. Он либо переборщил со средством, либо Люда оказалась

впечатлительнее, чем он думал. В окне второго этажа промелькнуло светлое личико. Вадим не стал поворачиваться, чтобы не показать виду, что заметил. Через пару дней девочку отпустит. Наверное.

— Что же, всего доброго... — Вадим попрощался, чтобы уйти, но дворецкий снова заговорил:

— Вашблогородие, вы не держите обиды, Петербург слишком маленький, все и всех знают. И господин ну очень любит Люду. Пожалуйста, не причиняйте им зла.

Дворецкий знал или догадывался, что перед ним не просто предприниматель и суженый Людмилы. Он боялся не за себя, а за то, что Вадим сгоряча обидеться на семью Городиковых.

— Всего доброго, — еще раз попрощался Вадим и пошел к карете, не обращая внимание, на взгляды в окнах.

***

— Пустите меня! — закричала Люда и бросилась из комнаты к лестнице, но у двери ее поймал отец. Девочка отказывалась снимать платье с бала, сильно порвав материю в нескольких местах. За время бессонных ночей у нее появились синяки под глазами, и Люда не подпускала к себе няню, чтобы та заплела ей волосы, — хотя бы разок увидеться!

— Нельзя! — с мольбой в голосе зашептал Городиков Федор Семенович, обнимая дочь. Он стоял и плакал, не узнавая любимую Люду.

***

Весь расклад требовалось переварить, желательно в хорошей компании с приятными людьми, поэтому Вадим сидел в ресторане с Есиславом и Горынином. Есислав напоминал добродушного старичка с короткой бородой, белым хлопчатом костюмом и полного энергии. Осанка, взгляд, острые скулы выдавали в Горынине потомственного военного, ну и конечно китель, в котором адмирал выходил в свет, очень им гордясь.

— Что задумал? — первым спросил Горынин, разрезая ножом запечённого кальмара, которого нафаршировали фаршем с морковкой и запекли под соусом.

— Я еще после предыдущей гулянки не отошел, — хохотнул Есислав и наколол вилкой малюска.

— Вообще, — Вадим отпил гранатового вина, — это касается вас обоих. Дорогой Владлен, как ваш флагман Метеор?

— А что ему? Гоняю команду, пару раз уже по Балтике ходили, — пожал плечами адмирал, — пока порты льдом не встали, нужно обучить матросов.

— Да вот смотрю я на Метеор и думаю: “а чего мы сами не строим?”. Все у британцев заказываем.

— Ну-ну Вадим, у нас все верфи заняты, — не согласился Горынин, — только в этом году на Адмиралтейских три новых заложили.

— Три! Ого, — саркастически удивился Вадим, — и все с парусной оснасткой?

— А как иначе? В каких сейчас портах пароходы ждут? Да и далеко на машине не уйдешь, уголь кончится.

— Подождите, Вадим, ты сказал, что будет интересно нам обоим, — вмешался в разговор Есислав.

— Все так, — Вадим медленно долил вина, вдохнул аромат, взболтнул фужер...

— Да не томи ты, — засмеялся Горынин, когда у Есислава от натуге уже глаза из орбит полезли.

— Нужны новые верфи, да не в Петербурге, где все и так занято. И нужны они под новые корабли. Чтобы только на винтах и с корпусом из стали, — приоткрыл завесу Вадим.

Горынин присвистнул. Чем-то отдалено похожим занимались Англичане, строя гражданское судно Грейт Британ. По каналам военной разведки дошли новости, что гражданский пароход достиг почти ста метров в длину. Только финансовые проблемы владельца судостроительной компании, не позволили спустить судно на воду уже в этом году.

— Смело! — предложил тост Горынин, за что и выпили.

— А где такая верфь будет? — уточнил Есислав, хитро так сверкая глазками.

— Так, в вашей вотчине — под Архангельском, — ответил Вадим.

— Но там же льда больше чем на Балтике! Мореходство ни к черту! — спохватился Горынин, — ладно, там верфи строят корабли со времен Петра Алексеевича. Но последние годы заказы там падали. Кораблестроение переехало по большей части в Петербург и Черноморские окраины.

— Первые корабли будут там ледоходные или ледокольные или еще как, — предложил Вадим, — не одни мы пользуемся Белым морем, не одни мы зимой страдаем ото льда в портах. Американцы пару лет, как сделали колесный ледокол, только он получился на редкость ненадёжным. Наши же будет использовать винты!

— Винты, винты, да сдались они тебе, — не понял его Горынин, который не одно десятилетие командовал парусными кораблями. Для него переход на паровые машины — уже авантюра.

— Не доверяешь?

— Сомневаюсь

— Хорошо, твое право, — согласился Вадим и улыбнулся, — а хочешь пари?

— Это какое? — адмирал подобрался

— У меня сейчас в ремонте Вестник, мы его распилили и ставим наши паровые машины, новый штурвал и пару винтов. Паруса на нем останутся, но это только пока.

— Так, — взволнованно пробасил Горынин.

— Вот выйдет мой корабль из дока и давай гонку? Твой Метеор против моего вестника!

— Ха! Ха, ха, — засмеялся Горынин, — у тебя вестник, это лёгкий клипер, он любого по скорости обгонит.

— Не спорю, но ветер нам проверять не нужно. Мои машины против Британских! Мои винты против гребных колес.

— Интересно, — заявил Есислав, — а как я мог бы поучаствовать?

— Есислав Павлович, а с вас зрители, что нам корабли просто так гонять? Да и не дадут просто так, — задумался Вадим.

— Это разберёмся, — отмахнулся Горынин, — мне вот очень интересно, друзья мои обязательно заинтересуются.

— Гонка, это хорошо, а что на счёты верфи? — вспомнил Есислав.

— Так нужно будет строить потихоньку начать, землю выкупить, мастерские построить, — начал загибать пальцы Вадим.

— Вадим, подожди. Ты же сказал, что там корабли должны быть железные, а откуда железо возьмём? В Архангельске только лес, — хохотнул Есислав, — да еще и кхм, дороговато все самим строить.

— Ну-у-у, с этим я смогу помочь, — Вадим вспомнил о золоте, которое ему везли с

Дальнего Востока, но быстро отбросил эту идею. Нельзя подставлять Есислава с неучтенным золотом, — Есислав Павлович, как думаете, сколько можно заработать на бумаге?

Васнецов долго думал. У него на предприятиях уже работали машины по переработке дерева с заводов Беркутова, привезли первые станки для изготовления бумаги из дерева, но производство еще не запустили.

— Много?

— Очень много! — Вадим поднял палец, — а еще больше, если производить не только бумагу, но и картон! Сейчас покажу.

Вадим снял с вешалки цилиндр и передал на экспертизу.

— Так, цилиндр из модного дома мадам Реймах, царство ей небесное, — перекрестился Есислав, — И?

— Подкладка, — Вадим показал на подкладку для цилиндра из гофрированной бумаги. Мастерскую под шляпы он открыл только в этом году, расширяя своё ателье.

Оба уважаемых человека Вадим не поняли.

— Картон — удобный не только чтобы носить шляпы, но и чтобы хранить вещи. Например, делать из него коробки и переносить в них хрупкие вещи, — Вадим руками изобразил коробку.

— Мне кажется, что гранатовое — скисло, — осторожно заметил Горынин и взял бутылку вина, чтобы понюхать.

— Так, если вы не хотите, то я заставляю не буду, только потом не плачьте, когда я золотые горы заработаю! — заметил Вадим.

— А с чего бы такая щедрость? — все-таки решил уточнить Есислав.

— Нужно много дерева, вернее его нудно ОЧЕНЬ много, — грустно улыбнулся Вадим, — мне самому возводить все — долго и дорого, а у вас уже половина дела. Плюс, на юге империи я начну делать бумагу из конопли или льна. Она будет дешевле, но похуже качеством. А бумагу покупали, покупают и будут покупать. Вон у нас как разросся чиновничий брат. Спасу нет!

Горынин и Есислав захохотали.

— Предлагаю за это выпить! Чтобы от чиновников картоном можно было отбиться! — погладил бороду Есислав.

— Дать залп бумажными ядрами по бесконечным очередям в управлениях, — поддержал его Горынин.

***

— Вон, это он, — прохрипел Егерь. Бывший охотник лежал под кустом рябины с новейшей снайперской винтовкой. Вадим не пожалел денег и закупил увеличительные стекла в Пруссии для этого дела. Оптический прибор собирали уже в России. Пристреливал Егерь на тренировочном полигоне оружейного завода.

— А Я здесь зачем?! — Дмитрий Волович дрожащими от холода пальцами откручивал крышку фляги с коньяком.

— Вадим Борисович, попросил посмотреть как ты стреляешь, — спокойно объяснил Егерь и выдохнул облачко пара в густую черную бороду.

Они лежали несколько часов в тёплых тулупах, на подстилке, но декабрьский холод от промёрзлой земли давал о себе знать.

— Ты же знаешь, что я инженер и офицер?

— Если ты работаешь на Вадима Борисовича, то все едино. Решает опыт и способности.

— Ах, опыт, — Дмитрий напряг скулы. До того, как доктор Гааза вылечил ему ноги, инженер не раз сталкивался с людским пренебрежением, насмешками и жалостью, — дай сюда.

Он вырвал из рук Егеря винтовку и попробовал в руках.

— Уже пристрелял, — спокойно сказал Егерь и достал бинокль.

Их целью стал чиновник из таможенной службы. Через него британцы завозили и прятали контрабанду. Дмитрий навел прицел на окна второго этажа. К чиновнику полчаса как пришел гость — Сэр Вескер. Именно его визита они ждали, лежа под кустом.

— Пятьсот метров, — уведомил Егерь.

— Понял, — Дмитрий прицелился по шкале в прицеле для стрельбы на дальние дистанции, — не понимаю, почему Вадим так привязался к метровой системе.

— Вадим Борисович, лучше нас с тобой знает как лучше, — Егерь наблюдал за целью в бинокль, — ветра нет.

— Тогда о чем говорить? — буркнул Дмитрий и выстрели. Пуля Уманского раскрутилась по нарезному стволу и вылетела на свежий воздух, пролетела через пустые огороды, старенький колодец, кованую ограду и попала в окно, прямо через вазу с розами в шею чиновнику.

— Не о чем, — сухо заметил Егерь, разглядывая как чиновник фонтаном крови залил английского джентльмена, потом портрет Российского императора на стене, вскочил, чтобы начать бегать по кабинету, закрашивая все стены. Дверь открылась и на шум зашел секретарь чиновника, только чтобы получить фонтаном крови в лицо и упасть без сознания. Не выдержав кровопотери, чиновник разбежался и сиганул в окно, чтобы приземлиться на кованую ограду с торчащими пиками.

— Ты идешь, — Дмитрий убрал винтовку и остаток гильзы в чехол и медленно ковыляя полез из-под куста к спрятанной карете. Они готовились пару дней, как только Вадим сообщил им о скоординированном ударе врага.

— Теперь на похороны? — Егерь забрался на место кучера.

— Ну да, там переоденемся, — Дмитрий показал на сменную одежду в салоне. Днём хоронили Гертруду, а вечером Алексея. Оба мероприятия хоть одинаково грустные, по сути сильно различались по приглашённым людям. Высшее сословие Петербурга придет на поминки мадам Реймах. И скромный состав из нескольких бандитов, помянет старого знакомого.

3 декабря 1841 год.

— Ах извольте, я щас блева, бэээ — это было первым, что услышал Лорд Вескер, после того как у него перестало свистеть в ушах от истошного вопля одного на редкость полнокровного чиновника таможни. Мир вокруг, в частности кабинет еще оставались покрыты какой-то красной пеленой, пока Вескер не достал белоснежный платочек, который чудом не испачкался в этом дурдоме. Перед глазами замаячили ноги обеспокоенного секретаря, который до этого полез посмотреть в окно, что же там случилось с его ненаглядным хозяином. Сейчас же бедный секретарь перегнулся через подоконник и украшал уже покойника непереваренным обедом.

Вескер протёр лицо платком, и мир вокруг сразу вернул краски помимо красного. Англичанин встал из-за стола и ушел не прощаясь. Вверх по лестнице бежали еще слуги и пара телохранителей, которые раздавали подзатыльники русским.

— Сэр, с вами все в порядке?

— Да, быстро уходим, — Вескер тростью оттолкнул от себя перепуганную горничную.

— А кровь?

— Не моя, — проворчал Вескер спускаясь. Телохранителей он набрал из числа военных. Посольству разрешался штат сотрудников и охрана из Британской Империи.

Они погрузились в карету и быстро уехали. Вескер с кислым лицом сидел в салоне, даже не стараясь вытереть кровь с дорогого пиджака, рубашки, брюк и любимого котелка. Все его мысли заполнило более чем эффектное предупреждение. В то, что это могла быть ошибка — Вескер не верил. Сейчас он только хотел запрятаться в посольстве и уже оттуда разрешить неприятный инцидент. Английский гость в доме высокопоставленного чиновника, которого еще и убили, складывались в рецепт для проблем. Без Джорджа ему приходилось лично восстанавливать связи, которые пропавший помощник выстраивал годами. Они только добились согласия от Новгородских торговцев, чтобы на их кораблях возить контрабанду, как Джорджу приспичило покусать этого Русского. Вескер тяжело вздохнул, ведь он сам одобрил все действия, недооценив вражескую группировку. А теперь еще и это. Не только потеряли Новгородцев, но и пропуск в доки.

— Кто-то обязательно должен заплатить, — Вескер поудобнее устроился на бархатной подушке, смирившись с мыслью, что придётся менять всю обивку в салоне, — и я знаю, с кого начать.

***

По стенам переулка промчались грозные тени. Фанни в лёгкой шубке прижалась спиной к запасной двери отеля. Наученные внезапным визитом в прошлый раз, служащие предупредили актрису о незваных гостях. Фанни не стала испытывать удачу, схватила вещи, билет на корабль и побежала. В коридоре, она чудом разминулась с парой громил лорда Вeskера.

Корабль уходил только на следующее утро, но Фанни не собиралась оставаться в Петербурге кому-либо на милость. Она проверила улицу и выбежала, чтобы поймать извозчика.

— Куда, барыня? — спросил здоровенный мужик с загорелым обветренным лицом. Он сидел в шубе и правил санями, которые все чаще появлялись на улицах Российской столицы.

— В порт, — с акцентом попросила Фанни и обернулась.

Из проулка вышли люди Вескера и закричали.

— Эй, стоять! Остановись!

Извозчик стегнул коня и помчался дальше, оставляя бугаев у дороги. Но они недолго горевали, побежав к карете у главного входа в гостиницу.

— Быстрее, нас догоняют, — попросила Фанни. Извозчик захохотал и снова стегнул коня.

— Не бойся, не догонят.

— Мы знакомы? — Фанни закрылась кожаной сумкой с вещами.

— Нет, но меня послал ваш знакомый, он не хотел, чтобы с вами что-нибудь случилось пока вы в столице.

— А потом? Если я не хочу помощи "знакового", — Фанни могла подумать только об одном человеке, который мог, но не стал забирать жизнь.

— А потом, вы свободны как ветер.

Фанни закуталась в шарф и надела перчатки, а то нежная кожа на пальцах начнёт трескаться. Вообще, за последние дни у неё вокруг глаз появились маленькие морщинки!

— Приехали, — извозчик остановился у причала, где ждал корабль, — капитан примет вас на борт уже сегодня, все обговорено.

— Спасибо, — натянуто протянула Фанни и побежала на борт.

Егерь проводил девушку взглядом, покачал головой и отправился встречать англичан. Приказ был никого не отпускать, пока актриса не уплывёт.

Фанни же нашла номер и закрыла дверь на замок. Новый паровой лайнер страшно шумел. Дрожь от машин проходила через все палубы. Но нашёлся и приятный момент — в отличие от парусного корабля, на котором Фанни приплыла в Россию, здесь хватало горячей воды.

На следующий день, когда Петербург скрылся за утренним горизонтом, Фанни вздохнула и с некой тоской пустила бумажный самолётик, который подхватил окрепший ветер и унёс за волны.

— Простите, я ищу английскую подстилку, не знаете, где я могу ее найти? — раздался женский голос, от которого у Фанни перехватило дыхание.

Они стояли одни на смотровой площадке. Другие пассажиры пока размещались в каютах.

— Мой русский нет так хорош, я наверное вас не поняла, — нервно усмехнулась Фанни и упёрлась спиной в перила.

— Я. Ищу. Английскую. Подстилку, — по словам выговорила Облачко. Она стояла под ветром в лёгком платье, поверх которого надела пальто, — И думаю, что нашла!

— Нет, подождите, вы ошибаетесь! — Фанни захотела закрыться руками и закричать, но незнакомка оказалась на удивление сильна. Она подошла и впиалась ей в губы. Тепло другого человека смешалось с чем-то холодным, колючим, плотным, что быстро наполняло легкие. Фанни закашлялась, но Облачко не отпускала, ее глаза загорелись и по белому туману в легких Фанни побежали змейки молний. Актрису тряхнуло, но Облачко зубами вцепилась ей в нижнюю губу улыбаясь. Ноги подкосились, и она осталась висеть в железной хватке, пока наэлектризованный пар сжигал Фанни изнутри.

Облачко отпустила актрису, когда от той запахло жареным, кожа вокруг рта и носа потемнела и из них пошел чёрный дым.

— И чего он вас жалеет? — выплюнула Облачко и растворилась в воздухе.

***

5 января 1842 года

Трущобы менялись. Среди каменных домов перестали нарастать землянки и лачуги из подручного мусора. По улицам гуляли люди, с радостью встречая патрули дружинников. Заведения вроде борделей перешли в законную область, серая полоса осталась конечно, но движение пошло. Вадим же с радостью за серый доход обходил потайные бойцовские клубы, игорные дома и питейные где обычные рабочие выпускали пар, а люди побогаче деньги. В районе открылось несколько церковных школ для беспризорников и целый технический колледж, где обучали подмастерий.

В качестве разнообразия Вадим ввёл в бывшие трущобы культурную программу, как и в Заводском, поставив большую ёлку на Рождество. На скромных уличных танцах знакомились молодые парочки, которые надеялись выбраться из болота нищеты. Среди бывших разнорабочих встречались дети офицеров, низшие чиновники, разорившиеся дворяне и бежавшие крестьяне. Город кормил всех в той или иной степени.

Вадим закурил. Главным двигателем идеи с дружиной оставался Месечкин, который расписывал императору каждое достижение, как титанический сдвиг в борьбе с преступностью. Чтобы доказать свою правоту перед конкурентами, он даже завел статистический отдел. В третьем отделении оценили идею и приказали в каждом областном городе завести по паре счетоводов, которых сразу загрузили бухгалтерией, подсчётом убытков от пожаров и так далее.

Заказы на картотечные шкафы вырос в несколько раз за последние месяцы. Вадим всем говорил, что это совпадение и путь к прогрессу государства: от пыльных книг к отсортированным папкам.

— Ты о чем задумался? — спросил Анатолий Демидов, когда они сидели у Вадима в квартире после рождественских праздников.

— О делах. Чувствую себя как бурундук, который считает орешки, сидя в норке. Раз и мы поставили экскаваторы для железной дороги, два и на Сестрорецк добрались все станки для нарезных стволов, три и запущено производство гребных винтов...

Анатолий показательно зевнул.

— А я думаю, что ты как старый паук, который застрял в паутине в тёмном углу! Сколько можно прятаться? Засел в квартирах, только в торговом доме мелькаешь.

— Тебе мало прошлого раза? Кого из нас похитили, а кого потом даже на порог не пустили, — нахмурился Вадим. Отношения с Городовым улучшить не получилось.

— Печальная история, — согласился Анатолий и пригубил вина, — с меня как с гуся вода. Я всем рассказал о твоём карманом револьвере!

— Да, в тире отбоя нет.

— А с Людой, — он пожал плечами. Анатолий только год назад расстался с родственницей того самого Наполеона!

— Бывает, — отмахнулся Вадим.

— Подожди, может еще раз поговорите? К себе они тебя не позовут, но... — Анатолий загадочно сверкнул глазами, — ты же не забыл, что у нас с Варей весной свадьба?

— Забудешь тут. Помню и даже подарок подготовил! — Вадим ответил своим загадочным взглядом.

— Ну? Не томи!

— Только для вас! И только один раз! Путешествие до берегов Испании, на моем быстрейшем корабле! Отдохнете после свадьбы, сбежите от суеты. А потом обратно он вас же прокатит по средиземному морю...

Вадим сделал драматическую паузу.

— А-а-а-а, вот ты жук! По средиземному морю и остановка в Османской Империи? Скольким ты заплатил, чтобы меня назначили?

Вадим аж зашипел от возмущения, за новое платье для жены и трех дочек министр иностранных дел даже не счёл это за просьбу. Мелочь, по сравнению с возможным чеком покупки или очередью.

— Ты мне нужен, — начал издалека Вадим.

Анатолий нахмурился и провел пальцем по краю бокала.

— Скоро будет война, на самом деле много войн...

— Ты так уверенно говоришь, как будто тебе кто-то сверху шепчет, — Анатолий поискал чего покрепче. Вадим услужливо открыл комод и протянул бутылку бурбона. Анатолий откупорил крышку и вдохнул аромат трав.

— Ты читал Лондонский договор?

— Ну не лично, — улыбнулся Анатолий, но быстро замолчал, сообразив, в какую сторону идет разговор. — Османы?

— Они в первую очередь, но будет во вторую, в третью и четвертую, — Вадим замер, держа в руке виски, — у меня есть немного денег, — Анатолий хмыкнул, — подожди, не перебивай! Так вот, я хочу проспонсировать поход в Азию. Снова.

— Это там, где тебя чуть не убили? Одного раза не хватило? — припомнил Анатолий.

— Чуть не убили... да, — Вадим грустно улыбнулся и потер свободной рукой шрам на груди, — в любом случае это отличная возможность двигаться так, чтобы нам не могли мешать прямо и очень, очень боялись. Англия в новую войну с Афганистаном пойдет, лишь бы мы не добрались до жемчужины.

— А она нам нужна? — задал риторический вопрос Анатолий.

— А вот я тебя удивлю! Слушай: — Вадим наклонился, — Ни-хре-на! У нас уже есть все, ну во-о-о-от вообще. Бери и копай, найдешь золото, серебро, уголь. Пока нет людей, есть крестьяне, но они еще не люди, а пленные.

Анатолий отвернулся, он нервно стучал пальцем по хрустальному бокалу с виски.

— Вадим, без надзора что могут крестьяне? Они ни читать, ни писать не умеют, всю жизнь живут при помещике, а ты вот так хочешь взять и отправить их в свой Заводской.

— Почему же просто так? Мы через месяц открываем училище, — удивился Вадим. — Сначала в него пойдут уже работающие мастера, потом ученики новых крестьянских школ. Пять лет и ты не распознаешь в человеке крестьянина. Будет рабочий, гордый своей работой, любящий семью, квартиру, знающий, что его ждет в ближайшие пять — десять лет. Это очень дорогого стоит!

— А кормить их кто будет? Бабочками никого не накормишь, — решил выложить последний аргумент Анатолий.

И Вадим как-то уж слишком долго молчал.

— Да ладно? — не поверил Анатолий, — ты совсем сдурел с китайской кухней?!

— Да при чём здесь китайская кухня? — не стал отнекиваться Вадим, — будут не совсем бабочки, и не только бабочки. На самом деле все будут есть и никто и слова не скажет!

Анатолий сидел с открытым ртом. Манеры дали трещину перед лицом такого издевательства над людьми.

— Демон!

— Ну-у-у-у, ты почти угадал, — Вадим допил виски и потянулся к лимону, чтобы закусить.

— Что тебе сделали рабочие, чтобы ты их всякой гадостью кормил?

— Почему гадостью? Это мы с тобой сидим и пьем гадость, — Вадим показал на бутылку, — курим гадость, нюхаем гадость. Но будет еще хуже, если я не займусь вопросом мирового продовольствия.

На последней фразе Вадим надул щеки, чтобы показать важность.

— Ха, — пробило Анатолий, — ха! Ты так пошутил? Да? С таким серьёзным лицом главное. Я даже поверил.

Вадим долил другу виски и не ответил.

***

Пока Лорд Вескер раскинулся в мягком кресле в гостевой и грелся у камина, попивая виски, он даже не думал, как на окне комнаты появился морозный узор в форме обозлённого женского лица. Подул ветер и лёгкая дымка полетела в сторону центра. К дому, который она никогда не полюбит.

Под серым небом люди отпускали праздники, возвращаясь к работе. В центре еще стояла елка, у которой крутились дети, выпрашивая копейку у прохожего.

Облако остановилась у окна на первом этаже их дворика и разбила стекло. Осколком она порезала рукава пальто, подол платья, выдрала клоч волос и оставила отметины на коже, после чего быстро поднялась в квартиру.

В прихожей не горел свет. Стояла тишина, в которой мерным шагом отмеряли время настенные часы. Облако дёрнулась от резкого звука. В комнате зажгли спичку, она зашипела, как бы ругаясь на того, кто разбудил пламя.

— Мария, тебя долго не было, — Михаил сидел за столом в зале. Он поднес спичку к лицу, чтобы огонек осветил огрубевшие черты лица. Из глаз гвардейца пропал огонек романтизма и наивности. Бои в городе быстрее оголили его натуру воина, чем это происходило на Кавказе.

— Я, я... — неуверенно начала Мария, как бы невзначай поправляя волосы в том месте, где ни хватало пряди.

— Что? — Михаил спичкой зажег свечу на столе. Он выглядел не расстроенным, не разозленным, а скорее до жути раздражённым, женщиной, которая отвлекала его от дел выходками.

Захарченко встал и подошел с подсвечником в руке. Правая рука висела у него на груди забинтованной.

— Что случилось?

— Он, он...

— Он это тот, с кем ты мне изменяешь? — Михаил говорил спокойно, но в пустой квартире его голос расходился как гром в горах.

— Я не изменяю, — Мария устала в пол, — меня не спрашивали...

Она несколько раз дернула рукой к порванному платью.

— Кто?

— Один англичанин...

— Как? Где?

— Пару месяцев назад, он как я пришла в магазин за шляпкой. С тех пор преследовал меня. А, а, а, сегодня решился...

— Имя? — в этот раз в голосе Михаила проснулись нотки гнева. Гнева ни на жену, ни на англичанина, а на себя. Его упущение стало причиной задержки в делах.

— Лорд Вескер.

Захарченко не ответил. Молча подошел к большому шкафу, где висела его коллекция оружия. Он содрал с руки бинты и схватил револьвер с полки.

А Мария тихо проговорила:

— А с этим — прощ.

5 января 1842 года

В окне кареты проносились загородные вилы, окруженные живой изгородью. Зима засыпала высокий кустарник плотной шапкой снега, сберегающей растения от холода. Белла погладила искалеченную руку. Для встречи она надела модную черную шляпку с красной каймой, бархатные перчатки и платье с черным кружевом.

— Роза моя, — в салоне напротив сидел граф Мартынов Леонтий Андреевич. Пусты последние дела шли хуже, чем ему хотелось, но встреча с Изабеллой на именинах дочки Городиковых, стала для него роковой. Богатая, изящная и такая милая в своей неприкосновенности. Граф улыбнулся, вспоминая, как Изабелла оттолкнула его со словами: “Еще рано”. Попав в фавориты богатой сироты, граф превратился в верного сторожевого пса, не подпуская конкурентов даже близко к девушке.

— Как у тебя дела, Леонтий? — Только Белла могла произнести имя графа так, чтобы у него мурашки шли по коже.

— Трагичная случайность забрала моего друга. Он работал чиновником в порту, пока не выпал из окна собственного особняка, — граф хотел впечатлить избранницу пикантными подробностями, но Белла и бровью не повела. Она как прекрасная статуя пропускала мимо себя завистливые взгляды, шепотки и проклятия. Леонтий улыбнулся. Его переполняла гордость, ведь именно он смог добиться сердца такого прекрасного существа. И богатого, и красивого. И когда нужно — молчаливого.

— Но я думаю, что это только к нашему с тобой счастью.

— Отчего же?

— Ты же говорила, что хочешь посмотреть на Лондон? — припомнил граф, общую тему, — мы сейчас едем именно к тому, кто сможет нам это устроить. В обмен на маленькую услугу, конечно. Но в этом мире ничего не делается просто так.

— Да, иногда несчастные случаи, помогают нам вырваться из клетки, — Белла усмехнулась и покачала головой, отбрасывая печальные мысли.

— Я надеюсь, что моя грубая философия поднимет тебе настроение, — Леонтий поднял палец, — пусть деньги не даю счастья, но они позволяют прожить легче. А иногда и даже исполнить мечту.

Белла не ответила, только поправила перчатку на руке.

Карета остановилась у загородной резиденции. Гостей вышли встречать английские джентльмены в окружении индийских слуг.

— Добро пожаловать, — на приличном русском поздоровался Лорд Вескер, позвольте вам представить, посол английской короны — сэр Чарльз Стюарт.

Статный мужчина с сединой, с огоньком в глазах изучил тонкую талию Беллы, которая подала руку для приветствия. Посол чмокнул руку в бархате и поздоровался:

— Как же прекрасны цветы зимой в России.

5 января 1842 года

За два месяца в Заводском отстроили корпус для нового училища. Ученики из Технического Питерского ждали открытия училища, чтобы начать преподавать по техническим дисциплинам на вечерних курсах для рабочих с заводского комплекса. Вадим утвердил ряд обязательных предметов: математика, физика, материаловедение, техника

безопасности и так далее. Ему лично приходилось отбирать директора училища, его заместителя, старшего мастера, преподавателей. Новым стандартом для всех заведений Беркутова стало обязательное прохождение листков с тестом. Так, не только отсеивались неблагонадёжные люди, но и отбирались многообещающие специалисты. Вадим как раз шел по главному коридору училища с кандидатом на место преподавателя. Лавринович Александр Ватцлавич держал в руках металлический венчик с ручкой. Юноша летом выпустился из технического и отчаянно хотел попасть на работу к Вадиму.

— Вот, а если нужно быстро взбить молоко, то ручку нужно крутить быстрее, — что молодой шляхтич и продемонстрировал, зазвенев на весь коридор, — я, я могу показать, как взбить молоко о-о-очень быстро, хотите?

— Нет пожалуй, — сухо ответил Вадим, быстро осматривая, как рабочие покрасили стены.

— Вадим Борисович, честно, я когда увидел вашу защиту, то сразу понял — у вас есть чему учиться! Ну, что скажете? — Александр Ватцлавич поймал изучающий взгляд.

— Нормально.

— Это значит, что вы меня нанимаете?

— Это значит, что я вас нанимаю, — как-то тяжело вздохнул Вадим, вспоминая, какие рекомендательные бумаги ему присылали еще. Вспомнив, решил, что лучше уже не будет.

— Отлично, может я могу вам еще как-нибудь помочь?

— Конечно, конечно, поможете, но потом. И если, мне нужно будет взбить молоко, то я знаю, к кому обратиться, — Вадим приложил руку к груди и добродушно улыбнулся.

По коридору загромыхали шаги, из проходной, завидев Вадима бежал посыльный.

— Вашблогородие, вам письмо.

Вадим нахмурился, увидев подпись — Захарченко.

Начиналось письмо со слов: "Если ты это читаешь, дорогой друг и верный соратник, то меня уже нет. Я не собираюсь втягивать тебя в свои проблемы..."

Пять часов назад.

В дверь роскошного особняка на границе города тяжело постучали. Дворецкий индус с высокомерием английского слуги открыл дверь, чтобы поприветствовать гостя.

На пороге стоял господин с расправленными плечами. Правая рука у него висела примотанной к телу под распахнутой шубой. В глазах у него сквозило спокойствием и решимостью.

— Уважаемый господин, чем могу быть полезен? — слуга оценил дорогой покрой костюма и лихие гвардейские сапоги.

— Мне нужно к господину Вескеру, — прохрипел гость.

— У вас назначено?

— Нет, я с частным визитом, — Михаил Захарченко решил добавить для убедительности, — это касается недавних проблем в доках.

— Понимаю, пожалуйста, проходите, — индус поклонился и проводил гостя через коридор с лестницей в гостиную на удобный диван. Он взял шубу, чтобы повесить и подняться на второй этаж.

— Я сообщу господину, что вы пришли. Как мне вас представить?

— Капитан Бережков, — заявил Михаил, удобнее устраиваясь лицом к проходу в гостиную. Он демонстративно поправил перетянутую руку.

Пока индус ушел, Михаил осмотрел комнату: на стенах висели чучела животных,

картина с каким-то помещьем на фоне мглистых гор. Мебель из темного дерева отлично вписывалась на фоне бордовых обоев и камина из черного камня.

В комнату заглянула служанка, тоже из Индии. Она тихо прошла к Михаилу и поставила на столик чайник, чашку и темные кубики из сахарного тростника. Служанка бросила осторожный взгляд на расслабленного Михаила и также тихо ушла.

Захарченко улыбнулся и погладил усы. Он услышал, как по лестнице со второго этажа спустились люди.

— Вот мордвороты, — подумал Михаил, а потом понял, что сказал это вслух, — значит, не будет хозяина.

— Вставай! — приказал громила в клетчатом костюме на ломанном русском и убрал подол пиджака, чтобы показать кобуру с военным револьвером Уманского, — есть разговор.

— Скажи это моему стволу, — Михаил левой рукой выдернул коротыша, который прятал в повязке. Выстрел, и здоровяк пораскинул мозгами, на вопрос жизни, вселенной и всего такого. Бах, бах, бах! Слуга индус подбегает к дверям в коридор, крича: "Hev got the gun!". Как раздастся еще пара выстрелов, и индус забрызгивает кровью бедную служанку, которая пришла забрать чайник.

Михаил пинком валит раненого индуса, чтобы выйти в коридор и по пути выхватывает войсковой револьвер у мордворота. Со второго этажа идет громкий топот и угрозы:

— I will kill this bustard! And his mom, and sister! And his dog!

— What for his dog?

— Why not?

Захарченко, прицелился, чтобы встретить врага, как в отражении серванта заметил дворника с ружьем. В последнее мгновение Михаил падает на пол за стонущего от боли индуса. Дробь пролетела выше, выбив щепки из дверного косяка. Захарченко выглянул и выстрел, попав дворнику в торчащую ногу. Тот согнулся, упав на колени, и ответил из двустволки, попав в индуса, который уже вопил проклятья на английском.

— A fuck! Bludy bastard!

Михаил снова показался и точным выстрелом в голову отправил садовника на вечный покой. И вовремя, с лестницы целой толпой показались остальные.

Загрохотали выстрелы. Бах, бах, бах. Захарченко, прикрываясь индусом, посылал пулю за пулей в мешанину из клетчатых костюмов. Индус же только вопил от прилетающих ответов.

— A fuck! It hurts! Idiots, shoot him, not me! Fuck! — дворецкий дернулся от боли в простреленном колене, потом пахе, — Mother fucker! Just kill me! Please!

Широкоплечее тело громко скатилось по лестнице, поля во все стороны, пока на последней ступеньке не свернуло себе шею. Михаил два раза щелкнул пустым револьвером, открыл глаза и понял, что враги закончились. Еще четвер, как прилипших друг к другу, одинаковые с лица мордвороты развалились на лестнице. Клетчатые костюмы испортили красные круги натекшей крови. Так, страшно Мише еще не было.

На фоне общей тишины выделялись всхлипывания служанки, которая чудом осталась в сознании и с ужасом смотрела на то, что осталось от дворцового.

Михаил поднялся с пола. У него что-то хрустнуло в пояснице.

— О-о-ох, — болезненно охнул он и оперся рукой и выгнулся. В коридоре раздался хруст и блаженное, — о-о-о-ох.

Он огляделся, насчитав с два десятка отверстий в стенах, полу и индусе. На Михаиле же

только костюм помялся.

— Свечку поставлю, — пробурчал Захарченко, забирая шубу с вешалки.

Он только подошел к двери, как с той стороны раздался стук.

— Кто там? — на автомате спросил Захарченко и прикусил язык, поняв, какую хрень он только что сделал.

— Сто грамм, — раздался знакомый голос, и рука в кожаной перчатке пробила толстую деревянную дверь.

— Что же ты устроил Мишенька? — с той стороны спросил взбешенный Вадим и схватил Захарченко за грудки. Дверь затрещала и развалилась, когда в нее полез разъяренный Беркутов. Последнее, что увидел Михаил перед тем, как потерять сознание, стал хороший такой щулбам.

***

Захарченко проснулся оттого, что ему на лоб противно так капало с потолка. В полутемном помещении, где он лежал, накрытый своей шубой, стояла сырость и запах дуба. У стен стояли бочки с алкоголем, мешки с мукой и овощами. Вообще, все это сильно напоминало до боли знакомый подвал ресторанчика Вадима во дворе торгового дома.

— Что? Проснулся? — Вадим сидел с газетой в углу. На первой странице крупными буквами написали: "Сенсация! Дворецкий индус перебил всех слуг в доме, а на стене написал "Только я!", Что это? Ревность к садовнику? Читайте, чтобы узнать."

— Долго я спал? — прохрипел Михаил.

— Два дня.

— Ты не поверишь, Вадим, мне приснился такой чудной сон!

— Ты прав. Я не верю, — Вадим отложил газету.

Михаил сел. За время "отдыха" у него затекла спина и ноги, из-за чего двигаться было трудно. Осторожно, чтобы Вадим не заметил, Захарченко проверил потайную кобуру со вторым коротышом, — ух.

Револьвер был на месте.

— Что так тяжело вздыхаешь? Я тут подумал, нам есть о чем поговорить.

— Вадим, прежде чем ты меня...

— Не перебивай, — жестко остановил его Вадим, — твоя жена мертва! Не знаю когда именно и как, но в нее вселилось страшное существо.

Михаил открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашелся. А Вадим продолжил.

— Я тоже не сразу узнал и все время думал, как рассказать тебе. Эта тварь опасна, так же как и Седой.

— Так же, как и ты, — шепотом ответил Михаил, прокашлялся и сказал громко: — Ты же думал над тем, как ее использовать? Так же как и Седого?

В голосе Михаила росла злость. На себя, за то, что доверился, на Вадима, зато что доверился не тому.

— А кто передо мной? — продолжил Захарченко.

— Как это? Перед тобой Беркутов Вадим Борисович, тот, с кем ты воевал на улицах Петербурга и в горах Кавказа.

— От которого пули отскакивают, как и от Седого. Кто в тебя вселился? А не бывший мертвец ли передо мной? Если я поверю тебе, что моя Мария "одержима", то не слишком ли много похожестей между вами тремя. Ах да, еще тот турок с Кавказа. Четыре. Один раз — случайность, два раза — совпадение, три раза — закономерность, а четыре — уже система.

— Ну вот не надо сравнивать меня и ИХ, — Вадим даже добавил обиды в голос, — я людей не ем. Мужей насмерть не посылаю.

— А молнии из рук пускаешь? — Захарченко засмеялся, зло так.

— Нет.

— Может, киселем оборачиваешься?

— Нет.

— Вот беда, какой-то недоделанный ты по сравнению с ними, — Захарченко решил зацепить Вадима за живое, но судя по безразличному лицу последнего, может, там ничего живого и не было. И эта мысль испугала Захарченко. Последние полтора года его за нос, как маленького ребенка, водил этот. Этот непонятно кто...

— Что за Вадим сейчас передомной? Ради чего ты здесь? — Захарченко сжал рукоять револьвера. Пусть пули почти не могла навредить Беркутову, так хоть шум поднимет в ресторане.

— Михаил, я тебе с открытым сердцем заявляю, что я человек, который до смерти влюблен в свою работу! — Вадим широко улыбнулся. У него засветились глаза.

— И что это за работа? — с опаской спросил Михаил, сжимая рукоять.

— Строить, строить и еще раз строить...

— Как-то много крови в фундаменте, — заметил Михаил.

— А как еще построить новый мир? Где нет крепостных, где каждый человек может делать то, к чему у него лежит душа. Миллиарды людей и все заняты тем, чего они хотят. Никому не нужно воровать или голодать. Нет страха, что господин прикажет идти насмерть. Нет страха, что дети в младенчестве умрут.

— Сказка, — вяло возразил Михаил. Что-то такое гипнотизирующее было в горящем взгляде Вадима. И горящем не от синего света, а от идеи. Ревностной веры.

— Нет, не сказка. Я видел это. Я делал это, — Вадим воздел руки к потолку и закричал, — Ведь я, Вестник нового мира! Хочешь ты этого или нет, но все уже происходит. Даже моя смерть не остановит прогресс. Я только ускоряю мир, помогаю перепрыгнуть все выбоины. Обойтись, скажем так, малой кровью.

— Малой? — у Михаила взлетели брови. Перед глазами стояла засада на Шамиля, на Кавказе, старенький дом на окраине, где Вадим разобрался со старыми авторитетами.

— А что ты хотел? Что все падут ниц, перед моими идеями? Деньги делать это все и всегда — первые. А как например сделать лекарство, которое вылечит миллионы, так это сначала придумай, а мы потом уже вложимся. Мне что, все это радость приносит? — Вадим показал на газету, — эээ, нет братец. Я хотел бы, чтобы все прошло легко, но куда там. Ведь в одиночку, я ничего не построю, в одиночку, я не смогу отбиться от ретроградов, консерваторов и просто лентяев-паразитов, которые живут за счет старого мира. Они чувствуют, что дует ветер перемен и он им не нравится.

Вадим заговорил спокойнее.

— Мне нужен каждый, — Вадим пальцем показал на Михаила, — каждый. Чтобы мы вместе строили будущее для всех. Счастье всем, и чтобы никто не ушел обиженным.

— Так не бывает. Кхм, очень громкие слова, — Михаил вернул курок на место, подумав, что Вадим скорее перенервничал, чем сошел с ума, — мы все твари божьи.

— Да твари, но это если поодиночке. А вместе, — Вадим изобразил, что переламывает прутик, — вместе мы уже достигли многого. Откуда пистолет у тебя в кобуре? Откуда пиджак, брюки, жилетка? Где теперь трущобы? Или это неизменения, которые мы, — Вадим

показал сначала на Михаила, а потом на себя, — мы, делаем вместе. Наши дела говорят громче слов!

— Не забывай, что к твоим делам относятся и убийства, — Захарченко это говорил не без доли смущения, — Одно дело, когда мы убиваем на войне, а другое — на улицах Петербурга.

— А почему ты думаешь, что война только на Кавказе? Я уверен, что война здесь, — Вадим постучал себя по голове, — каждый день, мы боремся с собой: купить пачку сигарет или книгу. Сходить на балл или отправить деньги в фонд поддержки ветеранов, докторов, сирот. Купить домой мяса или дать пожертвования бедняку на улице. Удобно притворяться, что ты черствый сухарь, что не видишь проблем вокруг, пока они не коснутся тебя. Но мне, мне не все равно, ведь я знаю, какая альтернатива вас ждет...

Вадим встал и пошел к выходу из подвала. Он остановился у открытой двери.

— И тебе, нужно очень, очень, очень много молиться, чтобы никто из ныне живущих никогда не увидел, альтернативу.

Захарченко молча смотрел на дверь, прежде чем пробормотал:

— Вас ждет...

Глава 8

8 января 1842 года

Вадим поднялся в зал. Гости забили ресторанчик и даже стояли в очереди, чтобы попробовать лапши в "Злом китайце". Многие заказывали с собой, забирая порции в новеньких картонных коробках с эмблемой ресторана на боку. В зале стоял легкий пар, от непрекращающейся работы кухни. Клиенты нет, нет, да тянулись носом в сторону аромата нежной жаренной свинины.

Вадим думал о расширении франшизы, но оставил это на Максима — друга детства и делового партнёра. Все магазинчики, кафешки, салоны со стороны смотрелись мелко для владельца заводов и пароходов вроде Вадима, но, например, Есислав уже понял главную идею. Главное — было выстроить вертикаль. Вертикаль, которую потом встраивали в единую систему компании. Например, для кафешек Максим искал землю в городе, строила своя команда, из своих кирпичей, чтобы люди ели мясо выращенное на фермах компании, чтобы рабочие кафешек жили в общежитиях и квартирах от компании, ходили в магазин, школы и так далее. И у Вадима постепенно получалось наращивать вертикали в Петербурге. Отец, Есислав, казаки с Кавказа присылали сырье, которое обрабатывалось на заводах и для заводов Вадима, чтобы продавать за границу пока внутренний рынок не вырастет.

В деле помог эффект низкой базы. Российская империя занимала одну шестую суши, до тридцати процентов ее населения жили в крепостничестве. Даже один завод по выделке цветных тканей приносил ощутимую долю процента в казну страны. Но что такое один завод для Вестника? Аппетит пришел во время еды, поэтому Вадим всеми силами рвал жилы, разыскивая управленцев для предприятий, учителей для высококлассных сотрудников, инженеров для воплощения намеченных нововведений. И похоже, что впервые за долгое время он устал. Не физически, это невозможно, вестник просто перестанет работать, когда у него закончится топливо, хотя скорее впадёт в спячку, чтобы попытаться счастье позже. Устал от болота, через которое приходилось пробираться, разыскивая людей, заинтересованных в деле. К сожалению, но таких равнодушных, как Михаил, в любом обществе не больше двадцати процентов. Шестьдесят жили равнодушно ко всему, кроме своих дел, оставшиеся двадцать скорее вредили или обманывали. Да, был пример с Месечкиным, но Вадим не мог бы тратить на каждого столько времени, удерживать силой, шантажом или обманом. Вот и приходилось сдувать пылинки с хрупких людишек, чтобы не терять прогресс. В итоге после применения Вадимом к выборке фильтров вроде возраста, образования, пола и географии, оставалась горстка людей часто уже пристроенная к делу.

Вадим любил, ненавидел, раздражался, но всегда держал цель на первом месте. Создатель оставил им чувства из тонкого расчёта или иронии, точнее какого-то извращённого чувства юмора. Только создатель мог создать бессмертное разумное существо и оставить ему все чувства, пусть спустя полтора тысячелетия Вадим и очерствел. Полторы тысячи земных лет и Вадим согласился с каждым решением, которое принял создатель. Не сразу, после долгих споров, экспериментов и даже пары войн, но принял.

Вадим не боялся смерти, не боялся пропасть как остальные на этой Земле. Его пугала только возможная неудача. Если удача поможет Вадиму, то он найдет останки и соберёт слепки личностей погибших товарищей, чтобы сохранить бесценный опыт.

Вадим щёлкнул пальцами, выходя во дворик. Давно он так не философствовал. А все от

лёгкой моральной усталости, разум срочно требовал сделать что-нибудь мерзенькое. Вадим прошел к карете, которая стояла на другой стороне проспекта, перепрыгнув замёрзшую лужу. Внутри его ждал глава столичной жандармерии — Месечкин. Полковник читал свежую газету и даже не поздоровался.

— И вам доброго утра, Алексей Игнатьевич, — начал Вадим.

— Вадим Борисович, вас мама не учила, что нехорошо садиться к чужим дяденькам в карету? — отложив газету спросил Месечкин.

— Мама мне всегда говорила, что ждёт не дождется, как наша курица перестанет нести яйца, чтобы можно было ее зажарить, — для наглядности Вадим ребром ладони изобразил гильотину, отчего Месечкин вжал голову в плечи, но только на мгновение.

— Вадим Борисович, ваша сказка и яйца выделенного не стоит. Нападение на помощника дипломата...

— Его не было дома, — перебил Вадим.

— И слава богу! Я даже не представляю, чтобы сделал, — Месечкин поднял палец в потолок салона, — если бы узнал, что на иностранного дипломата напали в нашей столице. Мне поставили условие и если я его не выполню, то как вы сказали: “хоть жарьте, хоть режьте”, а яйца я нести перестану, — пожаловался Месечкин.

— Я тебя понял. Шумиха в газетах нужна, чтобы выиграть время, — Вадим подпер подбородок рукой, — чемодан стал слишком токсичным.

— Какой чемодан? — не понял Месечкин.

— Без ручки, который, конечно, — пошутил Вадим и вышел, чтобы прогуляться по улице и найти лучшее решение из сложившейся вечности, которая, как известно состояла из букв “Ж, П, О и А”.

10 января 1842 года

Чтобы решить назревшую проблему, Вадиму пришлось переждать Крещение Господне, а то митрополит Лаврентий, как и полагалось высочайшему церковному чину, казался страшно занятым. Но десятого числа, его удалось пригласить на встречу. Гуляли они у берега реки, вызывая любопытные взгляды у прохожих. Но люди не осмеливались подходить, побаиваясь служителей, которые редким кругом сопровождали митрополита.

— Хороший воздух, — Лаврентий шел неспешно.

— А мне кажется, что пахнет рыбой, — Вадим пристально уставился на Лаврентия.

— Ну хорошо, не любите вы тратить время. Что вам нужно?

— Не так давно, вы провели расследование и спрятали больше пятидесяти человек, приговорив на ссылку в какие-то богом забытые храмы.

— Вадим, не существует Богом забытых храмов, — мягко поправил Лаврентий и продолжил: — недавно гремел скандал, связанный с атакой на дом английского дипломата. Мне вот интересно, не связан ли ваш вопрос с этой сплетней?

Для постороннего человека беседа выглядела как обмен сплетнями, между собой же они соревновались в качестве разведки. Руку приходилось держать на пульсе всем, хоть некоторые дела напрямую их и не касались.

— Ваше Высокопреосвященство, могли ли осуждённые вами еретики от отчаяния напасть на английского дипломата? — Вадим чуть замедлился, — я вижу такую связь. Вопрос теперь в том, что нужно вам, чтобы тоже ее заметить?

Лаврентий долго молчал. Они молча гуляли по набережной, пока митрополит не заговорил.

— Храма тут точно не хватит.

— Хорошо, сколько? — Вадим решил идти в лоб.

— Пять сотен, — ответил Лаврентий и заинтересованно уставился на Вадима, — и мы убедим всех, кого нужно лучше ваших газет. Некоторые вопросы решаются только при личных встречах.

Митрополит показал на себя и на Вадима.

— Только в деньгах? — показательно грустно вздохнул Вадим.

— Нет, не обязательно. Будет странно, если в церковь одновременно поступит такое большое количество пожертвований. Сто пятьдесят тысяч деньгами. А остальное, ну даже не знаю, — Лаврентий задумчиво постучал пальцами по аккуратной бородке, — давно ремонта никто не делал в храмах. А их нужно поддерживать в благодатном состоянии. Вот если бы кто-нибудь помог...

Вадим прикрыл глаза, изображая усталость, чтобы продолжить торг.

— А еще жертвования в виде утвари, например, золотые подсвечники, посуда... — начал перечислять Вадим.

— Нечистое золото? — удивился Лаврентий.

— Откуда? Нет, если нужно переплавить... — дельно возмутился Вадим. Всё-таки митрополиту не нужно было знать больше нужного.

— Хорошо, пусть так. Основную идею вы поняли. Начните с денег, остальное года за два думаю организуете.

— Хорошо, очень благодарен за помощь нашего духовенства, — поблагодарил Вадим.

— Только, Вадим, следующий случай испортит нашу с вами дружбу. Дела мы, конечно, продолжим, но...

Митрополит недоговорил. Он подал сигнал и рядом подъехало три кареты, чтобы забрать Лаврентия. Разговор закончился.

Вадим же проводил кортеж митрополита задумчивым взглядом.

— Подарок к золотой годовщине Михаилу и его Марие. А доживут или нет, это уже другой вопрос.

***

На следующий день. Торговый дом Вестник.

Ханна Волович сидела с синяками под глазами, которые не могла скрыть косметика. Ее клонило в сон, но большая папка документов назойливо напоминала, что Ханна пришла на важное собрание. Напротив пустовало место покойного Алексея. Справа от главы стола сидел задумчивый Захарченко и крутил на столешнице обручальное кольцо, ловко запуская его как юлу. Слева скучал Кондрат. На его лице расцвела недельная щетина. Напротив главы стола сидел Максим, за последние полгода тяжелой работы он сбросил десяток килограмм, из-за чего сменил гардероб на размер поменьше. Новый пиджак с высоким воротом хорошо сочетался с темным деревом мебели в конференц-зале. На стене висела огромная карта земли с обозначениями из цветных флажков.

— Здравствуйте, господа алкоголики, хулиганы, тунеядцы! — поздоровался Вадим Борисович, зайдя в зал, за ним шел Микола с толстой папкой в руках.

— А почему тунеядцы? — спросил Кондрат.

— По вашим невыспавшимся рож... лицам, лицам — вижу, что спать хотите. Берите пример с меня, — Вадим показал на себя, усаживаясь в кресло во главе стола, — я вообще не сплю.

— И что за чудесное зелье ты принимаешь? — хмыкнул Максим.

— Я поделюсь, но потом стоять не будет, — Вадим развёл руками, а потом словно опомнился, посмотрел на Ханну и "стыдливо" прикрыл рот. Но Ханна так хотела спать, что пропустила остроту мимо.

— Вадим Борисович, а что за спешка? — удивился Кондрат, принимая документы от Миколы, который раскладывал по папке каждому, — дернули нас вчера свет не заря. Как кипятком ошпаренные всю ночь и день и ночь пришлось все проверять.

Кондрат не то что жаловался, скорее, проверял настрой начальника.

— Удар, чтобы он был успешным, должен наноситься внезапно, — поделился Вадим военной мудростью, — и чтоб сразу наверняка, а то потом зажмут в каком-то домике на окраине города.

Вот здесь он обвел взглядом обоих помощников. Захарченко кашлянул и убрал кольцо в карман. Кондрат же неприятно скривился от воспоминаний о Новгороде, а потом еще больше погрузился, вспомнив кто именно им попил крови.

— Так вот, у компании, репутационные трудности, — продолжил Вадим, — у нас, это и у вас, и у меня в том числе. Чтобы их решить, нужно достать полмиллиона. Я ставлю перед вами эту задачу с двумя условиями: никаких кредитов, никакого разбоя, никакого разбазаривания уже запланированных средств. Я не хочу, чтобы акционеры, начали задавать неудобные вопросы.

От названной суммы все оказались в таком шоке, что первым рискнул нарушить тишину старый друг Вадима — Максим.

— Вадим, что за пи*здец произошёл?

— Хороший вопрос, и я бы даже ответил, — Вадим посмотрел прямо в глаза Максиму, — но вопрос решенный. Чуть не стал смертельным, но успели. Всю ответственность я беру на себя.

Вот здесь Захарченко посмотрел на Вадима, как щенок на хозяина, который передумал лупить его тапком.

— Это же пятая часть наших активов, — продолжил Максим, — мы не возьмем эти деньги из воздуха, не тронув наши средства!

— Я понимаю, что задача сложная, поэтому поделюсь частью своих личных резервов, — Вадим показал два пальца. Если компанию Вестник можно было оценить в два с половиной миллиона с ее заводами, кораблями, одной верфью, купленной землей и так далее. То личный капитал Беркутова достиг семиста тысяч. Чтобы не ставить компанию под удар, все теневые и серые дела проходили именно как дела Вадима. Продажа оружия, доставшийся по наследству бизнес от криминалитета в том числе и московского, кулачные бои, азартные игры, публичные дома.

Деньги Вадим отмывал через кафешки салоны, где никакой проверяющий не мог подсчитать точное количество посетителей. Удавалось записать излишнюю прибыль или, например, кафе платило какой-нибудь охранной фирме. Члены этой охраны обычно сидели в Злом Китайце и очень не любили, когда их дергали по пустякам.

В наследство также пришли трофеи. Украденные украшения, посуда, ткани, мебель, все, что находчивые воры двух столиц смогли нажить, тяжёлым трудом теперь тяготило Вадима. После разговора с митрополитом, Вадим решил, как обналичить эти трофеи. Несколько десятков мастеров по краденым украшениям с удовольствием переплавляют их в новую утварь для храмов. Вадим заказал несколько десятков хороших икон, а его строители уже

составляли сметы работ, пусть ему и придётся оплатить неустойку, за отказ от некоторых работ.

Весь, вообще весь бизнес равнялся полутра тоннам золота, примерно, конечно. В золоте считать было привычнее, так-то рубль делали из серебра. Еще триста тысяч золотом ждали в оговоренном с Живым месте. Вадим не решился везти плату за услуги для Дальнего Востока сразу в Петербург, пока шли боевые действия с конкурентами им Москвы и Новгорода.

— Прежде всего, я хочу знать, что у нас крепкий тыл, — Вадим улыбнулся и показал рукой на Ханну, — как у нас успехи?

— Журналы вышли в публикацию на Рождество. За первый месяц на Вестник подписалось пятьсот человек, сейчас около полутора тысяч только в России, — она перевела дыхание и глотнула остывший кофе, — с Модником он, конечно, не сравнится, только за первый месяц пять тысяч человек в России захотели узнать, что модно носить при дворе, на работе и в гостях.

Ханна показала на новый костюм Максима.

— Так, у нас выросли заказы к костюмам стандартных размеров для средних чиновников и заказы на мебель "в тон настроению", — Ханна вспомнила один из рекламных слоганов и улыбнулась, — дамы с удовольствием покупают минеральную воду доктора Гаазы, мыло и другую косметику.

— А, Эссенуки, — Вадим улыбнулся мыслям.

— Ну да, другие лекарственные средства не так расходятся в России, но нам уже поступил крупный заказ из Дании и Голландии, — уточнили Ханна, проверив бумаги.

— Интересно, — Вадим принял отчет мадам Волович.

— Хех, похоже, теперь моя очередь, — Максим поднялся из-за стола, чтобы раздать свои отчеты, — мы сильно потратились за этот год, включая вложения на Кавказ.

Он заглянул в глаза Вадиму.

— Василий скупает всю землю, которую может. Во время войны она намного дешевле.

— А если они уйдут от берегов Черного моря?

— Значит, мы потеряем десяток аулов с шерстью. Земля останется. Нам в любом случае ее нужно будет заселить, — пожал плечами Вадим.

— Ага, заселить. А старых хозяев — выселить. То место, которое тебе вручили Кубанские казаки, туда же без вооружённого конвоя не подойти!

— Ааа, ты про медное месторождение, — вслух сказал Вадим, умолчав о нефтяных землях. Рано было пока всем знать о них.

— Теперь же, ты просишь меня купить землю на Кольском полуострове, ради какого-то бурого парашка! — возмутился Максим

— Фосфора, — поправил его Вадим, — стоит тебе познакомиться поближе, так ты поймёшь, что он на вес золота.

— Так же, как толпа беженок из Китая? Ты же вроде не любишь крепостных, — Михаил проверил записи и посмотрел на Вадима.

— Тебе написал мой отец из Оренбурга?

— Да, у него все готово. Они как ненормальные сеют пшеницу, лен, пеньку.

— Великолепно. Переходим к следующему докладчику.

Микола вытянулся.

— Мы отправили все заказы для оружейных заводов, ждем два оставшихся платежа от казны, — зачитал он отчет, — после того, как Кондрат устранил проблемы с пропажей

наших грузов по пути, наши ткани, костюмы, мебель и остальное пошло в Москву и дальше. Для железной дороги господина Мальцева между Петербургом и Москвой мы отправили уже десять экскаваторов вагонного типа. Еще пять они ждут до мая.

Микола волновался, отчего дико потел и немного заикался.

— Нам нужно больше рабочих и инженеров, если мы хотим увеличить выпуск... карет за прошлый год продано двести штук. На корабль Вестник установили двигатель и винты. Капитан Романов уже дырку постучал в двери моего кабинета, — Микола с жалобой повернулся к Вадиму.

— Новость о готовящейся гонке готова, мы только ждем, когда растает лед, — отчиталась Ханна. Она занялась связями с общественностью.

— Хорошо. Есть ли интерес к тестовым листкам?

— Маленький, — честно призналась Ханна. Пока никто не оценил задумку Вадима с всеобщим тестированием.

— Для нас же лучше. Через год все вокруг заметят, что наши сотрудники лучше, через два начнут посылать рекрутеров в университеты, как мы сейчас. Может, через пять до них дойдет, зачем мы тестируем всех, — вслух рассуждал Вадим. Местные еще не поняли до конца, какой потенциал может лежать в обычной кухарке, прачке или швее, если дать им шанс, разглядеть алмаз и обработать его. Ханна смутилась, может, тоже вспомнив, с чего начинала.

— Как у нас обстоят дела с порядком? — Вадим повернулся к Кондрату.

— Еще пятьсот человек захотели стать дружинниками. Около трех сотен за прошлый месяц прошли вечерние курсы и устроились на работу, — Кондрат говорил без отчета перед собой, просто зазубрив, — беспокойств от новых членов минимум. Ваша демонстрация Седого оставила впечатления...

— Вадим, Борис Владимирович хотел бы увидеться с тобой, — Максим решил сменить тему, напомнив Вадиму о его отце в Оренбурге.

— Пока не могу, разбираюсь с токсичными последствиями, — Вадим встал из-за стола и зашел за спинку кресла Захарченко и положил ему руки на плечи, — вместо меня в Оренбург поедет мой доверенный Михаил. Да, Михаил?

— Конечно, — не растерялся Захарченко.

— Заодно заберешь плату от нашего дальневосточного друга, — Вадим отошел от кресла Захарченко и щёлкнул пальцами, привлекая внимание Егеря, который читал газету у дверей, — позови мастера Уманского.

Дверь распахнулась, и мастер Уманский потащил деревянный ящик с бумажной лентой и каким-то кабелем, который волочился по полу.

— Вадим, что это? — Максим указал на ящик.

— Это, наши деньги из воздуха, — улыбнулся Вадим.

— Как же они достали. Ну откуда я должен знать, что такое токсичный? — Дмитрий Волович сидел в административном здании Заводского у телеграфа имени Волович. Маленькое устройство с барабаном бумажной ленты и кнопки ставилось на стол, а оператор с помощью этой кнопки выбивал сообщения на азбуке Морзе, которые по медным проводам в бумажной обёртке передавались дальше. Главным препятствием для введения телеграфа в обращения для Вадима стала неповоротливая туша чиновников. Ну в упор они не хотели уродовать город какими-то проводами. Помогло вмешательство флота, которое знало об уже имевшихся разработках в государстве. В замен Горынин потребовал, это, если официально, а так, конечно, попросил, отдельную линию для Кронштадта и Петербурга. Задумка выходила дорогой, но не дороже денег. Вадим ударил по рукам и приказал скупать медь. Провода для кабелей тянули через обработанные алмазы. Несколько образцов угробили, над чем плакали бывшие подпольные ювелиры. Теперь же в Заводском строился полноценный телеграфный цех.

Главным достижением Вадим здесь считал линию Москва Петербург, которую уже вели вдоль железной дороги. Мальцев по началу идею не оценил, пришлось показывать и рассказывать, после чего промышленник поинтересовался: а не будет ли это отдельной компанией, и где можно купить ее ценные бумаги.

И теперь Дмитрий следил, как из Заводского паутиной тянут провода в том числе в Ригу, Смоленск, Хельсинки и Таллин. Это на года превосходило то, с какой скоростью Империя распространила изобретение Якоби, проведя на этот момент только сообщение между Главным штабом и Зимним дворцом.

***

В большом амбаре на окраине города десяток людей играл в карты. Они сидели там несколько месяцев, охраняя тайный склад с награбленным добром, сами о том не подозревая. Но вот о чем они точно знали, так это о необходимости приглядывать за Седым.

Странный не человек сидел в отдельной комнате и смотрел на звезды через окошко. Его не посадили за решётку, он сам согласился отойти с пути, но что-то шло не так. У Седого росло чувство неправильности, все шло как-то не так.

Из окна подул ветер. У Седого загорелись глаза, когда белый туман тонкой струёй заполнил комнату и принял человеческие очертания. Облако стояла в тени, не показываясь полностью.

— Что-то ты совсем расслабился. Сидишь взаперти, как домашний пес!

— Ха, можно подумать, что твои выкрутасы помогают общей цели. Слышал я, на что ты натравила своего человека, — хохотнул Седой.

— Ну, к сожалению, он не выполнил поставленной цели и теперь держится от меня подальше, — Облако тяжело вздохнула, притворяясь, что ей не все равно, — вообще, я уверена, что это Вадим его надоумил.

— Ты хотела сказать, "открыл глаза"? — Седой сел на стул и сложил руки в замок на пузе.

— Может, и так. Но какое ему должно быть дело? Теперь этот англичанин спрятался и не вылезает. Думаю, что даже если найду его...

— И что? — перебил ее мысли Седой, — вот скажи, нам, — он показал на себя и на

нее, — какое дело? Англичанин там, француз или ещё кто?

— Ха, умный мой, обжорка, а ты никогда не думал, что будет потом? Ну, найдём мы этого пришельца, хотя я думаю, что и так нашла, — Облако показало бледное лицо из тени, — что будет потом? Останемся ли мы на земле? Если останемся, то кем будем?

— Ух, как интригуешь, — Седой даже бровью не повёл, — поешь то, как сладко... Ммм, прям мед. Ты из меня дурака не делай! Как только мы найдем и уничтожим незваного гостя, то нас наградят.

— И чем же?

— Как это? Ты сама не раз говорила, что мы выше людей. На голову, нет даже на пять! — Седой сытно улыбнулся, — Вот я и прикинул, что займу хорошее место. А ты, Мария, суетишься потому, что у тебя нет своего места! Нет нагретой постельки. Негде, тебе будет становиться первой. Нужной...

Облако не ответила сразу, выждав паузу, чтобы подумать.

— Ну ты же не бросишь меня на улице?

— Какой мне с тебя толк?

— С меня, огромный толк! Ведь я знаю, что Вадим — тот, кого мы ищем. Я долгие путешествовала и видела нескольких наших братьев и сестёр, и никто так не вел себя как Вадим. Зачем он так заботится о людишках? Что на Земле мало, о ком можно заботиться?

— Например о тебе? — похабно улыбнулся Седой и облизнулся. Облако застенчиво наклонила голову. Седой хмыкнул и поманил ее пальцем.

***

Март. 1842 год.

Вадим стоял в костюме и провожал новобрачных в свадебное путешествие на обновленном Вестнике. Молодой капитан Романов, с удовольствием взял на борт молодую пару и вписался в гонку, чтобы проверить, чего стоит корабль после ремонта.

С другого пирса уходил военный Метеор под командованием Горынина. Старый морской волк давно давил на императора с требованием обновить флот. К сожалению, Николай Павлович больше интересовался пехотой и инженерными войсками, в отличие от брата Константина.

Событие освещалось в местных газетах с целью популяризировать новые движители для Российского флота. Остальные страны мира выбрали примерное направление и активно шли по пути прогресса, обновляя старые корабли или строя новые.

Отправляя молодожёнов Вадим решал несколько проблем: меньше людей из его окружения попадали под удар, в случае следующей атаки врага и продвигал свою продукцию и корабль. Анатолий перед отбытием согласился поучаствовать в одном из крупных проектов Вадима, но взяв с последнего обещание, что часть средств от предприятия пойдет на детскую больницу в Петербурге. Такой вариант Вадима полностью устраивал, поэтому они ударили по рукам и подписали документы. Анатолий выделил целый миллион, на постройку нового предприятия.

Вадим покрутил головой, выходя из толпы. Последние недели он чувствовал, что за ним наблюдают, поэтому почти не вылезал из поместья в Заводском или офиса в торговом Доме. Как он выяснил, следили за ним разные люди и не только люди. После того громкого скандала с убийством слуг в доме английского дипломата, Михаил поселился у Вадима на квартире и больше не общался с женой. Для избежания, так сказать.

— Вадим Борисович? — Вадима окликнули на дороге, пока он просто шел задумавшись.

Рядом ехала карета со старыми гостями из Дании и Голландии. Они несколько месяцев осаждали Вадима и его команду, чтобы получить доступ к краске, но похоже, что они, наконец, сдались.

— Доброго дня господа.

— Не хотите проехать с нами? — спросил гость из Дании.

— Честно говоря нет. Не сочтите за грубость, но мне нужно дойти до следующего пирса, а это можно сделать и пешком, — улыбнулся Вадим.

Гости переглянулись и скомандовали кучеру ехать рядом.

— Мы подумали, и мы согласны.

— Я рад, честно. Надеюсь, что больше вы не будете в обход меня пытаться решить вопросы? — Вадим наклонил голову, не поворачивая тело, из-за чего выглядел несколько несерьёзно. Но учитывая, сколько крови он выпил гостя столицы, они больше не воспринимали странного русского несерьёзно.

— Пиму ваше молчание, за согласие. Я пришлю своего стряпчего, чтобы подписать документы.

— Хорошо, — согласился гость из Дании, пока его товарищ молчал.

Да, будущий союз начинался с кислой ноты. Или кислых лиц, тут как посмотреть, но большие деньги имели свойство отодвигать эмоции на дальний план.

Карета уехала, а Вадим продолжил идти, пока не добрался до крайнего пирса. Там рабочие грузили ящики и бочки на старенький трехмачтовый корабль, который компания получила от новгородцев, после “объединения”. Рядом с пирсом возвышалась старенькая башня, когда-то в прошлом служившая маяком, а теперь с нее открывался прелестный вид на часть залива и снующие в разные стороны корабли. Пока Вадим шел к башне, строители натягивали медный кабель к ее вершине. Зачем они это делали — оставалось загадкой для всех, кроме Вадима, который приказал, такой же кабель закрепить между мачтами корабля.

Солнце заходило медленно опуская занавес звёздного полотна. Вадим стоял на башне и смотрел, как отчаливает корабль, когда рядом покашляли. К нему наверх поднялся Михаил с часами в руках.

— Ты сказал в восемь. Я чуть-чуть опоздал, — Михаил решил заговорить первым, чтобы не дать себя обвинить.

— ты вовремя, — остановил его Вадим, — как думаешь, Анатолий с Варей будут в безопасности?

— А вой Вестник действительно такой быстрый, как ты говоришь?

— Еще быстрее, — усмехнулся Вадим.

— Тогда не вижу проблем. Никто просто не успеет догнать их с приказом об убийстве или чем-то в этом духе.

— Ну-у-у, здесь ты не прав, друг мой, и даже не только по той причине, по которой я тебя позвал.

— А по какой причине ты меня позвал? — Михаил поднял воротник. Хоть наступил Март, но Петербург никогда не славился теплой весной.

— Чтобы помочь, разобраться с предательством и подлым убийством, — Вадим повернулся к озадаченному Михаилу с деревянной коробочкой в руках.

***

Старенький корабль скрипел, прыгая по волнам. С каждой минутой его все дальше уносило от порта, на юге столицы. На палубе пожилые матросы гоняли нерадивых юнг,

чтобы те, наконец, проснулись, а не ползали как сонные мухи. Корабль выходил ночью потому, что вез тайный груз. Вадим поручил перевозку перебежчикам из другой группировки, объявив это все испытанием на верность, где каждый достойно послужит великой цели. Моряки не поверили, но не роптали, работали, чтобы прокормить бездонные животы и освежить не просыхающие глотки.

Среди ящиков с белой маркировкой, в виде рассыпающегося круга в треугольнике, качнулась тень. Тонкое щупальце убрало задвижку с бочки и открыло крышку. Бесформенная масса выпустила щупальца, зацепившись за потолок и поднялась, вылезая к грузу в трюме. Седой потянулся и хрустнул шеей. Он подошёл к борту и открыл маленькое окошко, чтобы впустить сквозняк. В трюм проник плотный белый туман, из которого Облако собралась в Марию.

— Наконец, — прошипела она и подошла к ящикам.

— Что это? — Седой кивнул на груз.

— Это оружие Вадима, которое он использовал, чтобы победить турецкого брата, — пояснила Облако и щелкнула крышкой ящика. Внутри лежали аккуратные бумажные трубочки.

— А нам оно зачем? Столько стараний, чтобы попасть на корабль, в котором перевозится человеческое оружие... — Седой с досадой пнул ящик.

— Осторожнее! — зашипела Облако, — я не думаю, что это “обычное” человеческое оружие. Они явно преуспели в уничтожении друг друга, но Вадим пошел в этом плане дальше всех. Тебя там просто не было. А я все видела.

— Ты думаешь, что мы бы не одолели его одного вдвоём? — Седой, присел на бочку, которая сразу жалобно заскрипела под тучным телом.

— А когда он бывает один? На улице его ловить? Так, ни ты, ни я, его не утащим. А с этим, — Облако погладила ящик, — мы сделаем все неожиданно. Он даже не поймет, что е...

***

— Вадим, что-то я не понимаю, каких предательством ты поможешь мне разобраться? — Михаил не понимал, что от него хочет Вадим.

— С женским, конечно. Я месяц заманивал твою “жену”, на этот корабль, оставляя намёки, записки на рабочих местах. Притворялся, что не вижу ее подглядываний, ее нездорового интереса. И я сейчас не о твоей Марии, а о той твари, что ее убила.

— Вадим, я не хочу говорить на эту тему...

— Ты же не стал проверять? Не стал вызывать ее, чтобы поговорить наедине?

— Мне, мне не нужно. Я понял, что ты прав, — Захарченко склонил голову.

— Ни хрена ты не понял! — Вадим поднял голос на несколько градусов, — Помнишь, как умерла Гертруда?

— Да, — буркнул Захарченко.

— Так вот, ко мне явилась эта и сразу сказала, что ее убила Фанни. Я, конечно, дико взбесился, чуть делов не натворил, — на этих словах у Михаила поднялась бровь, — но сдержался. И отпустил бедную актриску, которую использовал знакомый тебе Вескер. Чувствуешь связь?

Михаил не ответил, лишь настороженно затеребил бороду.

— А потом, мне доложили, что бедняжку нашли мертвой на пароходе, после того как мои люди проводили ее и проследили, чтобы на борту никого постороннего не было. Если

бы не я, то громили Вескера перехватили бы Фанни и... — Вадим свободной рукой изобразил, как хватает и душит воздух.

На коробочке загорелся маленький огонек, и Вадим улыбнулся.

— Теперь я спрашиваю, готов ли ты, решить эту проблему, перешагнуть через ту, которая забрала и насилует тело твоей жены, перешагнуть в новый мир?

Михаил шмыгнул носом и кивнул:

— Что нужно сделать?

— Нажать кнопку, — улыбнулся Вадим и протянул устройство и большой красной кнопкой.

Захарченко поджал губы и потянулся, чтобы нажать, но Вадим отдернул руку и засмеялся.

— Видел бы ты свою физиономию, — он протёр проступившие слезы и снова протянул устройство.

Захарченко сплюнул на полбашни и со всей силы вдавил кнопку.

Неожиданно ночь на мгновение превратилась в день. На горизонте в Финском заливе появилось маленькое такое солнышко и исчезло. Захарченко растерянно повернулся к вспышке, только для того, чтобы через несколько мгновений его сбilo с ног невидимой стеной. В ушах стоял грохот как от тысячи орудий, разрядившихся прямо перед лицом Захарченко.

— эх, в новом мире будет шумно, но ты привыкнешь, — “обрадовал” его Вадим, который с улыбкой на лице смотрел на разгорающееся пламя на закате, — парусные фрегаты типа “Спешный” перевозят на борту до восьмисот тонн груза.

Вадим поставил руку ребром у груди.

— На верхнем уровне я приказал поставить менее стабильный тротил, ты с ним сталкивался на Кавказе, — Вадим рукой показывал уровни, как слои пирога, — ниже заготовил более стабильный гексоген, с моей авторской изюминкой. И вуаля, взрыв эквивалентный мощности в триста тонн тротила.

— И там, была моя Мирия? — с ужасом спросил Михаил, показывая на столб пламени.

— Миша, очнись! — Вадим потряс его за плечи, — эта тварь, давно убила Твою Марию! Более того, она хотела убить тебя, послав к дому Вескера. А сейчас привела Седого на этот корабль, чтобы убить и меня.

— Но, как ты понял, — Захарченко поднял неуверенный взгляд.

— ну да, все расскажи тебе, — Вадим похлопал Захарченко по плечу и помог подняться. В городе нарастал шум. Ближайшие кварталы к порту просыпались в панике, — знай, что это стоило мне больших запасов взрывчатки и пары хороших рубинов.

— Рубинов?

— Неважно, — Вадим улыбнулся и сдвинул устройство в руке, пока не посыпались искры, а потом замахнулся и метнул его в воду, — пошли домой. Утром начнётся настоящее “веселье”.

***

Утро Вадима началось с громкого стука в дверь. Но не успела гувернантка открыть, как в поместье ворвались вооружённые револьверами жандармы. Вадим стоял в бархатном халате, тапочках и с чашкой дымящегося кофе в руке, и сонными глазами провожал непрошенных гостей. Казаки без лишних слов разбрелись по комнатам в поисках подсудных доказательств, неожиданных гостей или им просто стало интересно, как живут дворяне.

— О, Алексей Игнатьевич, какое дежавю, — вместо приветствия сказал Вадим Месечкину. Полковник возглавлял отряд жандармов и стоял мрачнее тучи.

— Беркутов Вадим Борисович, вам приказано незамедлительно явиться во дворец его Величества, — с какой-то безграничной тоской отчеканил Месечкин, и жандармы взяли Вадима под конвой.

— Дайте хотя бы приодеться!

— Дайте, не поведём же мы его в таком виде, — согласился Месечкин, тяжело вздохнув.

— Спасибо, — поклонился Вадим и прямо при жандармах принялся натягивать костюм. Месечкин из приличия отвернулся, чтобы не попасть под дуэль об оскорблении, но он напрасно волновался.

— А вы не знаете, какое вино любит его Величество? — с какой-то лёгкостью спросил Вадим, застёгивая жилетку.

— Никакого вина! — Месечкин сам удивился, как резко он закричал.

— Ну ладно, — легко согласился Вадим, натянул на голову цилиндр и прошёл с конвоем в карету. Для его задержания выделили три экипажа и десяток конных. Ехали быстро, никого не пропуская. Вадим решил, что жандармы боятся засады, что какие-то лихачи захотят отбить его у Российского правосудия. Эта мысль вызвала смех, который не удалось сдержать даже излишне кислому лицу Месечкина.

В Зимнем Вадима уже ждали.

П.С. Всем привет! Спасибо, что дошли со мной до "экватора" книги. Для кого-то это случилось быстро, для кого-то медленно. К сожалению в настоящее время я ничего не могу сделать со скоростью выкладки глав. Работа отнимает основные силы, после нее хочется просто отдохнуть мозгом.

Со своей стороны обещаю прикладывать все силы, чтобы история и персонажи становились только лучше. С вашей стороны прошу мнение в кометы, как у меня это получается. Если у вас накопилось негодование, то можете выплеснуть его мне в личку, она открыта, и я готов обсудить здоровую критику. Сделать произведения лучше и интереснее — наша общая цель. Хорошего дня, еще услышимся, дорогие читатели

П.С. П.С.

Не скупитесь на лайки, это тоже форма обратной связи)

Зимний дворец. Март 1842 года.

При Николае первом Зимний дворец вошел в свою лучшую эпоху. Все три этажа заняли особы царствующей фамилии. Николай Павлович не раз приглашал известного архитектора Моннферана для обустройства новых залов, центральных пролетов и общего стиля дворца. Под руководством архитектора создали Яшмову гостиную для удобств императрицы.

К сожалению, но пожар тридцать седьмого года почти полностью уничтожил второй и третий этаж, особенно с западной стороны. Здание реставрировали два года, но бесчисленные произведения искусства поглотило пламя. Работами по восстановлению руководил Стасов, который использовал новые конструкции перекрытий из несгораемых материалов. Художественным убранством руководил Брюллов.

Интересно, что 25 января 1838 года московский митрополит Филарет писал наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию: «Заметили ль Вы, что три страшных и много убыточных пожара у трёх народов разрушили то, что которому больше любезно: в Петербурге дворец, в Лондоне биржу, во Франции театр?».

Все это Вадим обдумывал, поднимаясь в кабинет государя, где уже ждала комиссия из уважаемых людей: сам государь, военный министр Чернышев Александр Иванович и митрополит Лаврентий. Четвертым в комиссии стал Месечкин, как ответственный за политические и террористические дела в столичной губернии. По мнению Вадима, не хватало только верного Николаю Бенкендорфа. Начальник третьего отдела сейчас курировал строительство железной дороги и видимо еще не приехал из Москвы.

— А почему вы не в парадной форме и без оружия? — Николай Павлович задал вопрос, как только Вадим подошел к столу с комиссией, даже не дождавшись, пока сядет Месечкин.

— Я не нахожусь на действенной службе, комиссован по состоянию здоровья, — пояснил Вадим.

— И все же, явились без наградного оружия. Вы же дворянин и боевой офицер, — влез Чернышев, который натянул все награды, которые получил за долгую службу при Николае.

— В пригласительном не говорилось о форме одежды, — Вадим скосился на Месечкина и позволил себе поднять краешки губ.

Николай Павлович, который ввел “Положение о гражданских мундирах” для действенных чиновников и сенаторов, улыбнулся.

— Что вам известно о вчерашнем взрыве корабля “Буря” недалеко от портов Петербурга? — продолжил Чернышев.

— Что это мой корабль, на котором я отправил груз для покупателей в Испании. Мои люди немедленно отправились искать выживших, как только произошла эта страшная трагедия, — Вадим обратил внимание на внешний вид императора: на голове очень приличный парик, специальная помада для волос. «Ведущим» портным мундиров Николая I был Акулов. По специфике бизнеса Вадим следил за такими вопросами и постепенно замещал конкурентов в длинной цепочке поставщиков, предлагая лучшие цены или качество материалов. Не удавалось пока влезть в различную фурнитуру для мундиров вроде эполетов и вензелей, которые сами по себе выходили в сумму целых мундиров.

— А почему, вы не говорите, что это был за груз? Ведь именно он привел к взрыву? — упорствовал Чернышев.

— Потому, что я уверен, что груз этого корабля не интересен при дворе Императорского Величества, — объяснил Вадим и продолжил быстрее, чем его успели перебить, — я пытался продать производимую мной взрывчатку еще летом этого года, провел демонстрации ее работы на Кавказкой войне, но получил заказ только на станки для винтовок Уманского. Что я должен думать, если государство предпочитает само производить оружие, придуманное моими инженерами? Я скромно согласился, и поставил станки для производства под новое оружие, все в срок и высочайшего качества. Если же, некоторым любопытным, мало было засылать шпионов на мои фабрики, чтобы выудить секрет взрывчатки и они дошли до того, чтобы взорвать мой корабль, с моим грузом, и самое главное — с обычными моряками, то я молчать не буду! Семенов, Иванов, Глазин, — Вадим начал перечислять фамилии, а военный министр багроветь от злости.

— Довольно, — приказал император.

Вадим замолчал и вытянулся, гордо задрал подбородок.

— Что заставляет вас думать, что взрывчатку именно подорвали? — продолжил допрос Николай Павлович.

— Взрывчатка очень стабильна, ее не взорвать просто так, ее даже можно бросить в костер, она будет гореть как бумага, а не взорвется как порох, — Вадим врал, ведь под это описание подходил только обработанный гексоген, — поэтому я считаю, что взрыв не был случайным, он был умышленным!

— И кто же мог погубить шестьдесят христианских душ? — впервые в разговор вмешался Лаврентий, — и ради чего?

— Кто, это вопрос следствия, ведь ни я, ни мои сотрудники не разглашали предмет груза, в любом случае, я сомневаюсь, что это кто-то из наших. Я всегда предлагаю для продажи свою продукцию, — Вадим скосился на Чернышева, — а ради чего — понятно. Двести тон взрывчатки мы продали за миллион рублей. Не для военных, а для горнодобывающего промысла. Не только наше военное министерство следит за новинками. Им выгодно, чтобы я прогорел и распродал изобретения. Поэтому я буду вынужден готовиться защищать активы здесь и за рубежом.

— Двести тон в море взорвались так, что у меня окна чуть не вылетели? — удивился Николай Павлович.

— Взрывчатка мощнее черного пороха. Примерно в два с половиной раза, — снова соврал Вадим, нагоняя жути.

— И все равно, очень дорого, пусть даже и для столь нужного нашей стране изобретения, — император перешел на тему финансов.

— Пока ее производство ограничено комплектуемыми, которые почти не купить на территории империи. Например азотную кислоту нам привозят. Но, ЕСЛИ я смогу построить дополнительные фабрики? — Вадим вопросительно посмотрел на императора, и тот коротко кивнул, — Когда, я смогу построить фабрики, то государству она обойдется в пять рублей за килограмм. Это не говоря о капсулях для армейских винтовок с гремучей ртутью!

Император прищурился.

— Если же, государство вступит в долю владения и поможет с землей, то можно уложиться и в три рубля. У меня есть бизнес план, я могу его предоставить...

— Вы уходите с темы, этой “встречи”, — перебил Вадима Чернышев, — как по вашему тогда подорвали взрывчатку? Смертник?

— Если только, недружественные государства не знают какое-то магическое заклинание, чтобы взрывать на расстоянии, но тогда, я бы тоже мог разорваться перед вами, — засмеялся Вадим.

Смех поддержал Николай Павлович, Лаврентий хмыкнул, Чернышев улыбнулся, Месечкин же прикрыл глазами и одними губами начал читать “Отче наш”.

— Вижу, что тема нашей беседы сменилась, прошу прощения, но вынужден откланяться, — извинился митрополит.

— Вы можете сказать, что-нибудь по-нашему, хм, вопросу, ваше высокопреосвященство? — остановил митрополита Чернышев.

— Вадим Борисович — примерный христианин, не раз жертвовавший на нужды церкви, духовного и умственного развития детей божьих. Какие бы слухи не ходили, я в них не верю.

Вадим натянуто улыбнулся. Слова Лаврентия о слухах, отсылали к соглашению, что Вадим больше не будет вмешивать митрополита в свои дела.

— Конечно, спасибо, что пришли, — поблагодарил Николай Павлович, — Алексей Игнатьевич, вы тоже можете идти. Очевидно, что произошла трагическая случайность.

— Благодарю, — Месечкин одарил Вадима та-а-аким взглядом, после чего ушел.

— Чтобы полностью закрыть вопрос, хочу сказать, что компания выплатит компенсацию морякам и пострадавшим от взрыва. Мы можем даже заменить окна во дворце, если нужно, — заметил Вадим, на что император подозрительно долго задумался.

— Честно говоря, учитывая произошедшее и в целом обстановку, хотелось бы, чтобы подобное производство находилось подальше от столицы, — прервал молчание Николай Павлович.

— И вы, вместе с ним, — Чернышев не сдерживал себя, — пусть, Алексей Игнатьевич не нашел на вас ничего, но слухи редко бывают беспочвенными...

— Александр Иванович, вы имеете, что-то против службы Месечкина? — уточнил император.

— Нет. Поправлюсь: пока он ничего не нашел.

— Тогда закроем вопрос, — приказал Николай Павлович, — Вадим Борисович, пройдемте пожалуйста к моему столу.

Чернышев глубоко вздохнул, подтянул мундир и вышел. Министр не прощался, он шел на перегруппировку, и Вадим это понимал.

Николай Павлович же ушел к личному столу, где обычно работал за бумагами. Вадим нашел время чтобы лучше рассмотреть кабинет. Кабинет выходил окнами к Адмиралтейству. У стен шли полушкафы, на которых лежали книги и портфели. Посредине кабинета стояло два огромных письменных стола, в параллельном направлении; третий — поперек комнаты, с приставленным к одной оконечности его пюпитром. В целом ничто не нагромождено, не валяется; всякая вещь, кажется, на своем месте. Во всей комнате только два огромных, как ворота, окна и в простенке между ними большие малахитовые часы с таким же циферблатом. Вся без изъятия мебель, стулья и кресла, карельской березы, обитые зеленым сафьяном. На рабочем столе стоял еще дымящийся чайник и чашечка с долькой лимона.

— О вас говорят, как очень нехорошие вещи, так и очень положительные, — император жестом пригласил Вадима сесть напротив и достал из стола толстую папку скрепленную печатью, — например: все, чего вы касаетесь, начинает приносить деньги.

— И мне дотронутся? — Вадим показал на папку, на что Николай Павлович кивнул.

— И к чему я только что прикоснулся?

— К бюджету империи, — с некоторой тоской проворчал император и убрал папку, — с другой стороны, как бы вас не прикрывал Месечкин... Вы не боитесь проливать кровь, можете не спорить, если бы не ваши успехи на Кавказе, то я бы не сдерживал министра, до он сам бы не сдерживался. Пока же, я вижу больше пользы в ваших начинаниях.

Вадим заерзал на кресле, вызвав громкий скрип.

— Бекендорф очень хорошо отозвался о ваших экскаваторах и предлагает даже отстранить американца, чтобы полностью передать строительство Мальцеву. Меня только одно смущает...

Николай сделал паузу, дав Вадиму возможность поучаствовать в вопросе.

— И что же?

— Вы подарили платье только Ее Величеству, а у меня аж целых три дочери, — здесь Николай Павлович одними только глазами показал глубокую затаенную обиду, — и они бы мне точно не простили, если бы я “еще раз незаслуженно наказал” главного поставщика платьев. Ни проходит и бала, чтобы светские львицы не устроили скандал или драку из-за платьев.

— Займусь сейчас же, — согласился Вадим.

— Где-нибудь на окраине империи. Здесь, вы слишком мутите воду, — император смахнул со стола какой-то ссор, — а я хочу видеть порядок. Развернетесь там, место выберите сами.

— Добровольная ссылка?

— Можете назвать и так. Альтернатива не столь приятна.

— Это все?

— Нет. Вашего хорошего друга — князя Горынина по возвращению из похода будет ждать заслуженный отдых. Дружба — дружбой, но нельзя выставлять имидж Империи в негативном свете.

Вадим лишь слегка нахмурился. Николай Павлович говорил про гонку, но наверняка вмешались и другие интересы.

— Ваше императорское Величество, могу ли я сделать предложение? Чтобы не вызывать ссору между военным министром и прославленным адмиралом, — закинул удочку Вадим, император же протянул руку, приглашая продолжить, — я давно думал открыть географическое общество, как в Великобритании. Вы бы могли взять патронаж, а представителем общества сделать Владлена Иоанновича. Одной из первых целей такого общества могла бы стать разведка южных окраин империи и территорий соседей.

— Так вот зачем вы отправляете оружие казакам на Урал, — улыбнулся император, показывая, что у третьего отделения больше шпионов, чем все думают, — интересно, но Горынин не пойдет в поход.

— На Владлена Иоанновича я надеюсь в изучении наших северных широт, — признался Вадим.

— Вот что вы пообещали Живому Александру Юрьевичу за часть в Русско-американской компании? Как интересно.

— Вас не проведешь, — соврал Вадим. Хотя здесь у имперской разведки оказались не все карты.

Хотя самый большой и главный замысел шел без внимания с чьей-либо стороны. Школы, технические училища, вечерние занятия для рабочих, лекарства для Гаазы, уроки для медиков, проверяющие все восприняли или как показное добродушие или как прикрытие

темных дел или как очередной способ заработать, но не как главный замысел. А ведь Вадиму удалось косвенно или прямо увеличить население Петербурга еще тысяч на восемьдесят грамотных людей. Преобразования же бедных кварталов могли дать о себе знать только в долгосрочной перспективе, когда бы удалось тиражировать опыт.

Чем больше в империи появлялось инженеров, химиков, математиков, металлургов, горнодобычников и так далее, тем быстрее Вадим воплощал задуманное. А для их появления нужны были не только учителя, здания и деньги, но и время. Или еще больше денег, чтобы перекупить специалистов из других стран. Вадим решил остаться в империи именно из-за ее богатства в людях, из-за возможности подстроить еще сырую систему образования под самый эффективный лад, не допуская внешнего вмешательства.

— Я не смогу остаться? — спросил Вадим.

— Нет, — Николай Павлович отпил чаю, покачал головой и позвонил в колокольчик, — вы свободны.

— Спасибо и всего доброго.

Вадим встал из-за стола и пошел на выход из кабинета, где резко открылись двери и в комнату влетела служанка с горячим чайником. Кипяток попал на брюки.

— Да, бл... — закусив ладонь, Вадим сдержал выкрик и выбежал в коридор.

Иператор проводил его взглядом, тяжело вздохнул. Из тайного отделения в столе он достал маленькую записку со списком имен и вычеркнул Вадима. Под ним стояло имя Седого и нарисован череп и стоял знак вопроса.

— Все же, человек.

***

Уезжая из “гостей” у императора всероссийского, Вадим читал газеты. Егерь страшно перепугался, когда пришли жандармы, двоим даже успел разбить лица, прежде чем Вадим дал отмашку. Теперь вон, Егерь сидел улыбался без двух зубов, это его так отблагодарили.

“Поиски выживших продолжаются, но густой туман на месте взрыва фрегата “Буря” мешают морякам. Суеверные очевидцы твердят, что в тумане видели силуэт очень злой женщины.”

Вадиму пришлось отложить газету, чтобы почесать глаз, а то дергаться начал. Следующие статьи оказались радужнее:

“В связи с всеми знакомыми событиями, правительством принята классификация раскольников и сектантов. Их делят на вреднейших, вредных и менее вредных. Менее вредными считают поповцев...”

— Лаврентий капитализирует ситуацию, — прокомментировал Вадим и перевернул страницу.

“Казенные крестьяне на средней Волге бунтуют из-за внедрения картофеля”.

У выезда с Заводского, Вадима ждал целый кортеж из слуг и специалистов, которые готовились отбыть в добровольное изгнание на юг. Сейчас Вадим брал с собой только Михаила и Егеря из самых приближенных. Сложнее всего оказалось с Захарченко, формально он еще числился на службе, но как испытатель при оружейном заводе. Пришлось оформлять его в конвой следующей партии револьверных карабинов для кубанских казаков, которые продолжали гонять черкесов по горам Кавказа. Военный чиновник конечно долго пилил Вадима взглядом, пока хруст новеньких ассигнаций не отвлек его внимание.

Провожали начальника всем отделом управления: Максим с секретарем, Ханна и Дмитрий Волович, Микола, Кондрат. Вдалеке стоял Есислав, он решил не подходить ближе,

чтобы не привлекать внимание императорских агентов еще и к себе. Каждый получил пакет документов с приказами на ближайшее время.

— Как дети, — вздохнул Вадим и уже хотел отвернуться от окна, как на центральную улицу Заводского выехал экипаж. Никто не стал выходить, но в окне промелькнуло милое личико Людмилы Городиковой. Ее держала мама, наверное, поддавшаяся на уговоры дочери.

— Трогай, — Вадим стукнул по стенке салона и беспокойную Люду закрыл деревянный забор. Заводское — детище первых двух лет работы Вестника удалялось.

***

Под покровом ночи в небольшую бухту на берегу Черного моря зало четыре шлюпки. На берегу замигал встречающий сигнал, и экипажи навалились на весла. Четвертая партия добровольцев, желающих помочь в борьбе народа Кавказа против ужасных русских, высадилась из турецкого торгового судна. Французы, турки и немало поляков, пришли проливать кровь.

На Вестнике в плаванье отправилась не одна пара молодоженов. В соседней каюте с Анатолием и Варей путешествовала молодая чета Мартыновых. Новая графиня Белла Мартынова прихорашивалась у походного зеркальца. Граф же спал, восстанавливая силы для выполнения супружеского долга. Белла думала, что лучше так, чем слушать его глупую болтовню. Муж, к ее сожалению оказался бестолков в деловых вопросах. Он умел и любил тратить, мог проскользнуть в любую компанию. Белла взглянула на смятую постель, храпел он с чувством, на этом таланты графа и заканчивались. Он еще не понял, но ему приготовили участь тарана.

Белла закончила прихорашиваться, оглянулась и распечатала конверт, который ей вручили перед отбытием. Пусть она покинула Петербург, но хватка монстра не ослабевала. Белла чувствовала поводок, который тянулся от Северной столицы, читая строки:

"Поздравляю с праздником, дорогая. Рад, что был знаком с твоим отцом, и смог помочь тебе найти место в жизни. Я ни в коем случае не прощаюсь, мы обязательно будем держать переписку. Я с удовольствием выслушаю твой рассказ об успехах вашего супруга, на новой родине..."

Возможно, через пару лет, приеду к вам в гости. На первое время оставлю средств из вашего наследства. Надеюсь, что вы вспомните все уроки и сможете хорошо обустроиться, чтобы встретить меня или моего посыльного с достойным комфортом. Если же вам станет скучно, то вспомните те теплые вечера, когда мы собирались всей семьей..." — здесь Белла не выдержала и закатила глаза: "В любом случае, уверен, что у вас хватит сил жить полноценной жизнью. Женитьбы — это не оковы, это возможность."

Белла утерла одинокую слезинку. На краткий миг, когда Мартынов вернулся с разрешением его Величества на свадьбу и отъезд, она поверила, что сможет стать свободной. Но жизнь решила иначе. Белла разгладила платье, осторожно, чтобы не размазать макияж убрала слезинку и пошла требовать завтрак для себя и мужа.

***

1 июня 1842 года.

У огромной Российской империи были не менее огромные окраины. Одна из них располагалась на юге и граничила с Азовским морем. Правительство несколько лет селило здесь смешанные народы, пытаясь облагородить и обустроить богатейшие земли. Край, который называли Новороссией, в узком смысле включал в себя Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии, в широком — также Бессарабскую губернию, Кубанскую область, Черноморскую и Ставропольскую губернии, область Войска Донского.

Местом же своего "добровольного изгнания" Вадим выбрал Екатеринославскую губернию. В сам Екатеринослав Вадим не поехал, желая осмотреть места для покупок. Радовало, что народ здесь жил, а не существовал. Плодородной земли хватало всем, даже многочисленным военным поселениям казаков или офицеров, которым с 1803

году отводились земли штаб-офицерам — по 1000 десятин, обер-офицерам — по 500 десятин.

Но по сравнению с крестьянами выделялись помещики и дворяне. Они изнывали от скуки, ловили крохи слухов, что доходил до них из Москвы, Петербурга, Киева или Варшавы.

— Вадим? — Захарченко выбрался из кареты и потянулся, разминая спину. Больше трех суток они ехали по пыльной разбитой дороге, чтобы остановиться на берегу Азовского моря, в десятке верст от Мариуполя.

Вадим стоял лицом к морю и не отвечал. В руке у него почти догорела сигарета, но что-то звало его из синей дали.

Там, где Захарченко видел море, Вадим видел выжженную чашу со стеклянным дном. Вестники никогда не забывали цену своих ошибок, ведь именно им приходилось “убирать” за собой в случае провала операции. Бескрайние пустыни на месте цветущих тропических лесов, расплавленные остовы на месте величественных небоскребов и трупы. Так много погибших, что легче сжечь планету, чем похоронить всех нормально. Сценарии менялись, но итог неудачи оставался единым. Смерть, разрушение, миллиарды упущенных возможностей, идей, душ. Потенциал выбранных миров определялся не богатством залежей полезных ископаемых или близостью, к как-нибудь транспортным линиям. Для этого работали другие службы. Вестники же искали подобных среди звезд. Чтобы испытать, чтобы уберечь от случайностей, которые разделяли цивилизации на космические и забытые во времени. Парадокс Ферми спрашивал, если мы не одни во вселенной, то где все? Вестники могли бы ответить на этот вопрос многотысячным трудом с фото, видео и аудиодоказательствами, но без показаний свидетелей. Потому что после уничтожения цивилизации космическим барьером не остается свидетелей, только выжженные руины и кладбища размером с планеты.

Барьером или же стеной для цивилизации становились самые разные вещи: случайно выпущенное биологическое оружие, более успешные соседи по галактике, эксперименты в генетике, супервулканы, новый ледниковый период, ядерная война или же старые добрые метеориты. Вестники соревновались со вселенными, не зная сколько времени им выделили до встречи мира с глобальным звездцем. Помимо некоторых ограничений в силах, перед Вестниками стояло несколько задач, включая проверить, а достойна ли цивилизация, чтобы ее спасли.

— Вадим? — еще раз повторил обеспокоенный Захарченко.

— Прости, просто задумался о том, почему я так люблю работу.

— И? — Михаил поднял бровь.

— Мне нравится приглядывать за малышами.

— Вадим, ты когда выходил из кареты, головой ударился? — не понял Захарченко.

— Миша, если кого-то и на пять минут нельзя оставить, чтобы что-нибудь не случилось, то кто вы, если не дети? — Вадим развернулся от берега и пешком пошел в сторону города. Ему захотелось пройтись после долгой и неудобной дороге. Даже подвеска его кареты не справлялась с ямами на дороге, от упорной работы

чиновников.

Да, некоторые цивилизации Вадим бы уничтожил лично. Например, ту где человечество выбрало поклоняться фури и добровольно изменило себя, ради меха и милых ушек. Хотя, можно ли их было считать людьми, комиссия не решила. Вадима это уже не касалось. Он свою задачу сделал и со спокойной душой, что в случае чего решать их судьбу будет уже не он, отправился на следующее задание.

***

В сороковых годах Мариуполь представлял плавающий сосуд национальностей. Над кирпичными и деревянными одноэтажными домиками виднелись купола храмов и церквей. После присоединения Крыма часть греков вернулась в родные места, а рядом с городом поселились казаки, основав несколько сел.

С тридцать пятого года губернатор Воронцов разрешил солдатам и морякам селиться в городе и строить дома на его окраине. Вадим спокойно прогуливался, вызывая заинтересованные взгляды местных.

Устье Кальмиуса служило удобной природной гаванью, которую называли «биржей». В 1824 году итальянец Кавалотти начал строить в Мариуполе малые суда. А лет пять назад разрешили построить набережную в устье реки Кальмиус. В 1840 году от центра к бирже проложили мощёную дорога. В 1840 году вместо деревянной пристани в устье Кальмиуса соорудили каменную набережную, придав побережью города строгие очертания.

Вадим прошелся по главной улице и зашел в таверну, где останавливались путники. Через город проходили торговые пути, но из-за маленького постоянного населения в пять тысяч человек, город рос очень медленно.

— Любезнейший, вам помочь? — спросил хозяин заведения. Пожилой мужчина в аккуратном, но стареньком костюме, стоял за большой учетной книгой.

— Лучший номер, — попросил Вадим и облокотился на стойку, нависая над книгой.

— Простите, но лучший занят... — растеряно начал хозяин, — может, вас устроит...

— Не устроит, — перебил его Вадим.

— Ну тогда могу порекомендовать гостиный двор на Базарной площади.

— Это ту дряхлую развалину? — уточнил Вадим, — какой у вас номер лучший?

— Пятнадцатый...

— А остановился сейчас там?

— Господин Сыклов. Он торговец второй гильдии. Но я не понимаю.

Разговор прервал звонок над дверью. В таверну зашли Захарченко и Егерь с большими сумками.

— Егерь, пожалуйста напомни нашему знакомому, господину Сыклову, что он уезжает. Вежливо.

Егерь улыбнулся и прямо с сумками пошел к номерам.

— Но, он же только приехал! — Хозяин захотел остановить Егеря, но Вадим поймал его за руку и полез в карман пиджака. Из кармана Вадим достал толстенную пачку ассигнаций перетянутую резинкой. На жаргоне такую пачку называли

котлетой, жирненькой такой, с панировочкой.

Хозяин тяжело сглотнул. В коридоре раздался шум. Со стороны номеров выбежал мужчина. Он натягивал подтяжки от брюк поверх пижамы. На голове у него болтался ночной колпак.

— Хозяин! Я уезжаю! Быстрее, пока не пришел этот страшный господин, — торговец застучал по стойке с книгой.

— Господин Сыклов? — обратился к торговцу Вадим и выдернул купюру из пачки, — за беспокойство. Снимете номер в гостином дворе на Базарной площади.

— В этой рухляди? — удивился торговец, но деньги взял и так выжидающе посмотрел на Вадима.

— Миша, покажи господину торговцу дорогу, — Вадим точно не славился терпением к людской наглости, граничившей с тупостью.

— Не надо! Я сам, — господин Сыклов прижал к груди сумку с пожитками и выбежал на улицу.

— У вас завтраки включены? — спросил Вадим у хозяина, который так и остался стоять с открытым ртом.

***

Завтрак подавали вкусный: рисовую кашу на молоке, морс и яичницу с сосисками. Пока Егерь считал ягодки в морсе, Вадим давал ценные указания:

— Сегодня пробежимся по городу. А ты Миша поедешь в Екатеринослав, я дам список, нужно прикупить землицы.

— Вадим, а может, хоть месяц отдохнем? После всего... — Захарченко покрутил вилкой, на которой болталась сосиска, — насладимся видами, позагорает на солнышке.

— Покой нам только снится, — закончил завтрак Вадим и положил перед Захарченко конверт с документами. Сам он ехать не хотел в столицу губернии раньше времени, — а я, пока пойду найду приключений на свой... кошелек.

Первой остановкой он выбрал маленькую верфь. Итальянец Кавалотти строил рыболовные суда для местных рыбных заводов. Небольшие парусники с маленькой осадкой плавно скользили по глади Азова, когда Вадим подошел к подобию верфи, которая скорее напоминала большую мастерскую. Сотня плотников заканчивала корпус брига на стапелях под крики громкого итальянца. Он выдал себя, вставляя итальянские ругательства, комментируя криво поставленную мачту.

— Извините, вы господин Кавалотти? — обратился к нему Вадим.

— Да, а вы кто? — судостроитель резко повернулся на голос. Загорелый человек с густыми черными усами и прилизанными волосами, он быстро оценил дорогой костюм, — вы же не из банка?

— Вам нужен кредит? — ответил вопросом на вопрос Вадим на итальянском.

— Да, мне бы со старым расплатиться, — грустно усмехнулся итальянец и вопросительно поднял бровь.

— Вадим Беркутов, — Вадим протянул руку, — хочу поселиться в вашем милом городе. Только вчера приехал из столицы.

— Будем рады, — ответил на рукопожатие Кавалотти.

— Вы любите корабли?

— Честно говоря да, если бы еще на Азове торговля пошла живее.

— Лондонский договор? — догадался Вадим.

— Он самый. Как только государь согласился? Десять лет отлично торговали через проливы...

— И под хорошую торговлю вы взяли кредит, — понимающе кивнул Вадим и рукой показал на причал, предлагая прогуляться.

— Все так. А нет свободных проливов, так кто же попрется в наш городок? Торговля есть, конечно, но совсем скромная.

— Я вас понимаю. Я сам обожаю корабли. Может, до вас доходили новости о гонке между сделанным англичанами Метеоре и моим Вестником? — спросил Вадим и протянул итальянцу сигару с Гаваев, сам он курил сигареты.

— Вашим? Конечно слышал! Только почему на пару? Чем вам не нравятся парусники? Мой отец с Сицилии всю жизнь ходил под парусом, а до него дед и прадед!

— Двигатели — это будущее. И вторая жизнь для вашей мастерской, — Вадим показал на верфь.

— На прогресс нужны деньги, — Кавалотти затянулся сигарой.

— Это, не такая уж и большая проблема, если вы, конечно согласитесь идти за прогрессом под моим началом.

— Я вас не знаю, — улыбнулся такой дерзости итальянец, на что Вадим достал пачку денег.

— Сколько у вас там кредит?

— Пятнадцать... — промямлил господин Кавалотти, — А можно потрогать? Я столько никогда в руках не держал...

— Трогайте, может, это подарит вам мотивацию, — усмехнулся Вадим.

Они договорились, что господин Кавалотти продаст часть своего бизнеса в обмен на уплату Вадимом кредита и новых вливаний. Эта встреча послужила веточкой спасения для итальянца, а для Вадима сберегла время. Мастера кораблестроители на улице не валялись, хотя если у всех владельцев в Азовском и Черном море были похожие идеи с господином Кавалотти, то мастеров получится набрать быстро.

***

От верфи Вадим в компании господина Кавалотти пошел в город. Хозяин таверны рассказал, где можно было найти мэра, почтовую станцию, где торговцы снимали склады и где люди проводили время.

А проводили торговцы и местные дворяне свободное время за играми. Вадим прошелся по главной дороге до одного из приличных салонов, куда под вечер собирался народ. Несколько хорошо одетых стариков в компании пожилых и не очень дам на первый взгляд пришли обсудить местные события и отголоски большой политики. Но итальянец всех сдал, честно признавшись, что народ с ума сходит о скуки в сезоны между торговлей. Многие жители города ходили с кожей цвета бронзы, что говорило о родстве с греческими племенами.

— Господин Кавалотти, не представите нам своего друга? — спросил Яким Солоторов. Он пришел в сером фраке под руку с супругой. Обоим за тридцать,

аккуратные прически, обувь, гардероб, но на вкус Вадима немного устаревшие, по сравнению с передовым словом Петербурга.

— Конечно, ваше высокоблагородие, это новый житель Мариуполя — Беркутов Вадим Борисович, — представил итальянец, а Вадим протянул руку для рукопожатия.

Мэр руку пожал, но не спешил отпускать, разглядывая Вадима, словно вспомнил.

— Мы раньше не встречались? — все же спросил Яким.

— Не думаю, ваше высокоблагородие.

— Беркутов, — мэр пробовал фамилию на вкус.

— Извините, а вы случаем не связаны с домом моды госпожи Реймах? — спросила супруга Якима. Она оценила шерстяной костюм с шелковой подкладкой фиолетового цвета.

— Верно, мои мастера сейчас готовят костюмы для императорской семьи, — Вадим наклонил голову, как бы в смущении. Мэр с супругой переглянулись.

— Пройдемте, что мы на ногах, любезнейший, — предложил Яким и повел гостя и итальянца за один из столиков в салоне.

Зал заведения сделали просто: деревянная мебель, покрытая лаком, широкие ковры несколько столиков, окруженных мягкими креслами, на стене висело большое зеркало, в центре поставили закуски к чаю.

— Вадим Борисович, пожалуйста, расскажите, как вы оказались здесь? — с придыханием спросила госпожа Солоторова.

— Я даже не знаю, стоит ли омрачать такой хороший день, такой печальной историей, — Вадим мягко сел на кресло, но оно все равно жалобно заскрипело.

— Конечно, конечно стоит, — заявил мэр.

— Дело в женщине? — влез в разговор итальянец.

— В девушке, — поправил его Вадим, — в наше светлое будущее вмешались ее родители.

Вадим выдержал драматическую паузу, позволяя слушателям грустно вздыхать.

— Поэтому я решил посвятить себя самой большой любви — работе.

— Вы так молоды, еще найдете счастье, — авторитетно заявил Яким.

— Уверен, что найду ее в этом краю, — ответил улыбкой Вадим, — а скажите, как вы отдыхаете? А то я только на работе провожу время и даже не успеваю тратить заработанное.

В конце Вадим засмеялся, а местные переглянулись.

— Дорогая, погуляй, пожалуйста, — мэр отослал жену, а сам подвинулся к гостю, — вы азарты, Вадим Борисович?

— Не без этого, — улыбнулся Вадим.

— Да, Вадим Борисович, вам бы не играть, а просто деньги раздавать, — посмеялся мэр, убирая стопку купюр в карман.

Вадим развел руками и повернулся к слуге, чтобы заказать:

— Дорогой, всем вина, угощаю!

Его слова салон встретил с ликованием. Ну еще бы, где бы они нашли такого щедрого гостя, который бы за вечер спустил пять тысяч.

— Вадим Борисович, вы главное не обижайтесь, мы люди искошенные до вечеров, особенно с такими гостями, кто из самой столицы к нам, — осторожно заявила жена мэра.

— На самом деле друзья, я думаю, что это только начало и нам обязательно нужно собраться еще раз, — Вадим улыбнулся и взял принесенный бокал, — я ведь приехал не один, а с дорогим другом. Майор Захарченко, с которым мы вместе пленили Черкесского предводителя. Буду сердечно рад, если вы и ему окажите столь же теплый прием.

По алчному блеску в глазах у местной публики Вадим видел, какой прием они готовятся оказать, поэтому продолжил:

— На сегодня, думаю, что мы закончим игру, я большую часть денег оставил в багаже, но в следующий раз...

— Вадим Борисович, какие вопросы? Мы будем рады! — заверил его мэр и разговор продолжился на более легкие темы. Сегодня вечером они только прощупывали нового горожанина, узнавали его границы дозволенного, размер капитала, ведь у многих на руках еще были незамужние дочери, сестры или тети, а тут такой приз сам в руки приехал.

Итальянец несколько раз порывался остановить нового делового партнера от необдуманных шагов, но каждый раз Вадим его мягко останавливал.

Разъезжались все в хорошем настроении, все кроме Вадима. Он ехал в отличном, вспоминая старую поговорку: “Timeo Danaos et dona ferentes”[1].

Следующую встречу, а вернее прием решили провести в поместье у мэра города. Яким Солоторов захотел собрать всех видных людей с округи и даже написал письма друзьям в соседних районах, ведь к нему на жительство приехала птица крупного полета.

***

Захарченко встретил Вадима в номере.

— Миша, ты еще не в Екатеринославле?

— Это не нужно, даже немного обреченно вздохнул Захарченко, — скоро приедет твой друг Василий и... Да, много кто приедет. Я уже готовился уезжать, как перехватил посыльного с вестями. К нам придут гости из Донского казачьего войска. С какими целями я не знаю. Но если они захотят подраться...

Захарченко расстегнул пиджак, чтобы показать пару револьверов, которые висели в кобурах на поясе.

— Михаил, ты подраться всегда успеешь. С чего такие выводы? Может тоже хотят закупить у нас оружия, — предположил Вадим, но не стал отсылать Захарченко покупать землю. Это может сделать и Василий, который должен приехать с Кавказа.

— Тогда где письмо тебе? Может посыльный именно от них, а не от наших друзей с предупреждением.

Вадим нахмурился.

— Письмо могло и потеряться в дороге.

— Ну-ну, — Захарченко подошел к вещам, собранным в углу комнаты и демонстративно достал чехол с револьверным карабином. На его угрюмом лице читалась готовность.

— Михаил. Мы так быстро сбежали из Петербурга, что я не спросил, а как ты объяснил, куда пропала твоя жена? — спросил Вадим. Захарченко замер с карабином в руках.

— Интересные у тебя вопросы, — сказал он после долгой паузы, — а никак. Все знают, что последние несколько месяцев мы жили отдельно, а потом я уехал, она пропала.

Вадим прикрыл лицо рукой.

— Миша, тебе нужно лекарство.

— Какое еще лекарство? — не понял Захарченко.

— Народное средство — опиздулин! Чтобы быстрее думал, — Вадим достал из сумки пустой конверт и лист бумаги, чтобы написать замысловатое послание одному чиновнику в Петербурге, после которого Месечкин точно проклянет Вадима. И резко остановился.

— Михаил, ты настолько плохой муд*, что жена сбежала от тебя на Вестнике!

Захарченко сначала не понял, а потом как понял.

— Но нужны свидетели!

— О, ты не представляешь, но твоя жена в дороге подружилась с моей воспитанницей, очень милой девушкой, которая скажет то, что скажу я, — Вадим позволил себе улыбку, — Если же мы ее встретим, то надо подумать.

Он постучал пальцами по столу. А потом написал письмо, запечатал конверт, залил воском. Вадим подул на печать, помял конверт и раскрыл его со словами:

— Как приятно получить конверт от своей воспитанницы, Белла обо мне не забывает, — дальше Вадим нарочито серьезно пробежался по строкам письма и воскликнул:

— Миша, да тут и тебе привет! Вот уж не думал, что Мария сбежала с Белой.

Вадим сунул ошарашенному Михаилу письмо.

— Но ты же сам его написал, — Захарченко заглянул внутрь и увидел два явно разных почерка. Незнакомый и своей жены.

— Я видел, как пишет Мария в письмах тебе на Кавказ. Сохрани письмо и не теряй. Это твое спасение от подозрения в убийстве жены. Хотя, именно ты ее и взорвал, — улыбнулся Вадим.

— Я убил не мою Марию! — возразил Михаил.

— И я рад, что ты наконец это понял.

***

Бывший полковник Мартынов сидел в теплой черкеске и грел руки у костра. Вокруг сидели его сподвижники из гордых кавказских воинов, что встали против русского захватчика. За последние полгода предатель Мартынов занял место в пищевые цепочки армии, став посредником между выжившими главарями племен и прибывающими добровольцами. Говоря о пребывающих добровольцах, Мартынов оторвал взгляд от костра и посмотрел в сторону шумной компании поляков. Они прибыли недавно и пока все воспринимали за веселую прогулку, хотя их отряд возглавлял опытный ветеран наполеоновских войн. Они привезли оружие, деньги, порох и обещания. В борьбе с оккупацией региона Русскими, им хотели помочь равнодушные люди из Франции и Англии. Мартынов уже несколько раз встречался с куратором из Англии, джентльмен не называл имени, оставив только псевдоним: “Пересмешник”. Холодный человек, с загорелым лицом и мертвым взглядом, он напоминал Мартынову встреченного Вадима Беркутова, и эта

похожесть не внушала ничего хорошего.

Мартынов поежился и поправил ружье, на которое опирался*. На окраине лагеря зашумели дозорные. Между огнями костров к Мартынову прошёл Ахмет. Когда-то этот черкес командовал отрядом разбойников, вселяя страх в поселения казаков, а теперь же служил посыльным плененного Шамиля. Сторонники имамата успели спрятать детей имама, прежде чем их схватили русские, поэтому Шамиль не сдавался, даже сидя за золотой решеткой. И вот настал момент вызволить предводителя северных народов Кавказа и возобновить войну, но теперь уже на западе и при поддержке “неравнодушных”.

— Мартынов? — Ахмет подошел к русскому.

— Да Ахмет, чего тебе?

— У других все готово, когда вы сможете выступить?

Мартынов окинул лагерь взглядом. За последние полгода он собрал больше пяти сотен хороших воинов, двести из которых пришли из других стран.

— Три дня и мы будем на месте, — ответил он.

— Хорошо, тогда все получится, — нервно улыбнулся Ахмет и закашлял, — воды не будет? С ног сбился, пока нашел вас.

Мартынов молча кивнул и протянул бурдюк с водой. Ахмет отвернулся, чтобы незаметно выпить таблетку с противоядием. Записку о замысле черкесов он уже отправил чертовому надзирателю.

***

От северной столицы, Мариуполь приятно отличался погодой. Теплый ветер приходил с юга, разгоняя тонкий слой пыли. Постояльцы таверны собирались во дворе, чтобы позавтракать на открытом воздухе и обсудить вечерние новости. Вадим наслаждался чаем с лимоном в компании Захарченко и Егеря, когда послышался топот копыт с разных сторон улицы.

С севера первыми показался конный отряд. Десяток всадников гнал лошадей, взмыленных от долгой дороги. Они испачкались в дорожной пыли, наверное, шли всю ночь.

С юга же выехали знакомые лица. Двадцать казаков сопровождали пару телег и карету. Первыми ехали полковник Марченко из Оренбургского казачьего войска и полковник Лев Львович Альбрант — командующий Лабинской линией на Кавказе. Карета же принадлежала другу Вадима — Василию Ярмакову.

— Ставлю десятку на наших, — прохрипел Ермак, на его слова обернулись Вадим и Михаил.

— А наши, это которые? — ехидненько уточнил Захарченко.

— Да не будет драки, вы о чем? — Вадим вдохнул аромат чая.

А всадники же перешли на одинаковую скорость, чтобы встретиться прямо у таверны. Прежде чем группы столкнулись через дорогу перекатилось перекасти поле, а на крыше дома закаркала ворона. Конный отряд неизвестных принялся отряхиваться, сбивая налипшую пыль, чтобы показать разницу между их донской формой и черкесками кубанцев. Гости таверны молча замерли, наблюдая за внезапным противостоянием и повисшим напряжением.

— С кем имею честь? — первым спросил Лев Львович.

— Смотри кто спрашивает, — ответил мужчина в возрасте с пышными усами из числа донских.

— Мы, — ответил полковник Марченко.

— А кто это “мы”? — уточнил донской.

— Смотря кто спрашивает... — скрывая улыбку, ответил Лев Львович.

— Полковник Резнов, — сдался донской казак.

После того, как всадники представились, они повернулись к таверне, где Вадим уже заказал завтрак и позвал слуг приглядеть за конями с дороги. Оба отряда не помещались, поэтому младшим пришлось еще поискать место.

— Господин Резнов, могу я узнать, что привело вас ко мне? — спросил Вадим представившись.

— Дела. Через наши земли в сторону Кавказа часто проходят ваши грузы для наших братьев, — Резнов кивнул в сторону Льва Львовича, — советом атаманов мы бы тоже хотели закупить новых карабинов.

— Отличные новости! — обрадовался Вадим новым клиентам, — а как у вас с деньгами?

— Об этом... Получше чем у наших братьев, — Лев Львович нахмурился на слова Резнова, но возражать не стал, — но ведрами не черпаем. Вообще мы бы хотели как-нибудь договориться.

— Договоримся, — уже не так воодушевленно вздохнул Вадим.

— И еще, мы слышали, что вы собираете новый поход на юге...

Вот здесь уже нахмурился Марченко. Коканский и Хивинский пироги уже поделили и новых пайщиков брать не планировали. По этому вопросу в Оренбурге все уже подготовили и даже получили разрешение от государя. Марченко под это дело получил почетное звание члена Императорского географического общества. А то что он, по степям ездил, а географию не изучал, так это дело житейское.

— К сожалению, здесь вы опоздали, — огорчил Резнова Вадим, — но в целом, вы как относитесь к далеким путешествиям?

— В Сибирь пошлете? — хохотнул Резнов.

Вадим ответил улыбкой.

— В Сибирь? — уже с ноткой паники спросил полковник.

— Не совсем, но также далеко, — уклончиво ответил Вадим, — но это вопрос нескольких лет. А пока, я буду рад, если вы поможете моим товарам и людям доходить из Оренбурга до Мариуполя.

Вадим пальцем указал на стол, за которым они сидели.

— Хорошо, прошу прощения господина, мы с дороги, — Резников показал на пыльные сапоги, — давайте продолжим вечером? Надеюсь, что в этом городке есть хорошее место.

— О сегодня будет вечер у мэра города, думаю, что он окажет мне милость и пустит с друзьями. Буду рад, если и вы присоединитесь к нашей компании.

— Почту за честь, — поклонился Резнов и ушел с донскими.

— А ведь они спешили к тебе, — пробормотал Марченко, — вы не были же знакомы?

— Нет, не имел чести, даже переписку не вел, — признался Вадим и покрутил головой, — а где Василий, он разве не с вами?

— Василий Германович остался во Владикавказе. Он нам одолжил свою карету для одного дела, — признался Марченко, Лев Львович же только подозрительно скосился на него, — но это сугубо личный разговор.

— Я понимаю, — прохрипел Лев Львович.

— И чем же я могу вам помочь? — спросил Вадим и жестом подозвал официанта с

ХОЛОДНЫМ КОМПОТОМ.

— На Кавказе не спокойно, — Лев Львович перешёл на шёпот и зло оскалился, — ваш друг получил записку от наблюдателя: наемники вместе с десятью черкесскими и пятью северными племенами будут пробивать нашу линию. Даже ваш подвиг не остановил этих гордецов, а хуже всего — предатель Мартынов. Он ведет иностранных наемников.

Лев Львович замолчал, чтобы справиться с вспышкой ненависти. Он сжал кулаки и заскрипел зубами.

— Я понял, — кивнул Вадим, — вам нужна помощь?

— Да, я сам загоню гадёныша, но мне нужно наладить снабжение. Дорога из Владикавказа будет перекрыта бандами Шамиля. Они вытащили его из плена.

Лев Львович выжидающе замолчал, чтобы оценить реакцию Вадима, но тот спокойно глотнул холодненького морса. Захарченко же, который молча стоял у стены и слушал разговор, тихо выматерился.

— По суше вам быстрее будет запросить на Дону, — предложил Вадим.

— По суше, да. Но я честно надеюсь, что вы перекроете морское снабжение врага.

— Я не владеец черноморского флота, — осторожно заметил Вадим.

— А что будет, если наши боевые корабли перехватят Турков? А они перехватят, — зло зашипел Лев Львович, — вы же, частное лицо, вам не нужно отчитываться сколько пиратов вы потопили.

— Меня самого припишут к пиратам.

— Нет, я договорился с управляющим Керчи. Он сам сделать ничего не может, но готов закрыть глаза и даже помочь если кто-то возьмется.

— Допустим, — осторожно заявил Вадим и переглянулся с Захарченко, — в чем мой интерес?

Полковник тяжело вздохнул. Марченко же улыбнулся и прикрылся морсом.

— Эти бандиты перекрыли дорогу, которая ведет к вашему поселку в горах.

Полковник намекал на земли, которые Вадим приобрел при прошлой сделке. Первые геодезисты уже доложили об огромных залежах медной руды, осталось начать добычу.

— Что мне мешает нанять охрану из ваших пластунов? У них денег нет, и стоять они будут дешевле, чем флот для обороны побережья.

Глаза у полковника забегали, прежде чем он сдался и сказал:

— Хорошо, что вы хотите?

— Больше земли и больше крестьян. Откроем с вами несколько совместных предприятий. Будем богатеть вместе, попутно решая проблемы с местными, — легко выдал Вадим.

— Вы знали?

— Что Шамиль сбежал? Нет. Что война продолжится, и нам решат напасть? Да.

— Ясно. И у вас есть план, — скорее констатировал, чем спросил полковник.

— Я что-нибудь придумаю.

— Ладно, пойду отдохну с дороги, господа, — Лев Львович простился и пошел искать номер.

Вадим же постучал пальцами по столу.

— Интересно, где бы теперь на все денег найти. Не хотелось бы лезть в дела Петербурга, — пробурчал Вадим и бросил любопытный взгляд на Марченко.

— Ладно, ладно, идемте. У вас, я так понимаю Вадим Борисович чуйка на деньги!

Он проводил Вадима и Захарченко до кареты, около которой стояли Оренбургские казаки и бросали на всех подозрительные взгляды.

— Вашблогородь, за время дежурства происшествий не случилось! — отчитался казак, который держал револьверный карабин на руках.

— Вольно, — отмахнулся Марченко и открыл дверь кареты, предварительно проверив, нет ли рядом любопытных глаз, — Вадим, я никогда не думал, что вы так хорошо зарабатываете. Может я не тем занят?

Он отошел, чтобы показать внутренности салона. На шелковых подушках лежали укрытые слитки серебра. На полу стояли ящики со слитками. Даже на маленьком походном столике лежало пару блестящих слитков.

— Интересно то как, — довольно поцокал языком Вадим и закрыл дверь, — а почему взяли карету Василия?

— У нее ходовая лучше, подвеска какая-то, — стал объяснять Марченко, — столько загрузили, что мы пока ехали по нашим дорогам три экипажа сменили. Я так обрадовался, когда получил сообщение, что вы остановитесь в Мариуполе и мне не придется тащиться в Петербург.

— Так до Петербурга же ближе, — не понял Захарченко.

— Кому как, майор, а мы на плотах по Уралу, по Волге и потом Дон. Там на переправе с Львом Львовичем и пересеклись. Он очень обрадовался, когда узнал, что вы ближе переехали.

— Удружили, — искренне поблагодарил Вадим.

— Я хочу, чтобы все прошло без проблем. У нас с вами одно дело, и я не хочу, чтобы оно испортилось из-за чьей-то промашки, — раздув ноздри от важности, заявил Марченко.

— И все? — Вадим поднял бровь.

— Нет конечно. Я знаю, что у вас есть возможность мне помочь, — Марченко несколько раз привстал на носочки от волнения, — я хочу, графский титул. А для этого похода будет маловато.

— Вы тоже хотите помощи?

— Да, с вашим умением договариваться, мне может даже не потребуется оружие, чтобы взять пару городов.

— И вы хотите, чтобы я для вас купил ключи от ворот крепостей в степи? — догадался Вадим.

— Ну, может и не купили, вы что-нибудь придумаете. Народ там тоже не спешит умирать.

— Хорошо, — кивнул Вадим. Марченко успел обрадоваться, но Вадим продолжил, — но я возьму свою цену.

— Хорошо, — согласился Марченко и махнул рукой, — я не собираюсь до смерти участвовать в чертовых походах, набивая мозоли.

— Отлично, отдохните и пойдем вечером отметим наше соглашение, — проводил Вадим Марченко в таверну.

***

Поместье мэра выглядело прилично: двухэтажное кирпичное здание с большой мансардой, где знойным летом можно было спрятаться в тени от солнца.

Мэр пригласил местных еврейский музыкантов, чтобы отметить хороший вечер. Яким Солоторов встречал гостей с супругой.

— Ого, рад что вы пришли, — он тепло поприветствовал Вадима и повернулся к целому отряду полковников и одному майору. Захарченко тоже надел мундир и нацепил золотую саблю, — представите своим друзьям?

Голос мэра перескочил от радости до растерянности за одно предложение. Но легкий толчок жены в бок, и Яким взял себя в руки, приосанился и заулыбался.

— Конечно, не почтите за грубость, но я привел на ваш праздник представителей сразу трех казачьих войск! — не без гордости Вадим отметил, как мэр нервно сглотнул. Не каждый день, да и не каждый год в его городке появляется хотя бы один полковник, а тут совсем большие птицы.

— Мы очень, очень рады, пожалуйста проходите, наши уважаемые жители будут очень рады поприветствовать вас! Я к вам присоединюсь только чуть позже!

По лицу мэра стало понятно, что он не знает, что делать с боевым отрядом высоких гостей. Вадим же похихикал и зашел в большой зал, где открыли двери на веранду, и гости могли трапезничать внутри, а танцевать снаружи.

— Ну что, кто хочет немного поиграть, — Вадим обратил на себя внимание пары человек, в том числе знакомого итальянца. Они как люди в возрасте буднично обсуждали события в одном кругу и потихоньку скучали. А тут такой карась, сам приплыл, по крайней мере, Вадим позволял им так думать, доставая свежую колоду карт.

[1] Бойтесь данайцев дары приносящих

Открытые окна не помогали. Духота от десятков свечей в зале стояла нестерпимая. Игроки за столом сидели в одних рубашках, скинув мундиры и фраки на хрупкие плечи спинок стульев.

Яким, несмотря приличный возраст, отпил крепкого коньячка и посмотрел на карты. Они играли в популярнейшего "фараона". Вадим Беркутов выступал банкометом, а Яким и Михаил Захарченко понтерами. Игроки наудачу выдёргивали карты и ставили на них деньги. Банкомет же поочередно из новой колоды выкладывал карты на стороны игроков, пока не появлялась карта схожая с той, на которую поставили деньги. У кого первым совпало, тот победил и забирал ставку второго.

Остальные гости, порядком уставшие, но в целом довольные сидели тихо и наблюдали.

— Яким, вы уверены? — уточнил Вадим, когда мэр положил дарственную уже на второе поместье. Первое он проиграл в покер.

— Да, — дрожащим от напряжения голосом заявил Яким.

— Тогда играем, — Вадим удостоверился, что Михаил уравнивал ставку, положив на карты пачку ассигнаций.

Михаил мило улыбался, расставаясь с двадцатью тысячами. Откуда у майора такие деньги никто не рисковал спрашивать, а когда начали проигрывать, то было уже не до этого.

Вадим перемешал колоду и выложил первую карту. Зрители молча придвинулись, чтобы не пропустить палитру эмоций, которая проскакивала на лице мэра с каждой новой раздачей. Пот катился градом, вся рубашка пропиталась им. Если бы жена узнала, что и сколько он проиграл, то... Лучше было не доводить до греха. Вадим положил даму червей перед Якимом и остановился.

Мэр не сразу понял, что произошло и только после этого взглянул, а на что же он ставил. Дама червей. Его купчая лежал на даме червей.

— Да чтоб злой дух мою жену забрал! — в чувствах раскричался Михаил и встал. Яким поднялся за вслед за Захарченко.

— Вам чертовски везет! — с легкой злостью заявил Захарченко и протянул руку для рукопожатия, Яким же слабо ответил.

— Ну что, легко пришли, легко ушли, — махнул рукой Миша. На эти слова у местных проскользнули выражения злого удовлетворения. Ведь эти двадцать тысяч он выиграл у них полчаса как. А мэру простительно, он свой.

— Я пошел пить и танцевать, господа, сил моих больше нет сидеть в этой духоте. Кто со мной? — поинтересовался Захарченко и никого не дожидаясь пошел на веранду.

Вадим же проводил всех взглядом, кивнул Яким, который радостно забрал выигрыш.

— Отличная игра. Честно, завидую вам. Хорошая усадьба?

— Да не очень, если на молоток ставить, то тысяч пятнадцать, — признался Яким и прикусил язык. Ставки же должны быть равными.

— Не волнуйтесь, я не расскажу, — пообещал Вадим, — и еще, если она вам не нравится, то может продадите?

— Вы хотите купить? — удивился мэр.

— Ну не останусь же я в таверне жить, — посмеялся Вадим, — я видел, как вы нервничали, но не за усадьбу. Дайте догадаюсь: жена?

— Да, она не любит, когда я играю.

И Вадим точно понимал почему.

— Продайте усадьбу мне, а жене скажете, что деньги не выиграла, а хорошо на мне заработали.

— Что же это, я вам продал сразу две усадьбы? — с надеждой спросил Яким, но Вадим качнул головой.

— Здесь уже сами придумывайте. Так что, по рукам?

— Ну можно конечно, — Яким задумался, — наверное.

— Следующий бал тогда уже проведем у меня, — пошутил Вадим.

— Только без азартных игр! — Якими поднял палец и засмеялся, — хорошо, пятнадцать тысяч.

Они ударили по рукам. Званный вечер заканчивался, и они вышли на улицу, чтобы встретить рассвет на свежем воздухе.

Гости благодарили хозяйку, которая развлекала их, пока Яким тратил с трудом заработанный семейный бюджет. На робкую улыбку мужа она ответила сердитым взглядом и погрозила пальцем, чувствуя неприятности.

Вадим же забрал Михаила и приказал Егерю ехать в таверну. План минимум, оптимум и максимум они выполнили.

В салоне кареты Михаил расстегнул пиджак и выложил пять купчих на стол. Во внутренних карманах у него завалилось еще тысяч десять после игры.

Вадим выложил три купчих и две смятые сотки.

— Не дороговато вышло? — спросил Михаил.

— Дешевое, чем устраивать аукцион по законам. Да и никто бы просто так не расстался с крепостными и землей. А так, в рискованной игре обмануть условного тебя, да еще и сбыть свое имение подороже. Они на выигранные деньги купят себе новые, построят усадьбы и готового. У нас же пока нет знакомств, чтобы так легко скупать землю.

— Теперь есть, — не согласился Михаил.

— Это лишь первый шаг. У местных нет ничего кроме горстки земли, пары сотен крепостных и какой-нибудь лавки в городе. Нищие помещики, которые не хотят рисковать, чтобы разбогатеть, — с улыбкой на лице заявил Вадим, собирая купчие, — это тебе, премия.

Захарченко с сомнением поднял бровь, оглядывая оставшиеся на столе деньги.

— Спасибо.

***

15 июня 1842 года.

Захарченко все же пришлось съездить до Екатеринослава, чтобы оставить заявки на покупку земель. Процесс обещали рассмотреть побыстрее, но раньше конца лета новостей ждать не приходилось.

И Вадим принялся за работу, начав с местной верфи. Работали на ней в основном местные греки, которых итальянец нанял лет десять уже как. Понаблюдав минут десять за возней над очередным парусником, Вадим приказал Егерю собрать по городу мужиков, которые не против труда и заработать. По возможности найти строителей.

К приходу новых строительных сил из Петербурга, он планировал расчистить площадки. Мэр без проблем продал пустыри у противоположного берега реки и кусок пляжа, часть земель Вадим выкупил у Войска донского за серебро, наняв у них незанятых на работы. Итальянец уже углубил устье Кальмиуса, соорудив там так называемый ковш под

строительство кораблей. Вокруг строилась каменная гавань.

Многообещающее начало, но Вадим предложил увеличить ковш. В будущем он зальет его бетоном, создав сухой док. Пока же местные приступили к возведению казарм для строителей, кухни и первой кирпичной кольцевой печи, по образу тех, которые Вадим возвел в Заводском.

Вадим спустился к руслу реки, чтобы проверить грунт.

— Как думаешь, что он делает? — спросил Егерь у Итальянца, когда пришел рассказать об успехах.

— В грязи копается? — неуверенно ответил Кавалотти.

— Прикупить грязи что ли... — задумался Егерь.

Вадим их заметил и поднял руку, чтобы они его подождали. Он не спешил, наслаждаясь свежим ветром, который развеивал подол пиджака.

— Будем строить, — он улыбался, — начнем с бетона и кирпича. Льву Львовичу нужна помощь с Кавказской оборонительной линией, и мы поможем.

Он рукой указал на глинистые берега.

— Егерь, нужны люди, здесь, здесь и здесь.

— Вадим Борисович, — Егерь внимательнее осмотрел отдаленный пляж, — но там нет глины.

— Там есть известняк, он как раз приходит выше по течению. Пока будет обычный бетон, но потом, — Вадим отряхнул руки и пошел к оперативному штабу, который организовали рядом с верфью.

***

Он не мог поверить. Просто, не мог поверить, что его пригласят в дворец. Максим сидел в коридоре и ждал, когда его пригласят.

— Заходите, — объявил адъютант его величества и открыл дверь в рабочий кабинет императора.

Николай Павлович сидел за рабочим столом и чистил перо.

— Проходите, что же вы встали?

Он поднял глаза на Максима, который представлял в столице Вадима и компанию Вестник. Максим подобрался и прошел к столу императора с большим портфелем в руках.

— Здравствуйте, Ваше императорское величество.

Николай кивнул и протянул руку, приглашая гостя сесть.

Максим достал бумаги и передал первую папку. Начать он решил с любимой темы всех Романовых — Петербурга. Николай Павлович долго рассматривал эскизы новых жилых кварталов и карту жилых кварталов.

— Вы знакомы с постановлением Екатерины Второй, о плане строительства столицы.

Император говорил о законе, по которому столицу можно было строить только из камня.

— Конечно, поэтому мы намереваемся возводить кварталы за пределами города, — Максим на карте показал на оранжевую полосу, которая брала столицу в круг, — это полоса новых домов, за ними будут новые заводы, чтобы соответствовать вашему закону о грязном производстве.

Николай Павлович кивнул и пододвинул к себе эскиз.

— Пятиэтажные дома? Полностью из кирпича?

— Нет, там будут бетонные перекрытия, — объяснил Максим.

— Это как? — Николай Павлович пролистал до чертежа типового дома, где отмечались не только новейшие перекрытия, но и единое отопление, — Это что?

— Батареи, по ним будет идти горячая вода.

— А это что за столбы? Телеграфные, а не много? — император показал на один из эскизов, где художник, по имени Вадим Беркутов, изобразил внутренний двор и вид с главной дороги.

— Ну почти, — соврал Максим. Вадим говорил, что это на далёкое будущее, чтобы полностью избавиться от свечей и так далее, но Максиму было честно не до этого. Компания влезла в сотни сфер, только начав углубляться в большинстве из них.

— Интересно конечно. А как дела с вашей телеграфной линией?

— До Риги и Хельсинки работают. До Москвы еще тянем.

— И как, не воруют? — император откинулся на спинку кресла и улыбнулся в усы.

— Пытались, — честно признался Максим, а потом вспомнил, как очень злой Кондрат несколько раз всем недалеким объяснял, что у Вестника лучше не воровать.

— Вижу, вижу, что воруют, — с нескрываемым чувством превосходства заявил император, — такова уж натура людей. Это ладно. Я подготовил указ и его осталось только подписать.

Николай Павлович выжидательно замолчал.

— И о чем указ?

— О защите коммуникационных линий и сообщений! Приравняем телеграф к государственной связи.

— Государственной? — нахмурился Максим.

— Не полностью. Но только вашей он оставаться тоже не может, — заявил Николай Павлович, — сколько вы на бирже заработали? А? Молчите?

Он заулыбался.

— Мне с сотню кляуз уже принесли, что вы обкрадываете честных торговцев, — Николай засмеялся, — это интересно удумали.

— Мы не можем полностью передать линии, — твердо заявил Максим.

— Я и не требую передать. Просто протяните дополнительные, три государственных и две коммерческие.

Максим закашлялся.

— Вы знаете, СКОЛЬКО это будет стоить?

Николай Павлович подался вперед.

— Ну хорошо, а сколько?

— Две государственных, одну коммерческую и одну частную. Пятая линия останется нашей без права на пользования кем-то кроме нас.

— На одну линию меньше?

— Не только, — Максим достал из портфеля документ с предложением. Когда император ознакомился с расценками и возможностью шифровать коммерческие и государственные линии, то поднял очень удивленный взгляд.

— Вы знали?

— Нет, — соврал Максим и захлопал глазами, как невинная гимназистка старшеклассница.

— Кхм, допустим. Как дела у Вадима? Он пока не хочет писать мне лично.

— Думаю, что он даже не знал о такой возможности, — Максим сам-то не верил, что

общается напрямую с императором, — я могу отправить ему письмо с строительной бригадой, которую мы отправляем на юг.

— Из училища бригаду? Строительное...

— Там только мещане! — поспешил заверить Максим.

— Знаю. Сам напишу. Уговорил я нашего казначея выделить деньги на заводы. Но больше земель, — император достал из стола приказ, — отдадите это Егору Францевичу, он позаботится о переводе средств. Мне нужна эта взрывчатка. Хотя, это я сам напишу. Ступайте.

Максим уходил из дворца на ватных ногах. Его поражали серьезность и размах происходящего. Со стороны все выглядело как постоянная игра в кошки-мышки с чиновниками, на каждом этапе большой стройки жилых кварталов. Это если не вспоминать про верфь, которая заработала в полную силу и переделывала под паровой двигатель уже третий корабль. Слаба Богу, что он не один отвечал за компанию и остальным приходилось крутиться не меньше. Не удивительно, что Вадим так быстро сбежал на юг — подумал Максим и усмехнулся.

***

По крупным галькам на берегу Финского залива осторожна шла босоногая девочка. Она старательно искала что-то на берегу, заглядывая под большие камни и мусор, который вынесло на берег.

— Зоя! Зоя, смотри что я нашел! — за ее спиной закричал мальчик. Сын местного рыбака и ее старый друг.

— Что там? — повернулась Зоя и пошла посмотреть, хорошенько запомнив, где она остановила поиски.

Мальчик сидел на большом камне и грел босые ноги в теплой воде. В руках же он держал длинную тонкую палку и тыкал ей в нечто желеобразное и похожее на черное сердце. Зоя застыла не веря, что наконец нашла! Она шагнула в сторону сердца и протянула руку.

— Зоя, ты чего я же первый нашел? — зашумел мальчик и встал на камень. Он важно надул губы, чтобы показаться взрослее.

— Дима, Димочка, оно мне очень-очень нужно! Я искала его несколько месяцев! — чуть ли не плача заявила Зоя, — отдай его мне, и я тебя поцелую!

— Да так бери, чего я... — парень отвернулся, уж очень его смущали набухающие слезы на маленьком личике.

Зоя шмыгнула носом и взяла сердце, но сразу чуть не выплюнула скромный завтрак. Сердце, как и все предыдущие части, напоминало склизкое желе, больше похожее на моллюска, только без запаха. Зоя завернула сердце в сарафан и быстрее побежала домой.

В скромной бревенчатой избе горел слабый огонек. Это горящая лучинка освещала комнату. Зоя остановилась перед дверью. Сердце ее бешено билось, но она глубоко вдохнула и вошла. Внутри лучинка освещала скромную комнату: печку, лавку и стол, на котором стояла скромная снедобъ из куска черствого хлеба. Зоя только вошла, как на печи в тени проскользнуло движение.

— Ты пришла? — раздался тихий, слабый голос.

— Да мама, я пришла! И ты не поверишь, но я наконец нашла! — Зоя подбежала ближе, чтобы скорее показать маме свою находку.

С печи спустилась очень бледная женщина с запутавшимися волосами. Уже три месяца,

как она заболела и не ела ничего, кроме странной жижи, которую Зоя изредка находила на берегу. После болезни она не узнавала, когда-то энергичную маму. Бледная тень, так говорил в деревне и называли ее проклятой.

— Покажи, золотце, — прошептала женщина и протянула худые руки, кожа на которых облепила проступающие кости.

— Вот, — заявила Зоя и положила черное сердце маме в руки.

Женщина ответила не сразу. Зоя заметила, как у мамы затряслись плечи, как при плаче, поэтому она отшатнулась, когда раздался смех. И не тихий, каким обычно был голос мамы, а громогласный, от которого затряслось единственное окно.

— Наконец! Наконец! — заявила “мама” и вцепилась в сердце зубами, поняла, что зубами не помочь и принялась всасывать его, как того самого моллюска.

Зоя заметила, как женщин менялась: уходила бледность, исхудалое лицо возвращало красоту. Девочка зажала рот и отшатнулась. У мамы загорелись глаза разными цветами. В них проступила притворная любовь и появилась ненависть.

— Ты мне очень помогла “доченька”, — саркастично заявило облако и протянула руку, которая как студень удлинилась, чтобы схватить девочку. Но Зоя знала, Зоя чувствовала. У нее подкосились ноги и щупальце прошло вышел, выбив окно. На улице закричали и Облако оскалилась. Зоя затряслась и нырнула под стол, чтобы спрятаться.

— Черт с тобой! — заявила Облако и обернувшись туманом вылетела на улицу. Вокруг дома на шум собрались деревенские, но они не интересовали Облако, она поднималась, чтобы возвыситься над городом людишек.

***

В маленькой швейцарской деревне.

За верстаком сидел седовласый мужчина. Его рубашка смялась, он не стирал ее уже несколько недель и не помнил, когда высыпался последний раз. Эгберт Тагледский — потомственный инженер со злостью посмотрел на лист газеты, который прикрепил к стене перед верстаком. В газете писалось о каком-то молодом русском магистре, который загадал ученым три формулы. Эгберт не надеялся решить все три, но чувствовал, что к разгадке первой он уже подошел, осталась самая малость.

Прямо перед ним лежала стальная сфера, скреплённая двенадцатью болтами. Из сферы торчали краники, по которым инженер думал закачивать рабочее тело. В рабочем теле собственно и встал вопрос. Эгберт до этого дня с трудом понимал как он сможет хранить колоссальное давление. До этого дня, потому что сегодня он нашел статью о рудниковых водах на глубине Норвежских шахт. Вода скапливалась на глубине больше десяти километров на протяжении тысячелетий и обладала поистине редкими свойствами.

— Посмотрим кто кого, выскочка!

1 августа 1842 года.

"Дорогой друг, пишу тебе эти строки с берега замечательной Испании. Сердечно благодарен тебе за организованное путешествие по чудным местам Европы. Дорогая Варвара Демидова просит передать сердечный привет и успехов. Мы очень рады, за путешествие познакомились со столькими интересными людьми! Тебе будет интересно услышать о моих новых знакомых из Испании и Мексики. У них есть запросы, которые можешь решить только ты.

К сожалению, не все проходит гладко. Франция усилила давление на Алжир, отчего мы пока не спешим войти в средиземное море. Ах, вот если бы кто-нибудь смог помочь князьям в Алжире, против ужасной Франции...

Не хочу о грустном. Буду рад, познакомить тебя с остальными замечательными людьми, которые встретились нам по пути.

Твой друг Анатолий Демидов"

Вадим убрал письмо. Он сидел в одноэтажном доме, возвышаясь над берегом Азовского моря. Там, у воды сотни рабочих готовили новое судно к испытаниям. Поначалу, все шло медленно: местных рабочих не хватало. Слава о богатом нанимателе распространились быстро, но люди не спешили уходить с насиженных мест. Только с первыми поступлениями учеников училищ из Петербурга ситуация изменилась.

В окно рабочего офиса открывался вид не только на обновлённые верфи, но и на "промышленный" берег Мариуполя, где проглядывали очертания новых цехов судостроительного завода. На фоне новых забетонированных причалов прохожие могли заметить подготовленные эллинги с абсолютной новинкой — бетонными судами. Бетон слоями покрывал металлическую сетку, застывал и больше не пропускал жидкости. Вместе со строителями пришли инженеры и паровые двигатели, что сразу продвинуло проект. Строить каменные суда на парусах никто не собирался, хотя первые заказы на подобные яхты уже появились. Пока Вадим только начал строительство новых литейных заводов, сталь для сетки и каркаса пришлось покупать на Луганском литейном заводе. Во время наполеоновских войн этот завод производил сотни полевых орудий для нужд армии.

Новейшие железобетонные суда и баржи обещали стать хитом. Цемент для них обжигали в кольцевых печах попеременно с обычным и огнеупорным кирпичом. При этом новейшие буксиры делала команда Кавалотти. Грекам понравилась задумка небольших, но мощных судов, которые бы могли помогать в швартовке или тянуть груженые баржи. У англичан с прошлого века были наработки в этом направлении, но без внедрения мощных паровых машин и гребных винтов, они не пользовались популярностью. Железобетонные суда делали в виде балкеров и барж, которые можно было скрепить цепью или пеньковыми канатами в цепочку или караван.

Конечно, такие суда обладали рядом ограничений: невозможность усовершенствования конструкции, относительная хрупкость при швартовке. При дешевизне в производстве, такие суда выходили тяжелее. Буксирам требовалось больше угля, чтобы перемещать их, полезного объема выходило меньше по сравнению со стальными. Но почти никто кроме Вадима и британцев пока не думал о цельнометаллических кораблях.

Уголь. Еще одно достижение за прошедшие месяцы. Захарченко выкупил земли у

донского казачества. Вадиму пришлось идти на хитрость и оформлять собственность на никому неизвестного Миколу. Вадим своими покупками и так поднял цену на землю. Местные помещики с удовольствием продавали деревушки подороже, чтобы на заработанные деньги перебраться куда-нибудь в свет или избавиться от долгов. Тоже самое случилось и с маленькой деревней Александровкой, где уже работало три шахты не приносящие особого дохода. По пять тысяч ушло за каждую, но это того стоило. Уголь шел в сторону Луганска, на тот самый литейный завод, где его сначала коксовали, а потом пускали на сталь.

Без нормальных дорог, уголь приходилось возить в телегах или на лодочках по Донцу, что никому не нравилось. Решение напрашивалось само собой, но литейный в Мариуполе только строился. Так что основной доход обещал пойти сильно позже.

А вот в чем повезло несусветно, так это в покупке маленького села под названием Брянцевка. Вадим никому пока не говорил, но там в Артемовском и Славянском месторождениях находилось девять миллиардов тонн каменной соли. Этого хватило бы на тысячелетие всей стране. В его же руках соль становилась пазлом к одной из задумок. Приятным бонусом шла огнеупорная глина, которая водилась в том же месте.

Когда Вадим изучал приобретения, случилась забавная история: он и Егерь приехали посмотреть купленные земли. Так Вадим пошёл в огород какого-то холопа набрал в руки жирного чернозёма и долго смеялся.

— Вадим Борисович, а что смешного? — даже с некой опаской спросил Егерь. Холоп — простой мужик просто перекрестился.

— Да я просто думал над одним планом и подобрал ему отличное название: Чык-Черык, в честь одного уважаемого любителя сельского хозяйства. Ну что, Егерь, положим экономику империи?

И Вадим снова заржал. А Егерь и крестьянин переглянулись.

***

Все начинания в Новороссии упирались в людей, точнее в их отсутствие. В самой большой стране Европы, как по площади, так и по населению не хватало свободных людей. Тридцать процентов оставались закрепощенными, без права на лучшую жизнь.

И только очень сильные потрясения могли заставить чиновников изменить положение дел. Вадим знал, что и как он сделает, чтобы ускорить естественный процесс. В остальном же приходилось писать письма в Австрию, Пруссию, Англию и США, чтобы найти горняков, инженеров, кораблестроителей. Здесь Вадим не ограничивал себя как в Петербурге. Здесь под боком не было даже той скромной россыпи учебных заведений. Приходилось выкручиваться, но здесь оставалось большое преимущество. В конце лета Губернатор Воронцов обещал приехать в Мариуполь. То ли Вадим слишком громко разводил кипучую деятельность, то ли император так проверял выполнение договорённостей. Печалило и письмо от военного министра Чернышева, в котором чуть ли не запрещалось пока продавать оружие донским казакам, пока оружие не прошло еще какую-то там проверку. В общем вставлял он палки в колеса прогресса по полной.

Пока же в море вышел первый железобетонный баркас. Суда строили плоскодонными с малой осадкой, чтобы они ходили по Азову и рекам вроде Дона или Кубани. Через неделю проверок судно наполнят грузом для Керчи и отправят в путь.

***

2 августа 1842 года.

Получив разрешение и обещание от Вадима о поддержке Марченко в начале лета вернулся в Оренбург, чтобы начать поход. Разрешение от императора генерал-губернатор получил в начале лета, все ждали полковника, которому и предстояло возглавить десятитысячный отряд из солдат и казаков при поддержке артиллерии.

Отряд разделился на три основные части: полки Марченко, капитана Карбышева и капитана Перовского. Марченко вел войска из Джизака, по берегу Аральского моря. Карбышев шел вдоль Каспия и Перовский с востока Аральского моря. Стремительным походом русские войска заняли пригород города Хива, заняв оборонительный вал у городских стен. Двадцать пятого июля Местный Хан послал делегацию на переговоры с Уманским, но не сложилось.

Теперь же полковник готовился к штурму городских ворот. Он взял десяток шести фунтовых орудий, новые гранаты и взрывчатку от Вадима, чтобы не тратить много времени на укрепления.

— Пли, — махнул рукой Уманский, и орудия выстрелили, снося ворота и поднимая облако пыли.

С криком "Ураааа!" и какой-то матерью в ворота бросились солдаты и казаки. Река из матерящихся людей смела хлипкие баррикады и наводнением пошла по узким улочкам, снося любое сопротивление, пока не упёрлась в местный дворец. Городские улицы стали непреодолимой преградой для пушек, которые не проходили в городе.

— Гранаты товсь! — скомандовали сержанты солдатам с винтовками. Небольшой подстаканник накручивался на ствол для стрельбы гранатами. С десяток человек вскинули оружие и из укрытий открыли огонь. За высокими каменными стенами слышались взрывы и крики, но Хивинцы не спешили сдаваться.

— Тащите взрывчатку, — Марченко пошел в атаку лично, чтобы глазами видеть, как берут город его люди. Местные просто не ожидали такой поспешности, привыкли к вялым вылазкам русских, расслабились после провала предыдущего похода.

На каждый выстрел защитников дворца русские отвечали десятью из нарезного оружия. Хлопки выстрелов и дым от пороха занимали все место между домами. Пара инженеров тихо проползла к воротам дворца с двумя зелёными ящиками. Стабильная взрывчатка не боялась попадания пули. Инженерам только и нужно было, что вкрутить взрыватели и по проводу передать заряд.

Взрыв ударил по ушам не хуже орудийной батареи. У солдат от грохота заложило уши. Пришлось прятаться, чтобы каменная крошка, которая падала с неба, не разбила голову.

Казаки входили во дворец с револьверами в руках, но они зря переживали: внутри не осталось способных держать оружие, только слуги и гарем хана. Сам же Хивинский хан сбежал еще ночью.

Марченко вытер вспотевший лоб и сел на расписанную подушку. Они взяли Хивинский оазис, но война за среднюю Азию только началась.

***

Тонкие строчки черкесов на зелёных листьях гор маленькими группами как точки и тире обходили горные пики и собирались в просторном ущелье.

Чистейший воздух дрожал от наполнившей его радости свободных воинов. Тысячи глоток тянули народную песню, и все кто только подходил к большому лагерю, подхватывали ее.

Плачьте, люди, в горных аулах,

Плачьте по мёртвым и славьте их.

Врагу досталась крепость Ахульго,

И никого не осталось в живых.

Местами песня походила на плач. Люди перечисляли имена героев, отдавших жизни за борьбу. Имам Шамиль скривился, указом он запретил петь и мужчинам и женщинам, угрожая кнутом. Но сейчас, в момент скорби он ничего не мог сделать. Так его люди встречали освобождение воина. Лидера.

Через группы черкесов с оружием стягивались вожди новоприбывших отрядов. Мартынов повернулся на шумный голос. Ахмет шутил и смеялся пока шел к Шамилю. Две недели назад этот везучий бандит помог имаму сбежать, теперь же пользовался его признательностью.

— Шамиль, я пришел с подарком, — Ахмет махнул подчинённому, и горец с ружьём на спине подал подушку, на которой лежала пара хороших револьверов. Русские офицеры и казаки все чаще появлялись с новым оружием на Кавказе безмерно усложняя жизнь воину Шамиля. Каждый трофейный револьвер высоко ценился среди главарей банд, — Это тебе! Мы перехватили у русского патруля.

Ахмет светился от счастья. Ему нравилось внимание имама и зависть других полевых командиров. Мартынов же игнорировал шумного бандита, сидя вместе с добровольцами.

— Он ушел с отрядом в тридцать человек, а вернулся с двенадцатью, — прозвучал голос над ухом Мартынова. Мартынов вздрогнул, он не слышал шагов, говоривший же сел рядом. Это Пересмешник подсел к нему в круг и продолжил говорить, — третий раз подряд за месяц он возвращается с потерями.

— Мы на войне. Иногда здесь неизбежны потери, — заметил Мартынов и повернулся к англичанину. Спокойному мужчине, который смотрел куда-то на горизонт.

— Может и так. Вы знаете, как он потерял свой первый отряд? — спросил Пересмешник и проводил взглядом мальчишку, который принес Ахмету воды.

— Плохо. Засада армии, — Мартынов нахмурился, это случилось, когда он еще был в рядах армии, а не сбежал.

— Я наблюдал за вами какое-то время. Люблю изучать людей, — пояснил Пересмешник, — вы больше горец чем он.

— Сэр, вам есть в чем обвинить его? — Мартынов решил спросить прямо.

— Я пока наблюдаю. Меня привлекает все необычное. Как например, — Пересмешник сделал паузу и глазами показал на вершины гор, за которые опускалось солнце.

— Горы кажутся вам необычными? — улыбнулся Мартынов.

Пересмешник же не обиделся и подбородком кивнул в сторону облака зависшего над одной из вершин.

— Оно там висит и сверлит нас злым и растерянным взглядом. Я чувствую.

Мартынов хотел бы посмеяться, но слова Пересмешника заставили его поёжиться.

Ночью Мартынов спал плохо. Пересмешник умел портить настроение, этого не отнять. Через пелену беспокойной дремы раздался тихий голос. Как если бы ребенок кого-то звал. Мартынов встал и вышел из палатки, чтобы найти ребенка посреди военного лагеря и объяснить ему о времени тишины.

— Что? Что ты меня разбудил? — кто-то говорил тихо по русски с сильным акцентом, почти шипя как змея.

— Ахмет, я тебя сдам! — по тихому звонко ответил голос ребенка.

— Какой сдам? Кому сдам? — не понял Ахмет.

Мартынов же застыл у небольшого оврага с кустами на краю. К нему спиной стоял Ахмет и разговаривал с мальчишкой, который днем прислуживал ему.

— Я видел, как на стоянках ты оставляешь знаки, — свет луны отразился в широкой улыбке мальчика, который по росту не доставал полевому командиру и до шеи.

— Ничего ты не видел! Потому, что ничего не было, маленький чертенок, — еще больше зашипел Ахмет и осторожно полез рукой за пояс, где блеснула сталь клинка.

— Дай рубль и я никому не скажу! — продолжил пацан.

— У-у-у вымогатель! — Ахмет изобразил шутливый тон и дернул рукой, скользнув лезвием по тонкой шее.

Но пацан не упал. Острый кинжал даже царапины не оставил на коже пацана.

— Да, теперь рублем не отделаешься. Но и рассказывать тебе ничего не нужно, — говорил ребенок, но голос охрип и зачерствел. Он перестал улыбаться, во взгляде появилась скука.

Перемена оказалась столь яркой и разительной, что Мартынову пришлось ущипнуть себя. Он не верил, что все происходило наяву, а не в плохом кошмаре.

Ахмет тоже растерялся, он так и остался стоять с кинжалом в руке.

— У-у-у вымогатель! — сказал мальчик шипящим голосом, подражая Ахмету. Ахмет шагнул назад, мальчик повторил за ним, как бы примеряясь к движениям горца, взвешивая его шаги.

Мартынов раскрыл рот от удивления. Они сравнялись в росте! И это не Ахмет стал меньше, а мальчик вырос. На лице у него проступили сначала отдельные волоски, а затем и полноценная борода. В свете луны не все детали перевоплощения мальчика получилось заметить, но через пару мгновений в овраге стояло два Ахмета.

— Но как? — сказали оба Ахмета одновременно и так же одновременно зажали себе рот. Теперь каждый из них держал по кинжалу. Если бы Мартынов не видел все с самого начала, то подумал бы, что в овраге кто-то поставил зеркало, чтобы подшутить над полевым командиром.

— Мама, — прошептали Ахметы, и один из них начал таять. Он пытался кричать, но другой просто закрыл себе рот и голос пропал у обоих. Мартынов перекрестился. В овраге остался один Ахмет, который поднял взгляд к Мартынову и подмигнул. Он поднялся и пошел к палатке Ахмета, насвистывая обманчиво спокойную мелодию.

***

— Ну что господа, давайте бахнем? — Вадим встречал высоких гостей у одной из своих шахт. Он заранее выехал на встречу, чтобы подловить губернатора по пути и завезти на испытания. Иначе начался бы прием у мэра, долгий официоз и куча других безусловно важных, но пустых мероприятий, которые бы отняли время.

— Вадим Борисович? — обеспокоенно спросил губернатор Воронцов, который сидел на коне в генеральском мундире в окружении чиновников.

— Сейчас все покажу, вы главное держитесь, — сказал Вадим и опустил рычаг стартера. Чем ему нравилось это время, так это людьми, которых было легче лёгкого удивить. Стоило взорвать корабль груженный взрывчаткой у них перед окнами, так чтоб всю ночь сияло или подорвать угольную шахту, так они как дети малые начинали просить еще.

Электрический заряд прошёл по кабелю и скрылся в глубине шахты, только для того,

чтобы волнами поднять пласты земли. Глубинный взрыв напомнил извержение вулкана, только вместо лавы в небо поднялась твёрдая порода.

Вадим стоял и улыбался с рычагом от стартера в руках, пока чиновники пытались уgomонить ездовых животных. Взрыв мощной дрожью перешёл от земли, через ноги до самой макушки.

— Да вы нас убить хотите?! — заверещал какой-то пузатый дядька.

— Но, но. Зачем мне кого-то убивать? — возмутился Вадим, — кому же я тогда буду товар продавать?

Губернатор хоть и выглядел ошарашенным, но не впадал в истерику. Его прямая осанка, острый взгляд и лёгкий оскал выдавали опытного военного.

— Ну что, ваше высокоблагородие, бахнем еще? — задорно спросил Вадим у Воронцова и показал на соседний стартер. И губернатор выдал себя улыбнувшись на короткий миг. Этому военному человеку нравилось смотреть, как все эти гражданские курицы во фраках кудахтают от испуга.

— Бахнем.

25 августа 1842 года

За окном лил дождь. Белла пила английский чай из индии и думала: “а стоило ли менять Петербург на Лондон?”. Точно не ради погоды или... Или общества. Она сидела в окружении знатных леди и мило улыбалась, отыгрывая роль интерьерера, пока мужья обсуждали “важные” дела в кабинете.

— А вы слышали, что в моду входят плащи тренч? — спросила жена какого-то банкира. Белла запомнила имена, фамилии, родственные связи и род деятельности всех гостей мужа, но вспоминать сейчас ей не хотелось. Но разговор пришлось поддержать:

— А вы не знаете, какой будет дресс-код на следующий сезон? — спросила Белла на английском.

В отличие от России, бальный сезон в Англии проходил весной и летом. Лорды собирали не только баллы, но и благотворительные вечера. Осенью и зимой Англия погружалась в рабочую атмосферу с частными визитами к соседям или деловым партнерам.

На деньги Беллы удалось купить хорошее поместье и завести ей “маленькое” дело. Граф же с головой погрузился в обустройство и новые знакомства, наслаждаясь новой жизнью. Белла чувствовала как местные готовят его под определённую роль связующего две империи. Она же на людях отыгрывала роль порядочной и тихой жены, засиживаясь в обществе дам.

— Я почему спрашиваю. Из-за нашего переезда я пропустила сезон и не успела подготовиться. А мне дядя, — так она называла очень заботливого и ни на секунду не забывшего о ней Вадима, — дядя прислал новый шёлк. Возможно вы слышали о фиолетовой лихорадке?

Она завораживающе улыбнулась и состроила глазки. Дамы ответили еле скрываемым волнением. Уже как два года Европу охватила цветная лихорадка, и началось все именно с Петербурга. Только сложные отношения между империями не позволяли “заболеть” Британскому высшему обществу. До лордов и их жён конечно доходили журналы вроде Российского “Модника”, и они не вызывали ничего кроме вспышек лютой зависти. Теперь же, когда среди высокого общества оказалась Белла с прямым выходом на производителя, ворота распахнулись, почти.

— А много у вас ткани? — спросила все та же болтушка. В их узком кругу она выступала лидером.

— Я не знаю сколько точно, но от мужа слышала, что много. Он же хочет открыть пару ателье, чтобы не уступать Петербургу в этом вопросе. Только появилась проблема из-за какого чиновника, который без, вы представляете? Без взятки не хочет пропускать ткань!

Белла расстроено покачала головой.

— Из-за этого я пропустила возможность покрасоваться на вечере, — на этих словах матроны сдвинуто сдерживали улыбки, красовалась бы Белла ведь именно на их фоне, — но зато в начале следующего буду неотразима. Это же временные проблемы и мой Алеша точно разберётся.

— Может мы сможем помочь? — переглянувшись с остальными спросила жена банкира.

— Если сможете помочь, то я безусловно буду благодарна, тогда мы вместе, как говорит мой солдафон: единым фронтом, покрасуемся, — многообещающе улыбнулась Белла и

почувствовала, что ее тошнит. “Похоже, что последние пару пирожных были лишними и в следующем году не получится показаться в новом платье.”

25 августа 1842 года

После демонстрации всей мощи новой взрывчатки Вадим пригласил высокое начальство в Мариуполь. Губернатор приехал с семьёй, решив совместить проверку с отдыхом на берегу моря. Погода стояла замечательная, зной уже пошёл на спад и люди во всю гуляли по берегу моря.

Мэр с радостью выделил хорошее поместье на нужды четы Воронцовых. Сопровождающим губернатора чиновникам пришлось останавливаться в новом одноэтажном постоялом дворе. Центральное здание и левое крыло полностью построили из кирпича, а в левом крыле еще возводился большой бальный зал с верандой. Вадим оценил разницу в климатах и любовь местных к свежему воздуху, пожелав заработать на этом. На самом деле Вадим считал любой климат кроме Оренбургского*, там температура менялась от минус сорока зимой до плюс сорока летом. Может ЭТОМУ Вадиму и было бы все равно но воспоминания о знойном ветре полном пыли заставляли содрогаться.

Новый постоянный двор он оформил на пару с мэром, чтобы задобрить его и сэкономить на взятках. Вадим строил здесь новые порядки на двух вещах: взаимной выгоде и славе успешного промышленника из Петербурга. Постоянные визиты то военных, то гражданских чиновников только поддерживали образ. Местные торговцы лавок через Захарченко уже интересовались о совместном деле. Все начиналось с просьб дать денег и мягких просьб не вмешиваться, но любые мечты разбивались о реальность. Все кому давали деньги встраивались и росли как часть компании, а не самостоятельные дельцы. Итальянский судостроитель быстро смирился с новым порядком, полностью включившись в дело. Возможно, его убедил составленный договор с жирным процентом, но история умалчивает всех подробностей.

— А ваш друг, Кавалотти, уже дважды предлагал мне вложить деньги в вашу компанию, — посмеялся Воронцов, когда начался бал, — и мэр ваш. Прямо как одержимые.

Воронцов Михаил Семенович поражал красотой даже в свои шестьдесят. Прямой нос, открытый взгляд и выступающий подбородок намекали о долгой линии военных людей. В высшем обществе его знали как Герой отечественной войны, губернатора Новороссии и Бессарабии, *Даже не смотря на злые стишки Пушкина о человеке, он умел преподать себя в свете.

— Вы на долго в наших краях? — спросил Вадим.

— Пару дел. Мне недавно пришло прошение о включении нового поставщика для строительства крепостей на Кавказе, — губернатор метил на роль наместника Кавказа и следил, как идет война, все ли есть у его людей, есть ли в чем у них нужда. Он постоянно отправлял грузы во Владикавказ.

— Да, сейчас в порту стоят новые судна, буду рад вам их показать, — кивнул Вадим.

— Вы же здесь пару месяцев, откуда же корабли? Купили в Таганроге или на Азове? Местные верфи ничего серьёзного сделать не могут, — показал Воронцов свою осведомлённость. Ему то приходилось отправлять караваны по суше, по местным дорогам с большой буквы Г.

— Не могли. Местные верфи ничего серьёзного сделать НЕ МОГЛИ, но теперь по другому и дальше будет только больше. Я буду рад вам показать, а теперь прошу прощения, — Вадим поклонился и пошел в сторону танцующих.

Он не хотел показать свою заинтересованность в помощи губернатора или в его связях. Пришлось даже уговорить Кавалотти подойти к Воронцову, чтобы намекнуть о совместном деле. С каждой новой демонстрацией генерал-губернатор все больше поддавался искушению.

Вадим прошел к столу с закусками, чтобы промочить горло и показать себя гостям. Рядом с охлажденным чаем как раз стояли милые девушки и о чем-то переговаривались.

— Я слышала, что мы сюда пришли из-за какого-то промышленника. Мол его изгнали из Петербурга, чтобы он искупил какой-то скандал службой, — поделилась секретом темноволосая девушка с кругловатым лицом большими глазами и пухленькими губами.

— Наверняка какой-нибудь старый скряга, — встрял в разговор Вадим и поклонился, — в них не грамма романтики, только о деньгах и думают.

— И не говорите, — простодушно посмеялась девушка в ответ, а вот подруги оценили изысканный костюм.

— Честно говоря, не представляю что интересного во всех этих громких железяках, — продолжил Вадим перенимая внимание, — другое дело, когда молодые офицеры подставляют грудь под черкесские пули. Окруженные духом битвы несутся на верном друге плечом к плечу с другими скакунами, — Вадим вытянул руку как если бы держал шашку, а девушки засмеялись.

— И вы тоже неслись на “друге”? — озорно сверкнула глазами девушка.

— Конечно... В смысле, я был верхом на скакуне, а вот уже рядом были друзья офицеры, вернее, просто рядом были и тоже на скакунах, — затараторил Вадим, под звонкий хохот.

— И вы тоже подставляли грудь под черкесские пули?

— Конечно, но наверное, есть какой-то секрет, когда все подставляли, то никого даже не ранило, а когда я, то пришлось потом доме милосердия недельку полежать, — хохотнул Вадим.

— Софья, — представилась девушка.

— Вадим, — Вадим чмокнул протянутую руку, — Впервые здесь? Я и сам недавно приехал, хочу отдохнуть на теплейших берегах моря, а люди сказали, что нет места лучше берегов Новороссии.

— Вас нагло обманули, — улыбнулась Софья и закивали ее подруги, — скучнейшее место. Вот другое дело Петербург.

— Прекрасные дамы, не спешите в город вдов и офицеров, там полно драчунов и бедокуров, — признался Вадим, — у меня в части был друг из столице, вы могли слышать о нем — Лермонтов.

— Тот самый?? — не выдержала одна из подруг Софьи.

— Вы шутите? — спросила Софья.

— Ничуть, мы вместе с ним ходили по горам и брали штурмом аул Смельчак каких мало.

— Вадим, вы нас не обманываете? — с ноткой подозрительности спросила подруга.

— Ничуть, — Вадим положил руку на сердце, — говорю как обладатель золотого оружия за смелость. Я поклялся отомстить за смерть Михаила Юрьевича и почти добрался до предателя Мартынова, но черкесская пуля.

Он закончил говорить опустил голову, прежде чем загладил волосы и протянул руку:

— Позвольте пригласить вас на танец?

Софья захлопала глазами, не ожидая приглашения. Собраться помогла подруга, которая потянулась к Вадиму, чтобы принять приглашение вместо Софьи.

— Конечно! Буду рада.

Для танца они вышли на свежий воздух в сопровождении завистливых взглядов. Семнадцатилетняя Софья прикусила губу. Даже сквозь перчатки она чувствовала хорошую материю фрака. А манера Вадим вести была плавной, словно убаюкивающей. Софья не заметила как прижалась щекой к его плечу. Под мягкостью танца скрывалась твёрдость, словно он сдерживался, чтобы не сломать ее. Софья улыбнулась мыслям: "Это же какой силой должен обладать человек, чтобы бояться кого-то сломать?".

***

В поместье на краю города он возвращался под утро. Вадим сидел у окна, на горизонте появились первые намёки на рассвет.

— О чем задумался? — спросил Захарченко. Он весь вечер отвлекал свиту Воронцова, чтобы Вадим мог спокойно поговорить с губернатором.

— Думаю о том, что сегодня я не покажу Воронцову суда. Засиделись до поздно, проснётся он к обеду, после обеда будет уже лень ехать в порт. Так что надо будет предупредить моряков.

Захарченко слушал это со скучающим видом. Он снял перчатки и достал сигарету, чтобы закурить.

— Вот смотрю я на тебя и чувствую себя уставшим. Я то надеялся, что это от девочки так тебя проняло.

— Софьи? — Вадим угадал мысль Захарченко, — Милая девушка. Пусть и очень наивная.

— Я думаю, что это твой фасон, — хмыкнул Захарченко и чиркнул спичкой.

— Михаил, не кури в моем экипаже, — послышался голос Егеря. Он открыл маленькое окошко, чтобы говорить, — как потом господин будет возить дам, если ты внутри все прокуришь?

Захарченко задул спичку и осведомился:

— Это с каких же пор, нам стало важно, накурено в салоне или нет?

— С тех самых, как Егерь поменял обивку, — Вадим положил на колени новую подушку.

— Ладно, что у нас нельзя менять шкуру, а то бы жены тоже меняли обивку, если эту прокурили, — пробормотал Захарченко и замолчал, обдумывая не нарушил ли он какие-то внутренние границы связанные с его Марией. Его траур плавно перешел в тихую печаль полную черного юмора. Вадиму только и оставалось, что подкидывать работу, да позволять другу выпускать пар.

***

26 августа 1842 года.

Генерал-губернатор Воронцов с новой набережной смотрел за отправкой первого строительного груза на новом бетонном судне. Оно дойдет до Керчи и обратно за новым грузом. В дальнейшем же суда будут ходить от Мариуполя прямо по Кубани к крепостям. Вадим уже заложил плавучие причалы из бетона и бетонные баржи.

С первыми поставками паровых машин удалось оснастить юркие буксиры, которые построили из заготовок Кавалотти. Борта пришлось обшить набитыми мешками, чтобы смягчить удары при работе с кораблями, но затея уже оправдала себя. Пара винтов позволяла

буксирам курировать между деревянными кораблями со спущенными парусами и помогать им причаливать, заменяя гребцов на лодках, которые обычно на тросах тянули корабли. Из Ростова-на-Дону пришел заказ на десяток таких кораблей, после того, как пара торговцев увидела буксиры в деле. И Вадим и Кавалотти были уверены, что это только начало, поэтому приказали готовить новые экипажи, разослав приглашения.

Бетонный баркас выглядел странно. Белый как кость слога* он не спеша разрезал волны пока набирал скорость. Вадим только начал подогревать интерес к необычным кораблям, как уже задумался о расширении бетонного завода. Открытие рядом месторождений глины позволяли получить интересный результат, а именно супербетон. С почти идеальной структурой он становился материалом будущего. Степень значимость его рецепта Вадим бы пожалуй сравнил с "десятью страницами боли". Где одни позволяли распределить людей по наклонностям, эмоциональному и логическому интеллекту, потаенным проблемам и особенностям черт, тогда как другой позволял получить бетон с прочностью стали.

Вадим видел мир, где этому материалу чуть ли не поклонялись, соединив Африку и Европу железнодорожным мостом через Гибралтар. Людям там пришлось совершить серию инженерных чудес, но и мотивация у них была: север Европы почти полностью затопило. Им даже пришлось закрывать Балтику, чтобы уберечь города.

И вот первое судно груженное цементом отправилось в путь под громкие возгласы рабочих верфи и любопытных горожан. Не каждый день в море выпускали плавающий камень.

— Интересно, — прокомментировал Воронцов и повернулся к верфям, где рабочие сушили еще три баркаса и пять барж. С увеличением размера сухого дока баркасы планировалось довести до девяноста метров в длину и двадцати в ширину. Лишь бы из Питера пришли новые паровые машины.

Курсы для машинистов и кочегаров устроили в городе. Бывшие моряки с парусников медленно переучивались, поэтому приходилось искать людей за границей. Хотя ни Англия ни Франция не спешили отдавать специалистов, активно развивая свои флота.

— Хотите яхту? — предложил Вадим.

— Тоже из камня? Даже не знаю, — засомневался Воронцов

— Подумайте, только не долго. Уже сейчас есть очередь, страшно подумать, что начнётся через пару месяцев, — обрадовал его Вадим.

— Как идет строительство заводов взрывчатки? — спросил губернатор.

— Постепенно.

— Вы, я надеюсь, не говорите о той паре сараев рядом с мастерскими мыловарения, что я мог видеть, пока ехал к причалу?

— Нет конечно, — поспешил убедить его Вадим, — новые заводы будут построены по моим строгим правилам безопасности.

Здесь он не врал. Для опасных предприятий выделили кусок территории с грунтовым основанием, в который приходилось вгрызаться при строительстве. Зато Вадим организовал несколько подземных хранилищ и переходов, чтобы уменьшить ущерб в случае аварий.

***

26 августа 1842 год. Константинополь.

С пролива открывался вид на Мечеть Сулеймане с башнями Беязит. Даже утром старинный город кипел жизнью, соединяя берега империи, соединяя восток и запад. К каменному причалу подошёл торговый клипер, чтобы высадить пассажиров. Несколько

месяцев как "Вестник" служил личным кораблём для нового российского посла. Вместе с Анатолием Демидовым прибыла и его супруга Варвара. Она светилась от счастья пока рассматривала красивейшую архитектуру. Чтобы сопровождать любимого в исламскую страну ей пришлось пойти на жертвы, неприятные, но терпимые.

— Господа, здравствуйте, — навстречу послу вышел помощник при посольстве, — рад вас встретить. Как прошла дорога?

— Честно говоря, отлично, — Анатолий позволил грузчикам забрать вещи и направился к экипажам. В отличие от романтической Вари, он настроился на тяжёлую работу. За последние пару лет ситуация только ухудшилась, и не без помощи англичан.

Варя же повернулась к кораблю и помахала на прощание капитану Романову и пассажиру, которого они подцепили в Испании. Хосе Мариано Эпифано Паредес-и-Арриллага наткнулся на русскую пару, когда искал спонсоров своей будущей президентской компании в Мексике. По совету Анатолия он согласился посетить Россию и пообщаться с очень перспективным предпринимателем, который бы мог вложиться в достойного политика.

После Техасской войны за независимость Мексика срочно нуждалась в деньгах, людях и оружии. Воздух в северной Америке снова запах войной.

Осень 1842 год.

По бурной речке вверх по течению поднимались белые суда как будто вытесанные из камня, на который люди настроили рубки и дымящиеся трубы, нарушая гладкие очертания. Пока моряки следили, чтобы плоским дном не напороть на миль, за ними следили с берега. Мартынов с отрядом проводил разведку новых кораблей, которые везли казакам ружья, еду, одежду, порох и бетон для крепостей.

Мартынов достал английский телескоп, чтобы рассмотреть устройство балкера. Первое, что его удивило, так это отсутствие привычных колес, которые обычно двигали пароходы. Неприятно кольнуло чувство опасности, когда на палубу вышел человек с ружьём. Черкесы уже столкнулись со странными людьми в аккуратной форме, но не относящихся к числу солдат или охотников, которых нанимали офицеры. Своего рода тоже наёмники, но в одинаковой форме, с одинаковым оружием и с нечеловеческим шестым чувством. Вот и этот повернулся в сторону Мартынова так, как будто его видел. Хотя между судном и лежанкой с секретом росли кусты.

— Снова серые, — сказал Мартынов заму, который лежал рядом.

Серыми этих наёмников называли за форму из серой куртки и брюк нового покроя. На ногах они носили не сапоги, как привыкли вообще все, а странные ботинки на шнуровке.

— Как на заводе, — вздохнул зам.

— Теперь стало понятнее. Пошли, — скомандовал Мартынов и пополз с секрета.

С месяц как у Кавказских гор под Владикавказом пошли строители и горнодобытчики. Первым же желанием молодой армии за независимость стала внезапная атака, которая разбилась о целые эшелоны казаков. Когда же преодолели их, то появились серые. Налётчики и бандиты больше чем отряды черкесов.

— Вот где их только набирают? — выругался заместитель на ломаном русском.

— Уверен, что набирают среди бандитов, каких-то матерых, — ответил Мартынов.

Они оседлали коней и поскакали в аул, который оборудовали в штаб армии. Шамиль готовил удар, который должен был повернуть ход войны на Кавказе.

Если до спасени Шамиля из плена черкесы в основном устраивали набеги на Северо-западном Кавказе, уже несколько лет не пробуя на зуб русские крепости. Русские отвечали им карательными походами и главной задачей ставили изоляцию горцев от Османской империи. Но с возвращением Шамиля на помощь черкесам пришли еще и дагестанцы с восточного Кавказа, чтобы вместе сломить линию обороны.

Выстроенные крепости были в ужасном состоянии. В начале сорокового года в горах разразился страшный голод, вследствие чего у горцев появилась мысль напасть на русские укрепления, где можно было добыть много всякого провианта. 7 февраля 1840 года полторы тысячи горцев напали на форт Лазарева и, несмотря на отчаянное мужество восьмидесяти человек гарнизона, взяли его, истребив всех защитников. В феврале та же участь постигла Вельяминовское укрепление на реке Туапсе. Несмотря на ужасные потери горцы продолжали осаждать укрепления, остановившись только после поражения у Абинского укрепления.

Для сторонников Шамиля казалось, что стоит подуть на этот карточный домик и его укрепления разлетятся, полностью раскрыв дорогу османским и английским судам. И целью

удара выбрали Новороссийск. Городок, который основали на развалинах Османской крепости. Стационарной береговой артиллерии в Новороссийске не было, что давало шанс пехоте и кавалерии пробиться к укреплениям. Единственно, что беспокоило Шамиля, так это странные белые суда, которые начали возить грузы от Керчи, снабжая едой и новыми медикаментами защитников на всей линии крепостей. Мартынову удалось узнать, что это постарался генерал-губернатор Воронцов, который помимо прочего ввозил в крепости какие-то новые строительные материалы.

Мартынов же в отличии от имама выделил новую опасность: серых. Они как волки в собачьей шкуре следили за разгрузкой судов, за раздачей нового оружия и медикаментов солдатам. Сколько их прислали в Новороссийск выяснить не удалось, но соглядатые заметили старого знакомого — майора Захарченко, который уже один раз участвовал в поимке Шамиля. Самым странным же казалось то, с какой лёгкостью Захарченко командует серыми, как если бы они были именно его войсками. Но Мартынов уже догадывался, кто стоял за возросшей активностью казаков, догадывался и вздрагивал, пряча воспоминания об ужасной битве между Беркутовым и Анваром в том ущелье.

Мартынов не заметил, как остановился посреди лагеря горцев и уставился на Ахмета. Пересмешник сыграл идеально, подражая привычкам и манерам жертвы. Если бы Мартынов не видел сам, то наверное не догадался бы.

— Шамиль, ты хотя бы подумай над этим, — умолял Ахмет Шамиля в стороне от главного шатра.

— Чтобы мы, встали под “благородную” руку Осман? Мы проливаем кровь за наш народ! За нашу землю! Во имя бога нашего, благословившего нас на эту борьбу! — пока Шамиль гремел, Ахмет его изучал. Это не первый раз на памяти Мартынова, когда Пересмешник поднимал этот вопрос, но пока силы армии пополнялись, имам и представить себе не мог, чтобы идти под руку Константинополя.

Ахмет проводил рассерженного Шамиля взглядом и повернулся к Мартынову, чтобы подозвать его жестом. Горец, не смотря на выволочку, выглядел воодушевлённо, что злило неимоверно.

— Что думаешь? — спросил Ахмет, когда к нему подошёл Мартынов.

— Что ты зря стараешься. Пока имам дышит, этого не произойдет, — сказал Мартынов и прикусил язык. Пришлось взять себя в руки прежде чем продолжить, — Османы признали право России на Кавказ. Они не осмелятся пойти против.

— Рад, что ты так думаешь, — улыбнулся Ахмет.

— Почему? — не понял Мартынов.

— Значит, что также будут думать и остальные русские офицеры, — засмеялся Ахмет и пошел к отряду, оставив Мартынова в задумчивости.

***

5 октября 1842 Константинополь.

В темном проулке полном бродячих кошек показался высокий силуэт. Анатолий Николаевич Демидов высоко поднял воротник пальто, чтобы закрыться от гуляющего ветра. Раньше он не понимал странного выражения: «никто не скажет наверняка где заканчивается хороший дипломат и начинается отличный шпион». Теперь же, дожидаясь связного до него кажется дошло. Пока из министерства приходили робкие просьбы не наломать дров, через посыльных от Вадима шла валюта. С франками и фунтами в кармане получилось попасть в столь высокие кабинеты, что Анатолий ужаснулся. Древнейший враг России — Османская

Империя переживала труднейшие времена. Она была в полной зависимости от поставок продовольствия из Египта и молилась на промышленные блага из Англии. Султану и его армии чиновников не хватало денег не то что на страну, но иногда даже на лишнюю жену в гареме.

— Собака говорит «Гав», — раздался голос из тени у дальней стены. Анатолий прищурился и осторожно убрал руку в карман к любимому револьверу «коротышка Уманского».

— А это точно нужно? — Анатолий захотел прекратить балаган.

— Точно, — ответили из тени, и Анатолий заметил как блеснул металл.

— Кошка говорит «только не яйца!».

— Хе, простите, — поржал незнакомец и вышел. Высокий человек с загорелой кожей. Кто не знал принимал этого выходца с кавказа за местного, пусть Абдула и плохо пока говорил по турецки, но порта контролировала разные народы и не все говорили по турецки.

— Давайте тогда уж до конца, — сказал Анатолий и погрозил выпирающим из кармана револьвером, а для убедительности взвел ударник.

— Какая же это кошка с яйцами... — пробубнил Абдула.

— Правильно, никакая. Давайте, что у вас там? — Анатолий вытер пот со лба.

— ОН просил передать лично в руки, — связной передал толстый запечатанный конверт, — после прочтения нужно уничтожить. Запомните, нельзя, чтобы он попал в руки врага!

Связной поднял указательный палец переполняемый важностью. Не все на Кавказе радовались помощи Осман в борьбе за независимость, не меньше людей пострадало от чрезвычайной жестокости Шамиля. В Абдуле сошлись все это разом и даже больше. От расправы дагестанцев над ним и его семьей, их спасли именно русские солдаты. Вадим в путешествиях старался примечать полезных людей, чтобы привлечь к делу в будущем. Пусть такие как Абдула учатся, повторяя мантру про «лично в руки», если им это помогает, Анатолий же знал, что внутри все зашифровано. И так не умели шифровать даже в министерстве, Вадим наверняка перехватывает дип почту и смеются почитывая ее вечером у тёплого камина. Анатолий поёжился от ветра и убрал пакет.

— Спасибо, — хотел он поблагодарить Абдулу, но связной уже скрылся, — может это я дилетант?

***

5 октября 1842 года. Мариуполь.

Вадим сидел у камина и читал дипломатическую почту. Под рукой, на столике у него стояла бутылка водки и солёные огурчики.

— Вот умора, — он перевернул страницу отчета английского посла. Конечно, там был какой-то шифр, но он не занял много времени. Что-то в духе наносекунд и списка любимых книг английского лорда.

«Русские на севере начали заготавливать огромное количество корабельного дерева. Я бы не получил эту информацию, если бы не до смеха большой заказ. Судя по объему они готовят два новых флота либо полное перевооружение старых...». Вадим дочитал остальную часть и налил себе водки. Как бы он не секретничал, но все замыслы скрыть не получилось.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — Вадим полил водкой документы и закинул их в печь. Не то, чтобы так лучше горело, скорее он так выражал внутреннее раздражение.

Дверь Егерь, но его сразу же с ног чуть не сбил влетевший как буря Захарий Давидович Сараджишвили. Этот грузинский князь подлетел к Вадиму, обхватил за плечи и по дружески обнял.

— Дорогой! Что же ты ко мне в гости не заехал?

— Захарий, отпусти, кости сломаешь! — Вадим привстал на носочки, чтобы не упасть и никого не раздавить случайно, — ты как в наши пенаты?

— Да как, как, если Вадим не идет к Захарию, то Захарий идет к Вадиму.

— Рад, честно, рад, — улыбнулся Вадим и жестом пригласил Захария присесть рядом на кресло, — Егерь, скажи повару, чтобы стол накрывал.

— Да вашблогородие, — Егерь вышел из кабинета и закрыл дверь, чтобы никто не помешал встрече.

— Ну а где жена? Дети? Когда познакомишь? — спросил Вадим у Захария ставя перед ним рюмку и наливая водки, — за встречу.

— За встречу, — князь сначала выпил, потом ответил: — дома, с моей мамой остались. Я отдыхать пришёл или как? Сказал им, что по делам еду. А ты сам как? Когда уже... — он демонстративно потер обручальное кольцо.

— Ну-у-у-у, ты спросил, — начал было Вадим, а потом так хитро улыбнулся, — ну вообще есть вариант.

— О, а это тост! — Захарий поднял рюмку.

Как выяснилось князь приехал не с пустыми руками. После обеда, к чаю и фруктам он поставил на стол пару новеньких бутылок игристого вина или же шампанского.

— Так быстро? — Вадим взял бутылку в руки, чтобы прочитать этикетку: "Три источника".

На вкус оно вышло именно такими какое нужно: сливочное, мягкое, сочное, но не абразивным и слишком «громким», что было бы характерно для шампанского низкого качества. Оно хрустело во рту, с плотно ощутимыми пузырьками, которые были не острыми, а наоборот, крепкими и плотными. Настоящий праздник вкуса. Вадим аж прикрыл глаза от удовольствия.

— Когда ты говоришь будет коньяк? — спросил он у довольного Захария. Князь улыбался как ребенок, довольный эффектом.

— Пару лет еще подожди.

— Эх, если он будет хотя бы наполовину так же хорош... — метательно протянул Вадим.

— То меня похитят! — решительно заявил Захарий, — я пока дал попробовать паре близких друзей, а ко мне в гости вдруг все решили нагрянуть и сразу спрашивают про шампанское! Им хватило наглости, требовать с меня балл! Вот дармоеды, — смеясь, рассказал Захарий.

— Так пользуйся, приглашай сразу в Петербург, себя там покажешь, знакомых своих. И если ты поделишься со старым другом, — Вадим показал на себя, — то я тебе устрою встречу с, — Вадим показал на потолок.

С таким шампанским Николай Павлович мог уделывать французских дипломатов, да и на каком-нибудь из своих балов похвастаться.

Захарий аж поперхнулся:

— Дорогой, ты меня так не обижай, — без смеха ответил князь, — я приехал к другу, отдыхать. Дела потом успеем обсудить.

— Ну потом, так потом, — не стал давить Вадим.

***

— Милое местечко ты выбрал, — заявил Захарий, когда на следующий день они с Вадимом выбрались на осеннюю ярмарку.

— Так, стал бы я плохое выбирать? Пара лет и друзей приглашать будет не стыдно, — тут и воздух и люди.

Если в Новгороде ярмарки начинали с июля по август, то здесь все сдвинулось на месяц. Сделки между торговцами не редко свершались под честное слово, с наказанием в виде позора на все купечество. Если Вадим тянул телеграф для связи, то обычные торговцы не гнушались и самими мелкими слухами. Людям было достаточно один раз замараться, чтобы потом не отмыться от недобрых взглядов. Ярмарки начинали с малебнов, вспоминая святых. Почётные граждане, так же известные, как торговцы первой гильдии произносили слова на главной площади и открывали сезон. В Мариуполе мэр Яким выступал перед людьми. А ведь помимо пяти тысяч горожан приезжало еще тысяч двадцать. Казаки с Запорожья торговали тканями, шерстью, кто-то привозил пшеницу, ячмень. Торговцы сплавлялись вниз по реке, приплывали из соседних городов, заполняя парусниками новые причалы, где каждый день грузили новые балкеры. Кавалотти уже нанял пятого помощника, сколько заказов посыпалось: и паромы, и траулеры для промысла, и лихтеровозы для речек и даже плавучий маяк. Гавань пришлось сильно увеличивать, углубляя дно и строя плавучие пристани из того же самого бетона. На жилой части города берег уже напоминал каменную ладонь, у которой постоянно курсировали суда. На противоположном же берегу за строительными лесами прятались новые цеха и эллинги.

Вадим не спешил рассказывать о богатствах купленной земли, но постепенно стягивал людей с округи, аккумулируя в городе деловую атмосферу. Ему требовался постоянный поток, чтобы не прекращать поставки для оборонительной линии на Кавказе.

— Ой, Вадим! — от рабочих мыслей отвлек звонкий голос.

Это милая Софья с подругой вышли погулять на ярмарку, прежде чем пойдут дожди.

— Захарий, позвольте мне познакомить вас с прекрасными дамами, — Вадим представил князя девушкам, — честно говоря, не знаю, чтобы делал один в Мариуполе, если бы не такие милые красавицы.

— Не долго тебе праздновать одному, — усмехнулся Захарий, — во Владикавказе я встречался с Василием Германовичем Ярмаковым, вы случаем не знакомы?

— Ха, дамы, я должен вас предупредить! — Вадим счёл, что необходимо спасти лучшую половину высшего общества, — это человек потрясающих умений и качеств, я знаю его с детства и перед этим Казановой не смогла устоять ни одна леди.

— Что, прям не могли устоять? — посмеялась Софья.

— Конечно, он же ставит подножки! — с самым серьёзным лицом Вадим изобразил как подхватывает падающую красавицу, — поэтому не подходите близко!

Чтобы развлечь дам, Вадим и Захарий угостили их карамельными петушками и повели гулять на набережную. Захарий рассказывал о прекрасной Грузии, виноградных садах. Вадим с Софьей чуть отстали, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— Вадим, я должна вам признаться.

— Конечно, — Вадим видел, как краснеют кругленькие щёчки.

— Мой батюшка выбрал мне жениха, — голос Софьи упал, — батюшка часто пропадает на рабочих встречах с этим, как его там...

Вадим поднял брови от удивления, поэтому спросил:

— Софья, а вам никто не говорил, с кем общается ваш отец?

— Да куда там, все подружки уже вернулись в Екатеринослав. Отец же, как заведённый пропадает в кабинетах.

— Понимаю, — Вадим нахмурился, — почему вы мне это говорите?

Софью передёрнуло от официального тона.

— В воскресенье батюшка повезёт меня знакомиться и я бы просто хотела узнать, есть ли у меня право выбирать самой, — Софья убрала челку, чтобы полностью открыть лицо, — Я знаю жизнь только за спиной отца. Я даже поюсь* одной только мысли, сбежать от навязанной судьбы. Точно не в одиночку.

— Софья, я должен вам признаться, — Вадим не знал, что движет девушкой, может это была сама мысль, что выбор за неё уже сделали и она хваталась за соломинку, — но я влюблён.

Софья повернулась к морю, как бы не желая слушать.

— Я влюблён в работу, — продолжил Вадим, — я посвящаю ей жизнь, время, каждую мысль, каждый вздох. Она для меня как дорога на небосвод.

— Звучит, как побег от реальности, — прошептала Софья, — вы боитесь жить?

— Я не хочу жить напрасно, — Вадим поднял голову. На улице темнело, — позвольте вас проводить, холодает.

Он предложил локоть и Софья осторожно прижалась, почувствовала тепло. Ее кольнула мысль: " Ну, хотя бы не другая девушка".

Под лучами вечернего солнца к новому причалу у створы крепости Новороссийска пристала пара бетонных судов. Они зашли в городок, чтобы оставить припасы и утром отправиться вверх по Кубани, где их ждал груз меди и кислот. Вадим наконец построил в горах небольшие посёлки, чтобы люди могли работать на шахтах. Так началась выработка Урупского месторождения в Северном Кавказе. Оно ежало западнее Владикавказа и в стороне от истока реки Кубань. Ближе к реке построили пару цехов для переработки руды и провели шоссе, вырубив деревья и засыпав дорогу гранитной крошкой, которую получали при добыче в шахтах. Суда против течения возили уголь и запчасти для станков, которые перемальывали породу, получая медь, бронзу, и в качестве попутных компонентов золото, серебро, кадмий, селен, теллур. Главное рудное тело Урупского месторождения, залегало в толще вулканогенно-осадочных пород, и представляло собой несколько сближенных пластов.

Суда возили в поселения не только уголь, еду, инструменты и станки, но и взрывчатку, для подземных работ. Процесс контролировали инженеры из Петербургского технического и люди Вадима. Бывшие студенты осторожно набирались опыта не только в подрывных работах, но и горно-обогачительных. Поэтому казакам и охране приходилось сутками их оберегать, как золотых. Все же вокруг шли бои. Любая ошибка и траты обещали увеличиться, а медь и бронза были нужны еще вчера.

Вадиму пришло письмо от Максима из Петербурга, в котором друг сердечно просил помощи, а то у императора Всероссийского неприлично выросли аппетиты в вопросе телеграфа. Им заказали больше пятидесяти стрелочных аппаратов для соединения Петербурга и Москвы. Император даже согласился поручить защиту кабелей отрядам казаков и полицейских. Конечно, для работы телеграфов начали строительство и первых электро генераторов. Пока их делали штучно на заводе по производству паровых двигателей в Заводском. Максим поделился и радостью: цеха, которые они заложили весной почти готовы. Он уже заполняет их новыми станками и нанимает рабочих, чтобы начать обучение.

Зная важность медного ручейка от Урупского месторождения, Захарченко стоял на стенах бывшей османской крепости и молча наблюдал за разгрузкой кораблей. Его, как военного до мозга костей, отправили следить за делами на Кавказ, пока Вадим разбирался в Мариуполе. С той стороны бухты раздался тихий хлопок, потом еще и еще. Захарченко потушил сигарету, чтобы лучше видеть, что происходит в темноте на той стороне. Сначала похожие на хлопки, а потом на сухой хворост звучали выстрелы. Опытные глаза майора зацепились за редкие огоньки выстрелов.

— Трррррррррррррр! — надрывая горло заорал Захарченко и достал из кармана сигнальный пистолет. С шипящим звуком ракета похожая на фейверк пошла в небо и слабо взорвалась красным всплеском. От неожиданности на кораблях не сразу спохватились, но стоило в крепости поднять тревогу, как моряки бросили грузы и пошли за оружием. Гарнизон встал под ружье, пока местные прятались за восстановленные стены. Человек пятьсот жило в городке и в основном работало на порт, так что ворота закрылись задолго до того, как к крепости подошёл враг. С охранных застав не вернулся никто.

А учитывая, какую толпу видел Захарченко в новенькую подзорную трубу, то ему пригодился бы каждый человек. Двести человек пехоты — гарнизон, пятьдесят моряков и

остальные мешане. Пусть сюда селились бывшие военные, но легче от этого не становилось.

Капитан крепости уступил старшинство Захарченко, он просто не хотел брать ответственность.

Медленно, без спешки крепость полукругом охватывали конные отряды черкесов. Они на шумели и поняли, что не застанут русских врасплох, так что им пришлось ждать пехоту. Захарченко нервно посмотрел в море, надеясь, что его сигнал заметил хоть один корабль, но на темнеющей глади парусов не просматривалось.

С последними лучами солнца подошла пехота. Не ровные ряды, какие бились в наполеоновских, а сотни цепочек отрядов. Они как змеи ползли к укреплениям, огибая дома городка. И замерли, натянулись для броска под стены.

Бум, бум, бум, забили барабаны так резко, что Захарченко подскочил на стене. Это скромный оркестр крепости решил поддержать защитников. У них людей не хватало на стенах, а здесь целый оркестр нашелся.

— Кто-нибудь, пожалуйста, постучите этим барабанщикам по лицам, — попросил Захарченко и повернулся к врагу. Среди черкесов началось движение. Загорелось пару факелов и к крепости вышло верхом трое. Через подзорную трубу Захарченко хорошо разглядел самого Шамиля в белых одеждах, какого-то бородатого горца и смутно знакомое лицо русского.

— Да это же Мартынов, — Михаил узнал предателя и развернулся к рядовому рядом, — братец, а ну ка дай ка ружьишко.

— Вот, вашблогородие.

Михаил забрал новенькую винтовку, которые начали поступать прежде всего в кавказские войска. Однозарядная винтовка под папковый патрон Уманского центрального боя, да со скользким затвором. Пароход по сравнению с кремнёвыми раритетами. Захарченко прицелился и выстрелил. Пуля выбила фонтанчик грязи перед конем Мартынова, и троица остановилась.

— Хорошо попали, вашблогородие, — сказал солдат, когда Захарченко вернул ему винтовку.

— Я целился выше, — пробурчал майор, но все же решил не стрелять во второй раз и послушать.

— Кто командует крепостью? У нас предложение, — Мартынов переводил слова Шамиля.

— Майор Захарченко, с кем имею честь? — спросил Михаил, хотя и так видел ответ.

— Тот самый Захарченко?

— Это как понимать, — уточнил Михаил.

— Который, брал в плен Шамиля, — не сразу перевел Мартынов, наверное фильтруя ругань имамата. Хотя, на сколько знал Захарченко, Шамиль говорил по русски вполне сносно. Разговор же продолжился.

— Здесь, хозяева земли, которую вы заняли без права, — громко, чтобы защитники крепости слышали, заговорил Мартынов, — так как аллах милостив, мы тоже будем милостивы: отдайте нам Захарченко и уходите из крепости. Мы никого не тронем.

Захарченко повернулся к солдатам, которые стояли рядом:

— Пиздят! Они даже наших дозорных не отпустили.

— А чтобы доказать наши намерения, мы вернем дозорных.

— Блять.

— К сожалению не обошлось без пролитой крови, не все выжили, многие дрались до последнего, — продолжил Мартынов.

Из-за их спин показалось пять фигур. Трое бойцов несли раненого, пока за ними шел хромой.

— Мы даём вам два часа на подумать! — делегация переговорщиков развернулась и ушла.

Захарченко же приказал, чтобы спустили верёвки, по которым подняли бойцов. Нужно было срочно готовиться к штурму и для этого он собрал офицеров. Помимо капитана в крепости была еще пара поручиков и капитаны судов.

— У нас не будет двух часов. Они взяли время, чтобы подтянуть пехоту, — начал Захарченко, как только опросил дозорных. Их сильно поколечили, но бойцы просили остаться на стенах, чтобы дать бой.

— И что вы предлагаете? Умереть на стенах? — неуверенно спросил капитан. Великовозрастная пиявка, которую сослали на эту окраину за плохую службу.

— Если надо, то умрём, — закрыл тему Захарченко, — сколько людей мы можем вывезти на кораблях?

— Человек по сто на каждом, но сейчас палубы забиты грузом, — ответил капитан. Грек, которого наняли в мариуполе стоял прямо и собранно.

— Значит, выгружайте все на берег. В первую очередь на кораблях уйдут женщины и дети, — командовал майор, — под мою ответственность вскрывайте ящики с оружием, на каждого должно быть не меньше винтовки и пистолета, желательно, конечно больше.

— А мы успеем? — не унимался капитан.

— Конечно нет. Поэтому всю взрывчатку для горного дела соберем на складе перед кораблями. Пока мы будем биться на стенах, все кто может будут освобождать трюмы кораблей.

План рождался на месте. Михаил бросил несколько тревожных взглядов в сторону стены, откуда доносилось все больше шума. Чтобы подбодрить гарнизон, пришлось привлечь охранников компании. "Серые", как их называли местные, обвешивали себя оружием, распихивая заряженные револьверы и снаряжённые барабаны по карманам. Захарченко надеялся, что они помогут удержать дисциплину, когда все пойдет по одному месту.

— Это что? — спросил Захарченко, когда ему на пост притащили два зелёных ящика.

— Так гранаты, вашблогородие, — отчитался рядовой.

— Да вижу, что не... Не важно, раз притащили, то раздайте тем, кто умеет пользоваться.

Захарченко изначально и хотел их сложить вместе с остальной взрывчаткой на складе, а то без умения защитники скорее себя бы перебили.

— Началось, — доложил дозорный со стены, и Захарченко вернулся на пост.

***

Мартынов смотрел на невысокие стены крепости. Даже во тьме виднелись замазанные раствором трещины. По правилам осадной науки Мартынов бы расколол этот недоорешек за пару часов, но у Шамяля в армии почти не имелось орудий. Десяток пушек не стали тащить через горы. Крепость вообще не планировали осаждать, хотели взять с наскоку, но получилось как получилось. Теперь тащили лестницы, чтобы перебраться через ров, чтобы залезть на стены и уже там порубить защитников.

Два часа русским действительно не дали, горцы двинулись под беспорядочную пальбу

уже через час.

Под высокой луной то тут, то там появлялись темные силуэты защитников на стенах. Они несколько раз стреляли и прятались, чтобы не получить ответ. Мартынов наблюдал за штурмом, стоя рядом с Шамилем и полевыми командирами.

Забросив крюки и поставив лестницы горцы полезли на стены. Во рвах громыхнуло пару взрывов, разбрасывая атакующих, прежде чем бой перешёл на укрепления. Мартынов видел, как горцы падали обратно, сражение плотным огнем со двора крепости. Внутри сначала неуверенно, потом все громче и громче заиграли барабаны и послышалось громкое “Ура-а-а-а!”.

— В штыковую пошли, — поделился опытом Мартынов. Стоя здесь их охватывало нервное любопытство.

***

Захарченко пинком оттолкнул свалившегося на него черкеса, отбросил револьверный карабин и достал пару револьверов. Черный металл хищно блестели в свете луны. Запах пороха щекотал нос, пока сердце разгоняя адреналин. Он вскинул револьверы и пошёл пробиваться к главному барраку, вокруг которого успели наставить пустых ящиков как баррикады. Из маленьких окон-бойниц отстреливались солдаты и серые, которые спустились со стен под напором горцев.

На мушку Михаила попался горец, который тянул тяжёлый ящик, чтобы освободить дверь в барак. И тут заиграли барабаны. Оркестр решил поддержать солдат.

— Ура-а-а-а, — закричал рядовой рядом и со штыком наперевес рванул к горцам. Он успел сделать с десятков шагов, прежде чем его сразила пуля.

— Ну, любители кумыса, — зло прохрипел Захарченко, с двух рук разряжая свои новенькие револьверы двойного действия.

Все что происходило дальше плыло как в тумане. Он выхватывал движение в темноте и отвечал вспышкой из ствола револьвера. Захарченко с гримасой злого гоблина из детской сказки громыхал выстрелами пока не закончились патроны.

— Ну суу, — закричал Михаил и потянулся за саблей.

Но за ним открылась дверь барака, и майора затащили внутрь. В полутемном помещении, по стенам которого постоянно стреляли, собрались все защитники. Бледное лицо капитана гарнизона выражало глубочайшее уныние.

— Майор, нас сожгут.

— Не сожгут, если отобьёмся. Примкнуть штыки! — с помощью света лампы Захарченко разобрался с запутавшейся саблей и достал ее для холодного боя. Одни из серых протянул ему заряженный револьвер.

— Мы, ваш благородие, сейчас только пистолеты зарядим, — сказал он, и по стене рядом ударила вражеская пуля.

Бойцы не заталкивали пули по одной, а просто меняли барабаны на уже снаряжённые. Пехота завистливо смотрела на них, покрепче сжимая винтовки. Захарченко убедился, что все готовы и кивнул:

— Ну, с богом! Ура-а-а-а.

Солдаты подхватили его крик и выбежали из барака.

***

Когда горцы прямо со стен начали прыгать в ров, Мартынов понял, что первый раунд они проиграли. Под выстрелы, крики и барабанный бой черкесы падали на сырую землю, ломая

ноги. Ночью ведь ни себя, ни товарища рядом нормально не увидишь, вот и место получше для прыжка не успевали разглядеть.

Над стеной показалось окровавленное лицо Захарченко. У него слиплись волосы и на правой стороне кровоточил глубокий порез. Он одним глазом нашел Мартынова и Шамиля, вытянул руку и поднял палец.

— Он нам что-то хочет сказать, — Шамиль тоже заметил майора, — как думаете, что?

Мартынов аж поперхнулся, устыдившись за своего бывшего коллегу, но Захарченко не унимался и согнул руку с поднятым пальцем, чтобы поперек положить другую. Ему не помешала сабля, которую держал майор. Его сдёрнули свои же со стены раньше, чем прогремели выстрелы со стороны горцев.

— Нужно их добить, — скомандовал Шамиль и посмотрел на Мартынова.

— Слушаюсь, — Мартынов повернулся к сидящему на коне Ахмету, — пойдём, братец.

Оставляя его одного с имамом Мартынов не собирался. Ахмет хмыкнул и поехал к отряду, чтобы возглавить следующую атаку.

Мартынов чуть за ним понаблюдал и хотел заговорить с Шамилем, но не стал. Имат с самым серьёзным видом витал в облаках, предвкушая победу.

***

Залитый своей и чужой кровью Захарченко сидел на бочке с порохом и чиркал спичкой, чтобы закурить. У него тряслись руки, но он не сдавался. На поясе у него висела сабля, которая не заходила в ножны из-за прилипшего к ней куска кожи. Захарченко затянулся сигаретой и запрокинул голову, чтобы посмотреть на звезды. На месте правого глаза ему намотали повязку, которая пропиталась кровью из вертикального пореза.

— Вашблогородие, женщины и дети на кораблях, — осторожно, косясь на бочку с порохом доложил поручик, — может и нам пора?

— А что, поместимся? — с сигаретой в зубах спросил Михаил. Он поправил обе кобуры с заряженными револьверами, показывая свое желание остаться еще на один раунд.

— В тесноте да не в обиде, — пожал плечами капитан.

— Вот что, братец, все кто может держать оружие останутся здесь. Моряки вернуться на корабли и без угрозы для пассажиров доберутся до керчи, это вопрос нескольких часов. Уже оттуда пойдет нам подмога. Раненых тоже грузите на корабли.

— Разрешите выполнять?

— Разрешаю.

Капитан щёлкнул каблуками сапог и вышел. Захарченко уже видел, что из кораблей вынесли все что могли, но места не хватало. Если же судна перегрузить, то они сядут на мель, то никто уже никуда не уйдёт. Вот и получалось: чтобы суда ушли, кто-то должен остаться.

***

Для второго штурма крепости собрали несколько отрядов, которые шли не одной волной, а группами с разных сторон, отрезая крепость от суши. Чтобы добраться до порта горцем нужно было пройти двор и бараки крепости, после которых начинались склады.

Люди Мартынова ударили в лоб. На стенах их никто не ждал, поэтому добровольцы из западных стран с криками и боевым кличем залезли по верёвкам и лестницам, перебираясь через вал и тела товарищей.

— Откройте ворота, — скомандовал Мартынов, прежде чем спрятался в полуразрушенной башне.

Русские укрепили баррикады во дворе и отстреливались оттуда, позволяя горцам торчать на стенах как мишеням в тире.

Мартынов выглянул в бойницу башни, чтобы проверить, когда его люди откроют ворота. Он увидел, как его боец спотыкнулся об какой-то кабель и снял затворы. Ворота заскрипели и открылись. Мартынов вышел на стену и падал сигнал к атаке. Снаружи, черкесы только и ждали открытых ворот, чтобы заехать во двор и расстрелять баррикады.

Земля задрожала от топота копыт кавалерии. Всадники понеслись по маленькому мосту над рвом и влетели во внутренний двор.

***

Захарченко сидел у маленького окошка барака со стартером в руках. От черной коробочки с ручкой тянулся медный кабель до самых ворот. Майор конечно испугался, когда какой-то дурак споткнулся о кабель, но в панику не впал. Он дождался, когда во двор заскочит с десятков самых буйных всадников, и дернул рычаг. Поток горцев через главные ворота отсекло белой вспышкой взрыва. Сваленные рядом с воротами ящики со взрывчаткой не только забрали с собой черкесов, но и обвалили раму ворот, засыпая проезд обломками.

— Хрен вам, а не моя жопа!

Глава 18

Осень 1842 года. Лондон

Пока граф беседовал с представителем палаты лордов, Белла судачила с женой гостя. Простая женщина из какого-то древнего рода умирала дома от скуки.

— Луиза, — перебила Белла трепет о новых клумбах в саду, — вы никогда не думали открыть лавку?

— Я? — удивилась женщина.

Белла закатила глаза и тяжело вздохнула. За время жизни в этом зловонном городе она уже почувствовала всю глубину глубин. Если в России женщины могли найти себя в молодых офицерах, семейных делах или в остроте светского общества. То англичанки застряли в болоте консерватизма. Пока в Петербурге и Париже обсуждали идеи и труды философов, волновались за судьбу Декабристов, то тут обсуждали новые клумбы на задний двор.

И если поначалу Белла ещё принимала такие разговоры за защиту от "новенькой", то сейчас она поняла, что это их общество. Деловая парадигма, которой всё и все подчинялось. Женщинам там места не оставили, скорее держали при себе, как атрибут успешного человека.

— Да, дорогая. Я смотрю на вас и думаю, что вы бы могли открыть отличную лавку с цветами. А ваш муж мог бы привозить самые редкие цветы для вас. Весь Лондон ходил бы к вам, — Белла закрыла улыбку чашкой чая.

— Ну я даже не знаю.

— Скоро, благодаря вашему мужу, парламент примет закон и в Англию грузы начнут возить не только англичане. Появятся новые торговцы и вы потеряете возможность. Подумайте.

Про себя же Белла отметила слабый огонёк интереса. В этом мире бизнеса все решали связи и чем больше в колоде находилось у человека, тем выше он лез. Белла открыла несколько ателье и неплохо так пополнила оскудевший из-за мужа бюджет семьи. Когда англичане пропустят иностранные суда, то работать станет проще. Многие наживались на контрабанде, отбирая у нее честный кусок хлеба. Здесь бы определённо понравилось Вадиму. Ее ателье несколько раз пробовали посадить на плату местные банды, но пара человек с фамилией Ивановы быстро объясняли мелким сошкам где раки зимуют. Для больших же ребят нашлось другое решение.

— Ох, Белла, спасибо, что приняли у себя! — встала прощаться Луиза.

Граф Леонтий Андреевич заглянул в гостиную, только чтобы предупредить Беллу:

— Любовь моя, я провожу господина Лормби. Вернусь поздно.

От этих слов по лицу Луизы проскочила еле заметная тень. Похоже, что граф Мартынов отлично вписался в местное высшее общество.

— Конечно дорогой. Всего доброго, — на прощание Белла наградила Луизу понимающим взглядом, выражая солидарность. Пусть англичанка думает, что они в одинаковых ситуациях. Зачем ей знать, что все деньги в семье держит Белла и позволяет тратиться графу только если это поднимает их вверх по иерархической цепочке. Вот и сейчас, Леонтий Андреевич глазами подавал тайные знаки, выпрашивая деньги на гулянку.

Белла подала здоровую руку мужу для прощального поцелуя и незаметно вложила ему

маленький кошелек с деньгами.

— Ты лучшая! — чмокнул он руку и вылетел из гостиной.

— Ну что за говно, — прошептала Белла, стоя у окна. В Англии холодало и не сильно спасали стены особняка. Она натянула оренбургскую шаль из шерсти степной козы. Новый крик моды в Англии, за который чуть ли не дрались в этом прохладном дождливом климате. Шерсть по мягкости не уступала знаменитому кашмиру. Это был подарок от Вадима, который пришел с новой партией товара и инструкциями.

— Тебе холодно? — на английском с акцентом спросил молодой дворецкий с копной рыжих волос. Белла улыбнулась, ее лучик тепла в холодном доме. Они наняли прислугу из числа Ирландцев, граф сначала сопротивлялся, но Белла продавала решение. Так требовал Вадим и она боялась послушаться. В итоге же...

Он подошел ближе, чтобы подуть на белоснежную шею. Теплая рука прошла по поясице, оставляя волну жара.

***

За день до штурма Новороссийска.

Софья с тревогой в сердце ехала напротив отца в дорогой карете с новой подвеской. Тонкостей девушка не знала, но в этом экипаже трясло ощутимо меньше. Да и салон из фиолетового шелка оказался очень приятным. К деревянной отделке приложил руку хороший умелец из Петербург, поэтому карета и внутри и снаружи радовала глаз.

— Куда мы едем? — Софья задала риторический вопрос.

— Я думаю, что ты слишком много сидишь дома. Нужно чаще выходить на улицу, — с дочерью у Воронцова не выходило показать себя строгим, как бы он не старался, — хочу тебя познакомить с одним очень интересным человеком.

— Ты уверен, что я захочу знакомиться с каким-то промышленником? Ты же только об этом торгаше с друзьями и говоришь. О его зрелости как человека, рассудительности, прагматичности и даже восхищаешься его меркантильностью! А ведь у настоящего мужчины в груди должно гореть сердце, страсть!

От неожиданной речи Софьи Михаил Семенович даже не знал, что сказать, а она продолжила.

— А что, если я скажу тебе, что мне нравятся молодые офицеры, которые подставляют грудь под пули, и не жалеют всего себя ради этого?

— И позволь узнать, как зовут этого смельчака, — с холодной интонацией спросил Воронцов, рассчитывая на какие шаги он пойдет, чтобы защитить дочь от ненужной романтики.

— Вот не надо ерничать, — от волнения у Софьи скакнул голос, — Вадим между прочем мне сразу сказал, что больше всего в жизни любит работу и ставит ее на первое место!

Софья с вызовом уставилась на отца.

— Вадим? — с каким-то глубоким недоумением переспросил Михаил Семёнович, потом хрюкнул и заржал на всю карету. Софья покраснела и обиделась. Пока они ехали в гости, Воронцов не мог сдерживать хохота, каждый раз как поворачивался к надувшейся от негодования дочери. Что только еще больше бесило Софью и под конец дороги ее уже потряхивало, как хотелось ударить папеньку и его делового партнёра чем-нибудь тяжёлым.

Когда же карета с восьмёркой лошадей остановилась и кучер открыл дверь, то Воронцовы увидели хозяина поместья. Вадим вышел лично встретить будущую невесту.

— Дорогие гости, пока тепло я попросил накрыть нам в беседке, как с вечера, мы пройдем в дом, где вас будут... Софья, милая, что с вами?

Последнее, что успела подумать Софья прежде чем потеряла сознание: "а он милый, когда волнуется".

***

Захарченко сидел опустив голову, когда у него за спиной послышались шаги.

— Вашблогородие, а что это? — капитан гарнизона в окровавленном и порванном мундире показал на взрыватель в руках майора.

— Это чтобы делать бум. Поворачиваешь здесь ключ, поднимаешь и опускаешь ручку, — лениво объяснил Захарченко. Он или очень устал или потерял слишком много крови. Судя по ощущениям подходили оба варианта.

— Пойдемте, мы оставляем бараки, — капитан помог Захарченко подняться. До майора как-то постепенно, словно из-за пелены или стенки дошли глухие голоса и выстрелы. Даже после подрыва ворот бой продолжался. Они отступали.

Уже на улице стало видно пожарище, которое устроили горцы на месте городка Новороссийск.

— Отстроим, будет еще лучше, — пообещал Захарченко и вырвался из заботливых рук капитана, — я сам. Собирайте оружие и взрывчатку на складах, дадим последний бой.

Он с тоской посмотрел на морскую гладь. Подтянул мундир, поправил саблю и под пулями побежал к большим воротам.

В новом кирпичном здании, рядом с которым вырыли большой котлован под уголь, солдаты собирали порох и взрывчатку. Через месяц в Новороссийск планировали завезти пушки, порох же пришел раньше и до штурма лежал без дела. Горцы любили работать холодным оружием и редко применяли пушки и уж тем более ручные гранаты. Слишком тяжёлые для быстрых ударов, они бы мешали в марше по горам.

Все эти мысли пробежали в голове Захарченко пока он подключал новый взрыватель к стартеру, а по стенам склада били пули. Окон здесь не было, только пара форточек для проветривания под потолком. Майор попросил всех выйти из комнаты, чтобы никто не отвлекал его от сапёрных работ.

— Ну и куда тебя занесло на этот раз? — за спиной словно ветер пробежался знакомый голос.

— Мария? — обернулся Михаил и увидел девушку, бледную и холодную как приведение. Но это была не Мария. Другое лицо.

— Имена не так важны, — заверило Облако и засмеялась.

Она растворилась как туман, прячась за большой бочкой от Михаила. Михаил сам не понял как, но уже держал в руке револьвер. Выхватил на рефлексам.

— Ты не станешь стрелять, ты ведь соскучился, — Облако смело обняла бочку, выглядывая из-за неё только глазами.

— А ты вылези и проверим, монстр, — тяжело сглотнул Михаил.

— Если я монстр, то и твой Вадим, тоде. Ты же заметил, что он не такой как все? — она улыбалась, для неё все казалось игрой.

— Только слепой бы не заметил, — пробурчал Захарченко.

А Облако засмеялась, громко так, и прикрыла рукой один глаз, пародируя рану Михаила.

— Тогда открой оба глаза и пойми, что он тоже монстр. Просто хитрее, — призналась

себе Облако, что её переиграли, — может к вам сейчас относиться хорошо, но обязательно случится что-то что покажет его истинную суть. Он же совсем здесь чужой. Враг и нам и вам.

— К "вам"? "Враг и нам и вам"? Кому вам? Мы все творения бога!

— Возможно, мы с тобой творения одного бога, но не того, которому ты молишься, — назидательно заметила Облако, — но точно не Вадим. Он чужд этому миру.

— Единственные, кто здесь лишние, так это твари вроде тебя и Седого. Которые и глазом не моргнут, как убьют человека!

Облако ничего не ответила, только сложила руки на груди и наклонила голову, показывая всю наивность Захарченко.

— Он для людей сделал больше, чем вы все вместе взятые. И вас, монстров он умеет убивать, — не сдался Захарченко.

— Снова взорвете? — улыбнулась Облако.

У Захарченко поднялась бровь и он шагнул в сторону стартера. Михаил продолжал держать ее на прицеле револьвера.

— Что-то я засиделась, — нервно пробормотала Облако и каким-то жидким туманом потянулась в форточку.

Михаил опустил револьвер, чтобы убрать в кобуру, как дверь с улицы в комнату открылась. На майора уставилось испачканное в саже лицо Мартынова.

***

Русских сначала вытеснили из-за баррикад во дворе и теперь выдавливали из барakov. Пока горцы разбирали ворота Мартынов с отрядом давил защитников, пока не пришел к кирпичному зданию, из маленьких окошек которого отстреливались солдаты. Из всех, кроме тех, что находились у самого бока. У Мартынова даже сложилось впечатление, что их специально отвлекают, поэтому он взял одного из добровольцев из Польши и побежал туда.

Тяжелую внешнюю дверь с железным замком подпёрли чем-то изнутри. Мартынову пришлось повозиться: он засыпал в замок немного порошу из кожаной лядунки и поджог искрой от пистолетного замка. Мартынов выплюнул облако дыма и закашлялся. Дверь же жалобно заскрипела и открылась наружу. В полутемном помещении стоял раненый майор Захарченко с пистолетом в руках рядом с каким-то устройством. Мартынову хватило мгновения, чтобы опознать запасы картузов и пороха. Он бросился на Захарченко, помешав тому прицелиться, но майор выстрелил и попал. Доброволец из польши так и остался в дверях с простреленной грудью.

Мартынов и Захарченко же сцепились в яростной схватке. Они покатались по полу и остановились только, когда врезались в деревянную подпорку.

— Куда руки тянешь, сволочь? — прошипел Захарченко, мешая Мартынову дотянуться до револьвера, а потом улыбнулся и резко его дёрнул. Щелк. Сработала мышеловка под стеллажом с картузами.

Лицо Мартынова покраснело так, что стало видно даже под сажей. Остатки чести в нем боролись с желанием плюнуть в единственный глаз Михаила. Захарченко же воспользовался конфузией оппонента и оттолкнул его подальше ногами. Михаил схватил ручку стартера и замер. Ему в лицо смотрело дуло его же револьвера. Затрещали доски.

— Я честно, не хочу этого делать, — прохрипел Мартынов.

На лице Михаила заиграли скулы. Он крепче сжал ручку детонатора.

— Лермонтову это скажи, преда...

Мартынов выжал свободных ход на тугом курке револьвера, как сбоку мелькнула деревяшка. Капитан гарнизона огрел его по голове.

— Вашблогороде, я это, зашел вас проверить.

— Трындец, — Михаил без сил рухнул на пол. Он так и не отошел от потери крови в предыдущем бою.

***

Очнулся Захарченко уже на причале. Туда за тяжелые коробки и корабельную оснастку выносили раненых солдат. Капитан организовывал последний рубеж обороны. Дальше им было некуда уходить, позади водная гладь. В воздухе просвистела пуля. Горцы осторожно проверяли склады, выкуривая всех, кто остался внутри.

Михаил закричал и сел, опершись спиной на какой-то ящик.

— Вашблогородие, лежите! — подошел к нему капитан.

— Взрыватель, — Захарченко рукой показал в сторону комнаты со взрывчаткой.

— Я сейчас, я сам, — растерянно затараторил капитан и побежал внутрь. Пробегая через полупустые залы с провизией, запчастями для винтовок, одеждой он видел тела убитых защитников. Солдаты истекли кровью или получили пулю лежа у импровизированных бойниц, стоя за баррикадами. В крепкие ворота ломались горцы.

Капитан Петрушев влетел в крайнюю комнату, где из выбитой двери уже показались черкесы. Раненого Мартынова внутри не было, но и не до него было капитану. Петрушев же под грохот выстрелов, прыгнул к детонатору и опустил рычаг.

Ничего. Бомба не взорвалась. Раненый же Петрушев хрипел и выплёвывал кровь из простреленного лёгкого.

— Ключик, — выдавил он и повернул ключик на стартере.

***

— Капитан, — пересохшими губами прошептал Захарченко, пока к нему неслась волна горячего воздуха, а с неба падали горящие кусочки одежды и кирпичная крошка.

Оседающую пыль пронзили первые лучи солнца. Захарченко закрыл глаз и прислушался к дуновению ветра. Гладь Черного моря и побережья окутал легкий туман. Через него и показались горцы. Они осторожно шли через руины, переступая горячие осколки, тела и мусор. Молчаливой волной ненависти они встали перед последней баррикадой, удерживаемые невидимой волей.

— Эй, русские, сдавайтесь! — среди всадников выделялся Шамиль в белых одеждах. Он подошел ближе, но все еще далеко от позиций русских.

Захарченко скривился, поднимаясь на ноги. Болело все тело, кровь отошла от головы, и он пошатнулся, но устоял.

К нему повернулись выжившие и раненные. Его наемники, местные охотники, обычные рядовые, собранные со всех краёв страны. Захарченко каждого смерил взглядом, кожей чувствуя решимость людей вокруг. Скрипя зубами, он вытащил саблю из ножен.

— Русские не сдаются!

— Тогда вы погибнете, — Шамиль поднял руку, чтобы отдать приказ на последний штурм.

***

Мартынов с забинтованной головой стоял рядом с Шамилем и все видел. Как Захарченко встал из-за баррикад, раненый, бледный как сама смерть, встал, чтобы противопоставить волю ультиматуму имамата. Мартынов видел, как Шамиль поднял руку,

чтобы отдать приказ, и как из тумана показалось чудовище.

С полными парусами к крепости вышел трехпалубный флагман черноморского флота: "Двенадцать апостолов". Как артиллерийский офицер Мартынов оценил три палубы новейших пушек. Тысяча человек жили на корабле, как на маленьком городе, обслуживая настоящего хозяина морей.

Наверное, только помощь Аллаха не позволила горцам броситься в бегство. Шамиль же выпрямился и медленно опустил руку на шею коню. У имама не дрогнул мускул при виде флагмана.

Моряки засуетились на мачтах, опуская паруса. К фальшборту вышло несколько человек, до них было далековато чтобы стрелять из ружей, но достаточно близко, чтобы разглядеть золотые погремушки на мундирах.

— Сдавайтесь! И мы пощадим ваши жизни, — с корабля через металлическую воронку командным голосом закричал Лазарев. Справа от него стоял генерал-губернатор Воронцов, а вот с лева стоял Беркутов. Только почему-то Вадим прикрывал глаза.

— Мы, народы Кавказа признаем право Османской империи и султана Абдул-Меджида! — слова Шамиля прозвучали как гром среди ясного неба. Сам же имам сидел с таким видом, будто не замечал растерянные взгляды своих командиров, — Вы правда хотите начать войну?

Пришлось постараться, чтобы перехватить "Двенадцать апостолов" в керчи и дойти до Новороссийска. Адмирал изначально был против, ведь он отвечал за доставку османского дипломата в Россию, но Воронцов смог убедить адмирала, сославшись на чрезвычайность ситуации.

На подходе к берегам Кавказа флагман попал в густой как мыльная вода туман и сошел бы с пути или сел на мель, если бы Вадим не помог рулевому.

И судя по обстановке на берегу они успели вовремя. Туман продолжал клубиться у корабля, как бы указывая на Шамиля и его свиту. Среди горцев выделялся перебежчик Мартынов, который после слов о присоединении Кавказских народов к Османской империи кого-то искал в толпе.

— Боюсь, что это невозможно, — с предвкушением заявил Воронцов так, чтобы слышали даже на берегу, — с нами брат султана, уважаемый Мурад. Надеюсь, что он прояснит загвоздку.

Турецкий дипломат дождался, когда переводчик перескажет ему смысл диалога, кивнул и отмахнулся от горцев.

Переводчик перевёл его слова:

— Империя не нуждается в перепачканных бандитах.

Вадим ухмыльнулся. Ведь переводчик перевел фразу не до конца: "империи нужен шёлк, пшеница и краски".

Шамиль помрачнел лицом. Лазарев же убедился, что горцы сдаваться не спешат приказал:

— Беглым огонь!

— Только Шамиля не заденьте, — встрял Воронцов, но было уже поздно. Расчёты орудий очнулись от утренней оторопи и перешли в движение.

Мимо Мартынова со свистом пролетело ядро, это выстрелила первая шестидесяти фунтовая пушка. В задних горцев рядах неприятно зачавкало. Раздался громкий крик, и все как с цепи сорвались. Никто больше не думал добивать защитников крепости, вести переговоры или разграблять город. Горцы просто бежали, побросав все. А пушки на корабле знай себе паф да паф, посылали ядра вдогонку убегающей пехоте. А ядро в полете вертелось, билось об сырую землю, отскакивало, собирая жатву из тел и голов, и летело себе дальше, кося еще и кавалерию.

Шлеп, шлеп, шлеп, ядро упало в воронку, вертясь, перед этим пролетев добрую сотню метров и оставив кашу. Люди Шамиля взвыли, им встретился бесчестный враг, которого не возьмёшь шашкой верхом и не подстрелишь из засады, или не отравишь в гостях.

Вадим встретился взглядом с имамом и то, что он в них увидел, ему не понравилось. Это был не тот испуганный человек, которого он полуживым притащил в расположение части. Не тот имамат, который уже почти погиб обратившись к иностранной помощи. Не тот, который бы пошел под осман.

— Братцы, дайте я, — Вадим подошел к орудию, поймав на себе удивлённые взгляды расчёта.

— Пусть, пусть, — разрешил Лазарев.

Вадим приподнял ствол, наводя на имама. Шамиль это видел, но ничего не делал, как

бы выжидая. И тут у Вадима засветились глаза. Над гладью моря зашевелился туман и зазвучал раскатистый женский смех. Неожиданно поднялась волна и корабль качнуло. Бух и ядро, отскочив от земли, сносит под Шамилем коня. Да так ловко, что имам вылетает из седла прямо в грязь, где и пачкает одежду. Его подхватывают приближенные и быстрее ведут в укрытие, но залп за залпом нагоняет горцев. Они оставили город, и направились к горам, прикрываясь пожарищем.

Но там, со стороны главной дороги уже шла волна боевого клича казаков. На встречу отступающей армии Шамиля вышли войска полковника Альбранта Льва Львовича. Ловушка захлопнулась.

***

Экипаж корабля высадился на берег, чтобы помочь раненым защитникам Новороссийска и добить разбегающихся горцев.

Майора Захарченко нашли у большой бочки с водой, он держался из последних сил. Вадим улыбаясь раскрыл объятия, и Захарченко упал без сил.

— Так рад меня видеть, что в руки падаешь? Блять, да он же кровью истекает! Врача! Быстро! — Вадим зажал рану на груди Захарченко, откуда маленькими струйками пульсировала кровь. Кусок щепки пробил мундир и грудь майору.

— Давайте, вашблогородие, — с рук Захарченко перехватил личный врач Лазарева, его взяли в дорогу на всякий случай с турецким дипломатом. И если турок сейчас с любопытством рассматривал снаряжение защитников и огромную воронку на месте склада, то хороший врач был очень нужен на берегу.

Он ловко вынул щепка, промыл и перебинтовал рану. Михаила забрали на корабль, чтобы он отлёживался. Вадим же пошел искать тело Шамиля, но нашел только еле живого Мартынова, среди тел горцев. У бывшего офицера не хватало зубов, а из ноги торчала кость.

— Вот и свиделись, — Мартынов шурился, смотря на Вадима.

— Я должен тебя узнать? — Вадим демонстративно зевнул, — лучше, скажи где имам.

— Смешно, — Мартынов скривился и выплюнул скопившуюся кровь, — мертв он, как и Ахмет.

— Мне верить предателю на слово?

— Делай что хочешь. Мне ведь отсюда не уйти? — он поднял глаза, чтобы встретиться с Вадимом взглядом.

— Зависит от того, как ты можешь мне помочь. Если Шамиль сбежал, то его нужно найти и закончить порочный круг.

— Да говорю же, умер он, — Мартынов замолчал, что-то решая для себя, — пообещай, что не убьёшь!

Вадим тяжело вздохнул, и поднял правую руку, а левую положил на сердце.

— Обещаю, что не убью.

— Хорошо, — Мартынов склонил голову. Его волосы слиплись от запёкшейся крови, — я думаю, что его в конце подменили. Что-то вроде актёра, только необычного, который занимает место своей жертвы.

— Так вот почему когда мы встретились взглядами он меня не узнал, — кивнул Вадим, — а тело? Ну, жертвы.

— Как растворяется. Ну что, не убьёшь?

— Да, да, — пробормотал Вадим, смотря куда-то в сторону.

Со стороны гор ехал крупный отряд казаков. Лев Львович разбил отступающие силы

черкесов и теперь шёл к морю на соединение с гарнизоном и моряками.

— С тобой есть еще желающие поговорить, — "порадовал" Вадим Мартынова.

— А им чего надо?

— Да, накопилось вопросов...

— Вадим, они же меня замучают! А под пытки я не хочу! Не губи! — и увидев, что Вадим все еще думает, Мартынов продолжил, — если меня им отдашь, то я расскажу, что ты не человек! Я видел, что ты сделал с Анваром!

Вадим шмыгнул и подошел ближе. Через землю передавался нарастающий топот копыт.

— Хорошо, — Вадим сорвал с пояса какого-то горца бурдюк с водой и протянул Мартынову, — на, запьешь это. Как выпьешь, считай что мы договорились.

Он протянул маленькую белую таблетку. Мартынов сомневался, но приближающиеся казаки заставляли нервничать. Он глубоко вдохнул и забрал таблетку. Вадим помог запить, подержал бурдюк.

— Кхем, кхем, — Мартынов захрипел и попробовал откашляться. Горло першило и чесалось как при болезни, — еще воды.

— Сколько угодно, — Вадим протянул бурдюк, и Мартынов жадно в него впился, не в силах потушить нарастающую жажду.

— Вадим? Получилось! — Лев Львович бодро соскочил с коня, чтобы поприветствовать Беркутова, но остановился как вкопанный, когда узнал из описаний Мартынова, — что же здесь у вас?

— Да вот, не может человек напиться, — засмеялся Вадим, показывая на Мартынова, который полез искать среди тел еще воды.

— Воды, — хрипел он, ползая по земле, пока не вцепился в высокие сапоги полковника, — хкее, хе, во... ды.

Мартынов говорил все хуже.

— О, позволь помочь голубчик, как ты помог моему сыну, — лицо полковника Альбранта не выражало ничего, а вот глаза. Там плескалась ненависть вперемешку с печалью. Он выхватил из-за пояса длинный изогнутый кинжал, взял Мартынова за копну волос и медленно перерезал горло, смотря прямо в глаза предателю.

— Ну а теперь, я утолил твою жажду, кровопица? — зло выплюнул Лев Львович и отпустил волосы. Голова Мартынова так и упала в лужу грязи лицом.

***

25 октября. 1842 года. Зимний дворец.

На столе перед императором теперь среди прошений и документов лежали расшифровки с телеграфа. Он пододвинул к себе папочку из нового белого картона и прочитал:

— Кавказский гамбит. Операцию разработали: Васнецов Михаил Семенович, Беркутов Борис Вадимович и Демидов Анатолий. Ну, что скажешь? — император поднял взгляд к военному министру, который только отвернулся.

— Молчишь, ага, читаем дальше: "в ходе операции выманили и уничтожили основные войска Шамиля в причерноморье. Сам имам считается пропавшим без вести после береговой бомбардировки. Имущественные потери: отремонтированная крепость Новороссийска и дома для ста хозяйств...". Ну и так далее.

Николай Павлович замолчал, и налил себе горячего морсу, чтобы промочить горло.

— Мне читать список тех, кого предложили к наградам и за что?

— Не надо, я уже видел, — Чернышев устало прикрыл глаза. Противостояние с различными политическими силами отнимало слишком много сил. Одно отстранение адмирала Горынина вызвало слишком много шума. Вкупе с отправкой Беркутова на окраину он поставил слишком много. Поставил и проиграл. Армия развивалась, пусть и не тем путём, который видел министр, прошедший наполеоновские войны.

— И ничего не скажешь?

— Пока нечего.

— Это же ты предложил отправить Беркутова на окраину. Уверял, что там он сдуется без суеты большого города. Затихнет, хотя бы на время! — Николай Павлович говорил все громче и громче, — а теперь смотри сюда, — он поднял прошение о браке Вадима Беркутова и Софьи Воронцовой, — и следи за руками.

Николай Павлович его подписал.

— Воронцова я поставлю наместником на Кавказе, пусть уж до конца зачищает беспорядок, который нам там англичане хотели устроить.

— Кх, это все? — с толикой надежды спросил Чернышев.

— Нет, за неоценимый вклад в развитие безопасности на Кавказе, — император положил на стол следующее прошение, — Беркутов Вадим Борисович получает звание барона.

Чернышев захлопал глазами. Баронов хоть и давали в Российской империи, но редко, а еще реже давали таким молодым.

— А какие земли?

— Земли у него и так много, — император задумчиво постучал пальцами по столу, — ха, ха, ха, — Николай Павлович рассмеялся и в прошении ответил: у достойного дворянина земли больше чем у некоторых светлейших князей, поэтому нарекаю Оружейным бароном, с правом торговать беспошлинно за границу русским оружием.

Чернышев ушел задумчивым, Николай Павлович потянулся и достал из стола другой отчет. В нем, главнокомандующий черноморским флотом Лазарев описывал ход ситуации:

"Шли спокойно, пока не встретили каменное судно с Беркутовым и Михаилом Семеновичем. Они объяснили срочность ситуации со штурмом горами Новороссийска, и мы отправились на помощь. Вот здесь и началась чертовщина. Я бы не смел о ней писать, если бы не целый ряд тревожных моментов. Весь наш путь до Новороссийска мы шли в густейшем тумане, считай блуждали вслепую. Такое произошло на моей памяти в первый раз, хоть я и читал о похожих событиях. Беркутов предложил помощь в навигации, ссылаясь на большой опыт хождения своих новых судов у берегов Кавказа. Я согласился, хоть и наполнился сомнениями. Слава богу он нас вывел прямо на порт Новороссийска, и это события не стоило бы упоминания, если бы не женский силуэт в тумане. Я видел ее лицо, полное злой забавы, которая бывает у жестоких детей. И ладно, если бы только это видение, которое я бы списал на нервы, но в момент бомбардировки армии горцев, море вокруг корабля чуть ли не вскипело. При штиле, по нам ударила волна и сбила наводку орудий, которые пытались попасть в Шамиля. Понимаю, что все выше выглядит как чертовщина, поэтому я заказал молебн на корабль..."

— Интересно, а что подумал турецкий дипломат, — пробурчал Николай Павлович и повернулся к новому окну, которое заменили до наступления холодов.

***

20 Ноября.

Новость о женитьбе Вадима всколыхнула Петербургское общество. Дочка Воронцова, нового наместника на Кавказе, считалась очень завидной парой, что уж говорить о хозяине заводов, пароходов и ателье. Но не это всколыхнуло, затронуло темную суть высшего света: пара решила сыграть свадьбу в Мариуполе! Даже не в, проости господе, в Москве, а на какой-то окраине империи. Многие и не слышали о подобном портовом городке, до этой, даже в чем-то скандальной новости. Ведь человек, который поставляет самые красивые наряды даже семье императора, не даст ни одной красавице показать себя! Ну не поедут же они в чертов Мариуполь.

Что-то в этом роде Вадим узнавал от прибывающих гостей. К нему ехали друзья и родственники со всей империи: брат Сергей приехал из Самары, отложив адвокатскую практику, с Кавказа приехал Вячеслав, с Петербурга потянулись целые караваны друзей и деловых партнёров. И каждому нужно было уделить время.

Письмо с поздравлениями пришло от очень занятого высокопреосвященства Лаврентия. В конце поздравления он интересовался: а когда будут новые церкви на юге?

Вадим несколько раз порывался написать, когда именно они будут, но взяв себя в руки, ограничился скромной благодарностью и припиской: «а когда школы?».

Отдельно Вадим встретился с отцом. Беркутов Борис Владимирович если и постарел, то не сильно. Он предпочитал не прятать ёжик коротких волос под париком и ходил так. Впрочем роскошный костюм Вадим помог ему подобрать.

— Совсем вырос, — заметил Борис Владимирович.

— Ты будешь мной гордиться.

— Уже, Вадим, уже, — Борис Владимирович наклонился в кресле, чтобы достать письмо, — Ли не смог приехать, в Китае начались волнения, но он приглашает тебя в гости, как только там все успокоится.

— Спасибо.

— Вадим, я хочу тебя попросить, — отец замялся, не легко ему было, — устрой Сергея? Он конечно трудиться, но в Самаре у меня меньше возможностей, чем... черт, не думал, что когда-нибудь скажу такое, но ты банально можешь больше.

— Отец, без проблем, — Вадим положил руку на плечо Борису Владимировичу и повел его знакомить с остальными. Многие гости из Петербурга хотели увидеть, кто же вырастил такую акулу.

***

Свадьбу играли в Екатерининской или же Греческой церкви, построенной еще в восемнадцатом веке. Сюда местные греки вывезли святыни с Крыма. Софья светилась от счастья, переживая сказку наяву. Вадим же устроил переговоры с новым, расширенным составом директоров теперь уже корпорации Вестник.

Разбросанные до этого по всей России владельцы акций могли познакомиться лично. Не хватало лишь нескольких человек: не смогли приехать Анатолий с Варей, они застряли в Османской империи, завершая новый торговый договор между империями, и Генерал-губернатор дальнего Востока — Живой. Он поблагодарил Вадима за приглашение, но отказался приехать, ссылаясь на занятость. Зато он с радостью приглашал Вадима к себе.

За большим столом в новом, пока еще закрытом для посетителей зале гостиницы, проходило рабочее собрание. В комнату для баллов поставили подряд длинные столы, за которыми еще пару дней назад гости праздновали свадьбу. Окна украшали новые фиолетовые шторы из-за чего все освещение приобрело схожий оттенок.

Захарченко отлёживался под присмотром доктора Гаазы, который специально по этому случаю привёз лекарства и пару учеников в Мариуполь. Кондрат находился в Москве, и по слухам по колени утопал в бандитской крови конкурентов, пока заполнял пустоту.

Оренбургскую группировку представляли: губернатор Владимир Андреевич Перовский, которого Вадим даже не надеялся вытащить из губернии, Беркутов Борис Владимирович, который сильно поднялся за прошедший год, скупая землю, и нанимая рабочих под ткацкие фабрики. Приехал и теперь уже генерал Марченко, который только недавно подавил бунты на южных землях Хивии. Из Петербурга же прибыла верхушка корпорации: Максим, верный друг и заместитель Вадима, Хана и Дмитрий Волович, которые теперь контролировали не только пару газет, но и новое производство телеграфов. Микола, который явно нервничал среди “больших” людей, сидел рядом с Пьером Морелем и его дочкой Мари, которая росла не по дням а по часам. Милый ребенок. Приехали и старики: бывший адмирал Горынин сидел рядом с Есилавом Васнецовым, и с любопытством разглядывал собравшихся. Они вместе с очень серьёзным Мальцевым Сергеем Пётровичем возлагали большие надежды на молодёжь.

Окраину или же юные границы империи представляли: генерал губернатор Воронцов, теперь уже генерал Амбрант и князь Захарий Давидович Сараджишвили.

От иностранцев же присутствовали таинственные гости из Дании, Голландии и Мексики. Вадим решил провести встречу на французском, международном языке дипломатии и общепринятом в дворянских кругах.

— Друзья, — Вадим начал приветственную речь, — я рад видеть нас всех вместе. Таких разных в чинах, разных во взглядах, разных возрастом и идеями, но безусловно одинаковых в одном — в желании развивать, приносить прогресс Российской империи. Вместе мы позаботимся о будущем, возьмём его в свои руки, подчиним своей воле. Ведь вместе мы прогрессоры.

Собрание директоров и акционеров растянулось на несколько дней. Днем гости праздновали, вечером же обсуждали дальнейшие планы. Перед тем как отпустить всех обратно по делам Вадим лично в руки вручил задания. Он не доверял посыльным, а по телеграфу пока столько информации было не передать.

Собравшись в номере Волович проводили урезанным составом директоров Вестника. Максим с расстёгнутым воротником сидел в кресле и читал задание, пока семья Волович обсуждала новые обязанности:

— Дорогая, как я возглавлю завод? — спрашивал Дмитрий.

— Тебе же хватило ума “придумать” этот телеграф? Вот и занимайся теперь, — хихикала над ним Ханна.

— Извините, но я вас перебыю, — встрял Максим, переворачивая страницу, — мы должны будем купить остров. Вадим требует, чтобы мы построили большую верфь.

— Это на какие деньги? — удивилась Ханна. Она примерно представляла, какие траты принесла активность Вадима в Новороссии.

— А это, самое интересное, — Максим поднял палец, уши наострил даже бывалый Микола, — похоже, что он договорился с гостями из Дании об отмыве золота. Они откроют в России “Пром Банк”.

— Как-как? — переспросил Дмитрий.

— Промышленный банк России. Он будет брать деньги у империи, а взамен под процент сдавать золото в аренду. Конечно, часть золота осядет в Дании, процент же, — уважительно заметил Максим и продолжил, — но большинство уйдет нам. На строительство, обучение персонала, станки и прочие расходы.

— “Прочие расходы”, — рассеялся Микола, — так и говори — взятки. Где не помажешь, там не поедешь.

— Ну допустим построим мы верфь, а что дальше? — спросила Ханна.

— А дальше, нам нужно, — Есислав еще раз заглянул в послание от Вадима, до того неприличное количество кораблестроительного дуба ему требовалось, — дохрена нам нужно.

— И ты переживаешь? — Горынин хотел отмахнуться от друга, но Воронцов показал ему число. Адмирал закашлялся, чуть не проглотив сигару. Успокоившись Горынин подсчитал примерно объемы, — он что, два Российских флота хочет построить? Англию догнать? А откуда парусина? Пушки?

***

Воронцов, Альбрант и Захарий смотрели на план развития Юга и не понимали, как Вадим хочет построить три, целых три! Три новых сталелитейных завода в Новороссии. Артиллерийский, машинный, артиллерийский и так далее. “Это еще ладно” — думал Альбрант, — “сталь в хозяйстве пригодится, но зачем ему на северном Кавказе делать сигаретные?”. Захарий же впечатлялся задумкой с химическим университетом в Баку, поэтому пока помалкивал на замечание коллег по “несчастью”.

***

— Вадим, вот нах... Зачем. Тебе столько парусины? — негодовал отец, сидя в кабинете Вадима вместе с Перовским, — ты же в Петербурге перестраиваешь корабли под паровой

ход?

Вадим улыбнулся. Отец следил за его делами даже так далеко от Оренбурга. Но за улыбкой помимо радости скрывалось и напряжение. Все задания, что он подготовил делались с прицелом на будущее, даже со всеми заказами от казны, закупками, из горящего в огне войны Китая, и золотом Дальнего Востока, они не могли себе позволить все. Пять лет и Вадим ожидал потолок, когда все запасы растают, а кредитов больше давать в европах не станут. Потом крах, не только Вестника, но возможно и империи с такими долгами. Если только... Вадим перевел взгляд на стену кабинета. В соседней комнате отдыхал будущий президент Мексики, просто он сам еще не знал, что выиграет выборы.

— Вадим, послушай меня, — вмешался Перовский, — я не сказал сразу. Хотел удостовериться, что... В общем, твоя ссылка на Кавказ в прошлом году, нынешняя поездка в Мариуполь, — он медлил, — я не хотел подставлять Анну. Она сейчас хорошо живет в Пруссии, и я бы и дальше молчал, секрет же не мой.

— Владимир Андреевич, а ты чего все вокруг да около? — не понял затруднения друга Борис Владимирович.

— В общем, теперь я вижу, что император благоволит тебе, дал барона, позволил жениться, — вздохнул Перовский, — Вадим, Анна как уехала в Пруссию, родила от тебя сына.

Больше книг на сайте - Knigoed.net